

ИСТОРИЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

1700-1721 гг.

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

ИСТОРИЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

1700-1721 гг.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. И. РОСТУНОВ

МОСКВА «НАУКА» 1987

В монографии освещаются причины и характер Северной войны, ход военных действий на суше и на море. История войны рассматривается в тесной связи с социально-экономическими и политическими условиями того времени. Показывается объективно справедливый характер войны со стороны России, прослеживается развитие русского военного искусства.

Рецензенты

П. П. ЕПИФАНОВ, А. А. СТРОКОВ

Авторский коллектив

И. И. РОСТУНОВ, В. А. АВДЕЕВ, М. Н. ОСИПОВА,
Ю. Ф. СОКОЛОВ

И 0505010000—312
042(02) — 87 27—87—I

© Издательство «Наука», 1987 г.

ВВЕДЕНИЕ

Северная война 1700—1721 гг. была выдающимся событием первой четверти XVIII столетия. Она сыграла огромную роль в исторических судьбах народов России, Швеции и ряда стран Западной Европы, во многом определила их последующее развитие. Вооруженная борьба отличалась большим размахом и продолжительностью. Война явилась важным этапом в эволюции военного искусства. Она обогатила теорию и практику военного дела.

История Северной войны 1700—1721 гг. привлекала внимание многих исследователей. Создана обширная литература. Наибольшее количество трудов было выпущено в нашей стране¹. Первая печатная работа о Северной войне вышла в свет в 1713 г. Она носила название «Книга Марсова или Воинских дел...»². Это был сборник реляций и гравюр о победах русских войск в войне со Швецией. Петр I лично редактировал эту книгу.

В конце Северной войны было начато составление «Гистории Свейской войны». Петр I принимал непосредственное участие в подготовке труда, выступая в качестве его автора и редактора. С 1721 г. каждое утро по субботам он работал над этой книгой. Труд вышел уже после смерти Петра I, в 1770—1772 гг., под названием «Журнал или Подневная записка блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштадтского мира». В чем подробно рассмотрен ход войны, показаны ее результаты.

Большой вклад в изучение причин Северной войны внес П. П. Шафиров. Этому вопросу он посвятил труд, послесловие к которому написал Петр I³. В этом сочинении проявилось достаточно отчетливое для современника понимание значения происходящих событий, в первую очередь создания армии и флота, военных побед, а затем культурных реформ, развития промышленности, административных преобразований. К труду П. П. Шафирова примыкают работы другого современника Петра I — Феофана Прокоповича⁴. Он также подчеркивал важность военных реформ, высоко оценивал победы русской регулярной армии и военно-морского флота в Северной войне.

В конце XVIII в. вышел в свет капитальный труд И. И. Голубова. Вместе с дополнениями к нему он насчитывал 30 томов⁵. В этом труде было собрано большое количество материалов, отображавших экономическую, политическую и военную историю конца XVII — первой четверти XVIII в. Автор, сын курского купца, особо подчеркивал роль Петра I в развитии тор-

говли и промышленности. Немало места в труде было отведено описанию военных событий. Произведение И. И. Голикова сохраняет свое значение как один из источников по истории петровского времени, в том числе и истории Северной войны 1700—1721 гг.

Особенно крупные успехи в изучении Северной войны были достигнуты в XIX — начале XX в. Тогда вышли в свет фундаментальные, основанные на глубоком изучении первоисточников труды Д. П. Бутурлина, А. П. Карцова, В. И. Баскакова, А. З. Мышлаевского и других видных военных историков России⁶. Лучшие представители русской дореволюционной историографии всесторонне обосновали национальный характер петровских преобразований, решительно отвергли версию о том, будто военное искусство в России развивалось путем заимствования иноземных образцов. Так, А. З. Мышлаевский признавал, что русская армия начала изменяться еще до Петра. Петр I в своей деятельности опирался на опыт прошлого. «В этом случае, — писал он, — многое, кажущееся позаимствованным с Запада, является в действительности старорусской формой, лишь прикрытою иноземской номенклатурой»⁷. К такому же выводу приходили и авторы многолетнего труда по военной истории России: «Все лица, которых захватило преобразовательное движение, считали полезным брать на западе только суть, дабы воплощать ее по особенностям родной обстановки»⁸.

Русские военные историки считали «исторической несообразностью» искать в иноземных порядках основу организации русской армии. Значительное влияние на характер военно-организаторской деятельности Петра I оказывала Северная война 1700—1721 гг. Борьба с сильным и решительным внешним врагом давала Петру огромный боевой практический опыт как основу для мероприятий в системе устройства вооруженных сил и первых военно-административных реформ.

Уже в первые годы XVIII ст. военная система России во многом отличалась от того, что было в других странах. «Россия дает образцы, признаваемые поучительными и для западноевропейских стран»⁹, — писал А. К. Пузыревский о реформах Петра I в армии. Весьма интересна мысль Д. Ф. Масловского об иноземных командирах в русской армии. Несмотря на то что Петр I ценил познания иностранцев в военном деле, он вместе со своими выдающимися сподвижниками оставался полным хозяином армии, составлял планы с их помощью и проводил свои стратегические идеи¹⁰.

А. К. Пузыревский, обращаясь к истории Северной войны, отметил, что как стратег Петр I превзошел во всех отношениях Карла XII. Петр I, писал А. К. Пузыревский, тщательно подготовился к борьбе с сильнейшим в Европе противником. Он удачно разрешил вопрос о воинской повинности «на столь широких и верных началах, как ни в одном из западных государств»¹¹. В отличие от Карла XII Петр I всесторонне подготовил тылы и

в то же время постарался лишить противника возможности получить подкрепления и провиант.

Таким образом, в противовес легенде о Петре как поклоннике западноевропейских военных порядков русские военные историки указывали на национальную основу его военного творчества. Армия Петра комплектовалась по принципу обязательной воинской повинности, широкое применение которого на Западе имело место лишь с конца XVIII в. Обширные военные знания, кипучая деятельность, глубокая вера в могучие силы русского народа — все это характеризует Петра как великого полководца, много сделавшего для развития русского военного искусства. Петр I создал замечательную школу военного искусства, из которой вышел ряд талантливых военачальников — его учеников и сподвижников. Основные принципы петровского военного искусства были восприняты и развиты выдающимися русскими полководцами XVIII — начала XIX в.

Много сделали русские военные историки и в области публикации документов по истории Северной войны 1700—1721 гг. Особенно велика заслуга в этом Русского военно-исторического общества, которое в течение 1909—1912 гг. выпустило в свет семь томов «Трудов». Первый и третий тома представляли собой сборники документов. Всего было опубликовано 465 документов, в том числе подлинные письма Петра I и Б. П. Шереметева, «Дневник военных действий Полтавской битвы» и др. На основании этих документов продолжалось дальнейшее изучение истории Северной войны 1700—1721 гг. В частности, действительным членом общества Н. Л. Юнаковым было создано историческое исследование «Северная война: Кампания 1708—1709 гг.: Военные действия на левом берегу Днепра», составившее второй и четвертый тома «Трудов».

Опыт Северной войны 1700—1721 гг. внимательно изучался и зарубежной историографией. За пределами нашей страны вышло огромное множество работ, посвященных этой проблеме¹². Работы эти не равноценны по своему научному уровню. Одни авторы стремились к объективному освещению событий. Другие, наоборот, преднамеренно искажали историю в угоду господствующим классам своих государств. Рассмотрим в этой связи работы английских историков Дж. Чэнса, С. Грахэма и Е. Малколма-Смита¹³, прямо или косвенно освещавших политику России в период Северной войны 1700—1721 гг. Анализируя политику Англии по отношению к России в последнем периоде войны, Дж. Чэнс и С. Грахэм указывали на полный провал британской дипломатии, пытавшейся оказать давление на Русское государство. Главным виновником этого они считали короля Георга I. Они утверждали, что Георг I не выражал интересы Великобритании, а отстаивал свои династические притязания как курфюрст Ганноверский. На самом деле антирусская политика Великобритании была плодом английского правительства, поддерживавшего Георга I в его стремлении максимально ослабить пози-

ции России в регионе Балтийского моря. Об этом наглядно свидетельствуют изданные в Англии в 1922 г. документы по внешней политике¹⁴.

Совершенно иную позицию занял Е. Малколм-Смит. Вопреки исторической правде он попытался реабилитировать английских дипломатов. Е. Малколм-Смит восхищался дипломатической деятельностью лорда Д. Картрета, стремившегося всеми способами сколотить антирусский блок на Балтике. Английский историк называет лорда «самым блестящим дипломатом века», который создал «союз буферных государств» и сумел остановить продвижение России на Запад. Устрашенная Россия, по мнению Е. Малколма-Смита, была вынуждена подписать мирный договор со Швецией¹⁵.

Английский историк сознательно игнорировал документальные источники, свидетельствующие о провале планов английской дипломатии в последний период войны, и старательно протаскивал концепцию превентивной войны «свободного Запада» против наступления «варварской славянской расы». Собственно говоря, многие зарубежные историки так и трактуют возникновение Северной войны, указывая, что причиной войн в первой четверти XVIII в. являлись либо этнические, либо религиозные антагонизмы¹⁶.

Более серьезный подход к освещению событий Северной войны 1700—1721 гг. обнаруживают те английские историки, которые обратились к первоисточникам по русской истории, к работам советских авторов¹⁷. Например, Ян Грей весьма внимательно проанализировал допетровскую эпоху и справедливо отметил, что Московская Русь уже в XVII в. имела связи с европейскими странами и являлась участницей европейской цивилизации. В представлении Я. Грея русский царь — Петр I — как политик и полководец превосходил своего противника Карла XII. Благодаря энергии и дальновидной политике Петра I Россия стала великой державой¹⁸. В солидной монографии Грея обнаруживаются и недостатки, свойственные всем буржуазным историкам, и прежде всего — преувеличение роли личности в истории. Поступательное движение России он приписывает исключительно энергии Петра, «разбудившего» русский народ от летаргического сна. Этот тезис автор обосновывает отрицательными характеристиками русских людей, которые находит в высказываниях иностранных путешественников¹⁹. Я. Грей указывал и причины отсталости страны как следствия иностранных вторжений, но он не увязал факты многовековой всенародной борьбы с активностью русского народа в деле защиты своей родины. Народные массы остались вне поля зрения английского историка. Поэтому, признавая значение Полтавской победы 1709 г., Я. Грей пытался объяснить причину поражения шведской армии тем, что Карл XII устранился от командования накануне битвы²⁰. Но не самостранение Карла XII, а мужество воинов русской армии, их возросшая боеспособность, помноженная на всенародную под-

держку, явились решающими факторами победы под Полтавой.

Более объективно подошел к этому вопросу Б. Самнер. В своей небольшой по объему работе он писал, что Петр I разработал план борьбы с захватчиками, использовал народное движение против интервентов. Автор отметил высокую военную подготовку русской армии и указал на значение Полтавской победы для России²¹. Но Б. Самнер умолчал о возросшей мощи русского флота на Балтике. Наоборот, он отрицал его значение в войне против Швеции ввиду якобы отсутствия национальных офицерских кадров, ошибочно утверждал, что офицеры в русском флоте были иностранного происхождения²². Автор не понял исторических прогрессивных задач России по возвращению отторгнутых у нее земель, ошибочно заявлял, что Петр I и его преемники будто бы всегда стремились не только вмешаться в дела европейских государств, но расширить территорию Русского государства за счет завоевания сопредельных стран²³.

Заслуживают внимания работы профессора Лондонского университета М. Андерсона, посвященные петровской эпохе²⁴. В 1978 г. вышла в свет его очередная работа «Петр Великий»²⁵. Основным достоинством монографии является то, что ее автор использовал обширный круг исследований известных советских историков — Л. Г. Бескровного, П. П. Епифанова, Н. И. Павленко, В. Е. Шугото. М. Андерсон справедливо указывал, что Россия допетровской эпохи прошла трудный и сложный путь в своем развитии. Страна практически была вынуждена защищаться от агрессивных соседей, пытавшихся захватить ее территории. Тем не менее в конце XVII в., утверждает автор, Россия по своему экономическому развитию не отличалась от стран Западной Европы, и только остатки традиционных феодальных отношений, как то всецелое бояр, а также отсутствие прямых контактов с Европой, являлись барьером, мешавшим росту экономического и политического могущества России²⁶. Возникновение Северной войны 1700—1721 гг. М. Андерсон объясняет не только агрессивностью Швеции по отношению к своим соседям, но и тем, что Дания и Саксония желали упрочить свое положение в Центральной Европе, а Россия воспользовалась этой ситуацией и решила вернуть исконные земли в Прибалтике. Кроме того, Петр I был против государственного устройства Швеции. Он желал разрушить агрессивный монархический строй в шведском государстве и заменить его республиканским, который был менее опасен для соседей²⁷. Конечно, такая трактовка хотя и необычна, но она искажает истинные причины войны России со Швецией.

В целом монография М. Андерсона отражает попытку некоторых зарубежных историков объективно разобраться и оценить события петровской эпохи²⁸. К достоинствам монографии можно отнести довольно обширную библиографию и неплохо подобранный иллюстративный материал.

Совершенно иной характер и назначение имеет книга английского филолога Алекса Джонга о Петре Великом²⁹. Очернив всю

историю Древней Руси, автор заявляет, что страна, где родился Петр, находилась более 200 лет под управлением завоевателей — татар, которые оставили России образец правления: всеобщую покорность и беспрекословное повиновение верховной власти. Со времен татарского ига Россия, по его словам, пребывала во мраке. В стране процветал шовинизм. Каждый иностранец считался глупцом. И только Петр I со свойственной ему энергией смог направить страну вперед — к западноевропейской культуре. Но в России, как утверждает автор, этого поворота можно было добиться только силой и жестокостью.

А. Джонг пишет, что все новшества как в литературе, так и в военном деле пришли в Россию из Немецкой слободы. В ходе Северной войны успехи русской армии достигались якобы благодаря бесчисленным жертвам, а Полтавская битва 1709 г. была выиграна Петром I потому, что Карл XII передоверил командование шведскими войсками фельдмаршалу Реншильду³⁰. После Полтавы, вполне серьезно заявляет автор, война затянулась лишь потому, что «русским всегда казалось легче воевать, нежели добиваться успехов в дипломатии»³¹. Характеризуя состояние русской армии и флота, А. Джонг не преминул заметить, что в вооруженных силах России боеспособными были только офицеры-иностранцы. Русский флот не имел подготовленных матросов. По этой причине экипажи не могли управлять кораблями при сильном ветре и в течение всей войны русский флот не сражался в открытом море³². После окончания Северной войны 1700—1721 гг. Россия, по словам А. Джонга, встала на путь будущего территориального расширения по всем направлениям³³. Книга Джонга — не научное исследование, а попытка в литературной форме фальсифицировать историю России, доказать западноевропейскому читателю, что внешняя и внутренняя политика СССР являются продолжением политики царской России.

Подобные «исследования» не новы в западноевропейской историографии. Особый всплеск такого рода литературы наблюдался в 50-х годах, когда проводники империалистической политики обвинили Советскому Союзу «холодную войну». Первыми, кто бросился фальсифицировать историю России, были американские буржуазные историки. Они всячески стремились провести параллели между политикой царской России и СССР. Фальсифицируя историю и не утруждая себя проведением скрупулезного анализа исторических фактов, они утверждали, что и царская Россия, и СССР стремились и стремятся к территориальной экспансии.

Некоторые западные историки признают победоносное завершение кампании 1708—1709 гг., историческое значение Полтавской победы³⁴, хотя и со многими оговорками. Так, например, американский профессор Дж. Вольф, обращаясь к событиям 1708—1709 гг., утверждает, что шведская армия понесла гораздо более жестокий урон от холодной зимы, нежели от русских пуль³⁵. Он предпочитает объяснять поражение Карла XII небла-

гоприятными климатическими условиями и умалчивает о всенапорной борьбе с интервентами.

Слабой стороной почти всех зарубежных исследований является отсутствие детального исследования военного искусства воюющих сторон. В них прослеживается тенденция принизить заслуги русской армии и флота, полководческие способности руководителей вооруженными силами России, фальсифицировать ход Северной войны. Характерными для трудов западных историков являются также попытки бросить тень на миролюбивую внешнюю политику Страны Советов. С этой целью фальсифицируется история и Северной войны.

Таким образом, русские дореволюционные историки, а также представители зарубежной историографии хотя и внесли известный вклад в изучение истории Северной войны 1700—1721 гг., но не смогли создать подлинно научные труды. Этому мешала их классовая ограниченность. Только советская военно-историческая наука сумела всесторонне раскрыть важнейшие вопросы истории Северной войны, объективно показать значение этого события в мировой истории.

Методологическую основу советской историографии Северной войны 1700—1721 гг. составляют труды классиков марксизма-ленинизма. В произведениях К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина дан глубокий анализ военной деятельности Петра I. В 50-е годы XIX в. Карл Маркс тщательно изучал источники по истории дипломатии России и Англии в XVIII в. «При просмотре находящихся в Британском музее дипломатических рукописей, — писал он, — я нашел ряд английских документов, которые относятся к периоду от эпохи Петра Великого до конца XVIII столетия и обнаруживают постоянное тайное сотрудничество лондонского и петербургского кабинетов, причем эпоха Петра Великого представляется начальным моментом этих отношений»³⁶. Маркс замыслил создать капитальную работу на эту тему. Ему удалось написать и опубликовать лишь введение к ней под названием «Разоблачения дипломатической истории XVIII века»³⁷.

Касаясь войн России первой четверти XVIII в., К. Маркс отмечал их важную роль в обеспечении выхода страны к морям. «... Ни одна великая нация, — писал он, — никогда не существовала в таком отдаленном от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого... ни одна нация не мирилась с тем, чтобы все ее морские побережья и устья рек были от нее оторваны... Россия не могла оставить устье Невы, этого естественного выхода для продукции Северной России, в руках шведов, так же как устья Дона и Буга и Керченский пролив в руках кочевых татарских разбойников...»³⁸ В свете этого К. Маркс высоко ценил государственную и полководческую деятельность Петра I, подчеркивал прогрессивный характер его войн, в том числе и Северной войны 1700—1721 гг. Оценивая итоги этой войны, Маркс указывал, что «Петр завладел всем тем,

что было абсолютно необходимо для естественного развития его страны»³⁹.

Ф. Энгельс также с большим интересом изучал войны Петра I. Он писал, что Петр был дальновидный монарх⁴⁰, «действительно великий человек»⁴¹, который оставил заметный след не только в российской, но и мировой истории. Его огромной заслугой, по словам Энгельса, было то, что он «первый в полной мере оценил исключительно благоприятное для России положение в Европе. Он ясно... разглядел, наметил и начал осуществлять основные принципы русской политики как по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше, так и по отношению к Германии»⁴². Выгодные для России внешнеполитические условия, которые имел в виду Энгельс, были созданы войной за испанское наследство 1702—1714 гг. В ней участвовали многие страны Западной Европы.

В. И. Ленин, обращаясь к истории России первой четверти XVIII в., отмечал ту решительность, с которой Петр боролся с варварством. Так, в 1918 г. в работе «О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности» он писал: «Пока в Германии революция еще медлит „разродиться“, наша задача — учиться государственному капитализму немцев, *всеми силами* перенимать его, не жалеть *диктаторских* приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»⁴³.

Советские историки, опираясь на труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, создали ряд исследований об эпохе Петра I. Авторы этих работ подвергли критическому пересмотру концепции буржуазной историографии и с позиций марксистско-ленинской методологии рассмотрели историю Северной войны 1700—1721 гг., полководческую деятельность Петра I⁴⁴.

Плодотворно велась археографическая работа. Было продолжено начатое еще в дореволюционное время издание такого ценного источника, как «Письма и бумаги императора Петра Великого». В 1887—1907 гг. было опубликовано шесть томов. В советский период, начиная с 1918 г., вышли в свет еще шесть томов, каждый из которых состоял из двух выпусков. В них освещение исторических событий доведено до ноября 1712 г.⁴⁵

При изучении истории России в первой четверти XVIII в. значительным достижением советских историков явилась глубокая разработка таких проблем, как развитие экономики, классовая борьба. Созданы ценные работы по дипломатической истории⁴⁶. Что касается военной истории, включая историю Северной войны 1700—1721 гг., то литература по этой теме сравнительно немногочисленна. Она представлена преимущественно брошюрами и статьями научно-популярного характера.

Из трудов, специально посвященных истории Северной войны 1700—1721 гг., можно назвать исследования Б. С. Тельпуховского и Е. В. Тарле⁴⁷. В этих капитальных трудах содержится ряд

принципиальных обобщений и выводов, не утративших своего научного значения. В них показано историческое место Петра I в создании русской регулярной армии и флота, в развитии русского военного искусства. Авторы дали принципиальную оценку роли и значения Северной войны в общем процессе развития военного искусства.

Вопросы военного искусства в Северной войне 1700—1721 гг. рассматривались также в работах, посвященных полководческой деятельности Петра I. В этой области плодотворно трудились В. А. Панов, К. В. Базилевич, Е. И. Порфирьев⁴⁸. Они отмечали в своих трудах, что созданные Петром I русская регулярная армия и военно-морской флот явились решающим средством в деле осуществления внешнеполитических задач Российского государства. Подчеркивалась мысль о том, что в лице Петра I Россия имела выдающегося военного реформатора и великого полководца, сыгравшего большую роль в Северной войне 1700—1721 гг.

Подводя краткий итог сказанному, следует отметить, что в области разработки истории Северной войны 1700—1721 гг. уже проделана немалая работа. Однако степень изученности этой темы нельзя признать достаточной. Многие вопросы не получили должного освещения. Необходимо, опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма, вводя в научный оборот новые документальные материалы, продолжать изучение истории Северной войны, показывать современное значение ее опыта и уроков, разоблачать антинаучные концепции буржуазной историографии. Решению указанных задач и призвана содействовать настоящая книга.

¹ См.: Шмурло Е. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. Вып. 4; Тельпуховский Б. С. Источники и литература о Северной войне // Воен.-ист. журн., 1940, № 1; Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М., 1962; и др.

² См.: Мурзанова М. «Книга Марсова...» — первая книга С.-Петербургской типографии // Труды Библиотеки АН СССР. Л., 1948. Т. 1.

³ Шафиров П. П. Рассуждение, какие законные причины е. в. Петр Первый к началу войны против короля Карла XII Шведского 1700 году имел... СПб., 1717; 3-е изд. СПб., 1722.

⁴ Феофан (Прокопович) История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Пере-

волочне включительно. М., 1788. Ч. 1—3; Он же. Слова и речи. СПб., 1760—1761. Ч. 1—2.

⁵ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788—1789. Т. 1—12. Он же. Дополнение к деяниям Петра Великого. М., 1790—1797. Т. 1—18.

⁶ Бутурлин Д. П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1819—1823. Ч. 1—4; Карцов А. П. Военно-исторический обзор Северной войны. СПб., 1851; Баскаков В. И. Северная война 1700—1721 гг.: Кампании от Гродна до Полтавы 1706—1709 гг.: Критико-ист. исслед. СПб., 1890; Мышлаевский А. З. Петр Великий: Война в Финляндии в 1712—1714 гг. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов.

- СПб., 1896; *Он же*. Северная война, 1708 г.: От р. Уллы и Березины за р. Днепр. СПб., 1901; и др.
- ⁷ Мышлаевский А. З. Офицерский вопрос в XVII веке: (Очерки из истории военного дела в России) // Военный сб., 1899. № 5. С. 35.
- ⁸ История русской армии и флота. М., 1911. Вып. 1. С. 69.
- ⁹ Пузыревский А. К. Начало постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого // Военный сб., 1889. № 1. С. 7.
- ¹⁰ Масловский Д. Ф. 3-е дополнение к «Запискам по истории военного искусства в России». СПб., 1894. С. 30.
- ¹¹ Пузыревский А. К. Указ. соч. С. 23.
- ¹² См.: Фейгина С. А. Петровская эпоха в работах историков капиталистических стран // История СССР, 1972. № 4; Возгрин В. Е. Петровская эпоха в новейшей скандинавской историографии // История СССР, 1981. № 3; Баггер Х. Реформы Петра Великого: Обзор исследований: Пер. с дат. М., 1985; Павлова-Сильванская М. П. Аннотированная библиография иностранной литературы о Петре I (1947—1970 гг.) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973.
- ¹³ Chance J. F. George I and the Northern War: A Study of British-Hanoverian Policy in the North of Europe in the Years 1709—1721. L., 1909; Graham S. Peter the Great. L., 1929; Malcolm-Smith E. British Diplomacy in the Eighteenth Century, 1700—1789. L., 1937.
- ¹⁴ British Diplomatic Instructions. L., 1922. Vol. 1: Sweden, 1689—1727. P. 146—163.
- ¹⁵ Malcolm-Smith E. Op. cit. P. 66—69.
- ¹⁶ Wolf J. The Emergence of the Great Powers, 1650—1715. N. Y., 1951. P. 35—39. 54—56.
- ¹⁷ Sumner B. H. Peter the Great and Emergence of Russia. L.; N. Y., 1962. Grey J. Peter the Great, Emperor of All Russia. N. Y., 1960.
- ¹⁸ Grey J. Op. cit. P. 16.
- ¹⁹ Ibid. P. 16—27.
- ²⁰ Ibid. P. 273—306.
- ²¹ Sumner B. H. Peter the Great and Emergence of Russia. L.; N. Y., 1962. P. 67—68.
- ²² Ibid. P. 82—83.
- ²³ Ibid. P. 165—171.
- ²⁴ Anderson M. S. English views of Russia in the Age of Peter Great // The American Slavic and East European Review, 1954. Vol. 13, N 2. P. 210—214; Idem. Peter the Great. L., 1969.
- ²⁵ Anderson M. S. Peter the Great. L., 1978.
- ²⁶ Ibid. P. 10—12. 24.
- ²⁷ Ibid. P. 51.
- ²⁸ Ibid. P. 168—174.
- ²⁹ Jonge A. Fire and Water: A Life of Peter the Great. L., 1979.
- ³⁰ Ibid. P. 171.
- ³¹ Ibid. P. 215.
- ³² Ibid. P. 218—219.
- ³³ Ibid. P. 249.
- ³⁴ Florinsky M. Russia: A History and Interpretation. N. Y., 1953. Vol. 1; Martin J. S. A Picture History of Russia. N. Y., 1956.
- ³⁵ Wolf J. Op. cit. P. 79.
- ³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 486.
- ³⁷ Впервые было опубликовано в июне 1856 — апреле 1857 г. в газетах «The Sheffield Free Press» и «Free Press». В 1899 г. в Лондоне дочь Маркса Элеонора Эвелинг издала введение отдельной книгой под названием «Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century» («Тайная дипломатическая история XVIII века»).
- ³⁸ Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. L., 1899. P. 87.
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 615.
- ⁴¹ Там же. Т. 22. С. 20.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 301.
- ⁴⁴ См.: Показий С. Н. Петр I, 1672—1725: Рекомендательный указ. лит. Л., 1973; Кафенгауз Б. Б. Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки // Петр Великий: Сб. статей. М.; Л., 1947; Клокман Ю. Р. Вопросы военной истории России XVIII — начала XIX в. в советской историографии // Страницы боевого прошлого: Очерк военной истории России. М., 1968; Беспятых Ю. Н. Северная война на тер-

ритории Финляндии в исторической литературе // Вопросы политической истории СССР. М.; Л., 1977.

- ⁴⁵ Подъяпольская Е. П. Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» // Археогр. ежегодник за 1972 г. М., 1974; Шапиро А. Л. О фундаментальном издании документов «Письма и бумаги императора Петра Великого» // История СССР, 1958. № 1.
- ⁴⁶ Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949; Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950; *Он же*. Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир.

М., 1959; Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959; Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984.

- ⁴⁷ Тельпуховский Б. С. Северная война 1700—1721 гг.: Полководческая деятельность Петра I. М., 1946; Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.
- ⁴⁸ Панов В. А. Петр I как полководец. М., 1940; Базилевич К. В. Петр I — государственный деятель, преобразователь, полководец. М., 1946; Порфирьев Е. И. Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952.

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

*Причины и характер войны.—Состояние русской армии.—
Вооруженные силы Швеции.—Военные планы сторон*

В конце XVII — начале XVIII в. Россия была феодально-крепостническим государством, в недрах которого происходили важные изменения. В. И. Ленин писал, что до XVII в. страна распадалась «на отдельные „земли“, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.»¹ Примерно с XVII в., по словам В. И. Ленина, открывается «новый период русской истории», который отличался «действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»².

Отмеченный В. И. Лениным процесс складывания всероссийского рынка способствовал развитию экономики. Ремесло приобретало характер мелкого товарного производства: от работы на заказ ремесленники переходили к работе на рынок. В различных отраслях промышленности появились мануфактуры. Металлодобыча и металлообработка были сосредоточены в подмосковных, верхневолжских и северных уездах. В большинстве случаев производство было рассчитано на местный весьма ограниченный сбыт. Но к концу XVII в. из Тулы, Серпухова, Павлова, Ярославля, Углича начали вывозить железные изделия на отдаленные рынки. Крупным центром металлообработки была Москва. Предприятия, строившиеся по инициативе государства, представляли собой централизованные мануфактуры, на которых широко использовался труд приписанных к заводам крепостных крестьян.

Важным залогом будущих успехов русской металлургии являлось то обстоятельство, что русские мастера перешли к постройке высокопроизводительных домен. Наличие дешевого леса позволяло России строить более высокие печи, техническое оснащение таких печей также находилось на уровне того времени. Все это вместе свидетельствовало не о слепом копировании иностранного опыта, а об учете особенностей страны. Так, на Урале

русские мастера сами меняли конструкции доменных печей, строившихся по «заморским чертежам», и они оказывались лучшими по сравнению с постройками самих иноземцев³.

Следует особо отметить, что высота шведских домен в конце XVII в. не превышала 5—6 м. Они давали от 36 до 55 пудов (0,58—0,88 т) чугуна в сутки. На Тульском заводе в 1690 г. домна была высотой 8,5 м и давала от 100 до 120 пудов (1,6—1,9 т) чугуна в сутки. В этой области промышленности, по мнению С. Г. Струмилина, Россия опережала Западную Европу почти на 100 лет⁴.

Большие изменения произошли в сельском хозяйстве. Углубление процесса общественного разделения труда, развитие ремесла и торговли, рост городов требовали увеличения производства товарного хлеба. Основным районом производства товарного хлеба являлись территории к югу от Оки, в верховьях Дона, Сейма, Северского Донца, в бассейнах Мокши и Суры. Оттуда хлеб поступал в Москву, Нижний Новгород и другие города центральной части страны. Другой район производства товарного хлеба находился в верховьях Двины и Вятки. В Сибири сформировались крупные очаги пахенного земледелия: Верхотурско-Тобольский, Нарымский, Томско-Кузнецкий, Илимско-Ангарский.

В складывании всероссийского рынка ведущая роль принадлежала Москве — крупнейшему производящему, потребляющему и распределительному центру. Столица была связана сухопутными и речными путями со всеми районами страны. На московском рынке обращались огромные по тому времени массы товаров как отечественного, так и иностранного производства.

Важную роль в экономической жизни Российского государства в конце XVII в. играла внешняя торговля. Но ее развитие сдерживалось тем, что на западе выход к берегам Балтийского моря, искони принадлежавшим русским, был в руках Швеции. В начале XVII в. во время польско-шведской интервенции шведы оккупировали крупнейшие города Новгородской земли — Ивангород, Ям, и Копорье. По Столбовскому миру 1617 г. Российское государство потеряло побережье Финского залива. Король Густав-Адольф, выступая в риксдаге, заявил: «Русские — опасные соседи... а теперь этот враг без нашего позволения не может ни одного судна спустить на Балтийское море»⁵.

У России оставался только один путь в Западную Европу — через Белое и Баренцево моря. Сообщение через северные моря имело для страны большое экономическое и политическое значение. В устье Северной Двины быстро вырос новый порт — Архангельск — единственный русский порт, через который устанавливались прямые торговые связи с рядом стран Западной Европы. Товарооборот этого порта непрерывно возрастал. В течение навигации сюда приходило до 100 судов различных государств. Но удаленность Архангельска от центра страны и непродолжительность навигации в Белом море из-за льдов являлись существенной помехой для ведения внешней торговли.

Не менее трудным было положение и на юге. Все Северное Причерноморье находилось в руках Османской империи и ее вассала — Крымского ханства. Отсутствие у России выхода к Черному морю также препятствовало развитию постоянных и прочных связей с другими странами. Серьезную опасность для экономического развития Русского государства представляли систематические набеги крымских феодалов на его южные окраины.

Агрессивная политика Османской империи создавала угрозу не только России, но и ряду других государств. В конце XVII в. они объединились для борьбы с Турцией, образовав Священную лигу. В нее вошли Австрия, Речь Посполитая и Венеция. Россия без колебаний примкнула к антитурецкому союзу. Важное значение в этой связи имело урегулирование взаимоотношений между Россией и Польшей. В 1686 г. оба государства подписали так называемый вечный мир. Польша подтверждала свой полный отказ от земель Левобережной Украины, Смоленска и Киева. Этот мир наметил перелом в отношениях двух государств и способствовал объединению их усилий в борьбе с Турцией.

Выполняя свои обязательства перед членами Священной лиги, Россия организовала два похода в Крым (в 1687 и 1689 гг.). Несмотря на их неудачу, они тем не менее сковали крупные силы противника. Турки лишились возможности поддержки многочисленной конницы крымских татар. Это позволило союзникам по антитурецкой коалиции вести успешные боевые действия и окончательно приостановить османскую агрессию в европейские страны.

В 1695—1696 гг. были проведены Азовские походы. Они являлись продолжением войны, которую вела Россия в союзе с Австрией, Речью Посполитой и Венецией против Турции, но осуществлялись по новому плану, разработанному Петром I. В отличие от Крымских походов 1687 и 1689 гг., когда наступление велось через безлюдные и безводные степи непосредственно на Крым, на этот раз перед русской армией ставилась задача овладеть Азовом. Эта турецкая крепость располагалась у устья Дона и закрывала выход в Азовское море. Для овладения ею была сформирована армия численностью около 31 тыс. человек при 114 мортирах, 12 гаубицах и 44 пищалях, в состав которой вошли лучшие войска. Чтобы отвлечь внимание турок и татар от готовящегося удара на Азов, в низовья Днепра была направлена дворянская конница под командованием Б. П. Шереметева и украинские казаки.

Весной 1695 г. русские войска были двинуты к Азову. Авангард армии выступил из Москвы в начале марта и 27 июня стал лагерем у Азова. По дороге к нему присоединились донские казаки. 28 апреля на судах «плавным походом» двинулись главные силы. С ними находился Петр. Путь шел по рекам Москве, Оке и Волге. В Царицыне войска высадились на берег и пошли степью к городку Панинину на Дону, где их ожидали заранее подготовленные суда. Отсюда войска продолжали путь вниз по

течению Дона. 5 (15) июля вся армия была сосредоточена у стен Азова. Началась осада города. Гарнизон крепости оказывал упорное сопротивление. Турецкие корабли непрерывно подвозили пополнения и запасы в осажденный Азов. Отсутствие у русских флота не позволило заблокировать крепость с моря.

Было решено штурмом овладеть Азовом. Он состоялся 5 августа, но был отбит. Также неудачным был второй штурм, произведенный 25 сентября. Большие потери и приближавшаяся осень принудили Петра снять осаду Азова и возвратиться назад. Основными причинами неудачи были: отсутствие у русских военно-морского флота, недостаточная подготовка войск к осадным действиям.

Неудача первого похода на Азов не сломила стремления Петра к достижению поставленной цели. Он энергично взялся за подготовку нового похода, решив действовать против Азова не только сухопутными войсками, но и флотом, который мог бы изолировать крепость со стороны моря. На верфях в Воронеже и подмосковном селе Преображенском началось спешное строительство кораблей. К весне 1696 г. флот был построен. Он насчитывал 2 корабля, 4 брандера, 23 галеры и большое количество транспортных судов. Наряду со строительством флота шла усиленная подготовка сухопутных войск. Численный состав действующей армии был доведен до 75 тыс. человек. Во главе ее поставили боярина А. С. Шенна. Фактическое руководство войсками осуществлял Петр.

В конце марта вся армия была сосредоточена в Воронеже. 23 апреля на транспортных судах выступил в поход авангард под командованием П. Гордона (три полка). Вскоре отплыли еще пять полков во главе с А. М. Головиным и Шенн со своим штабом. Остальные войска двигались походным порядком.

3 мая к Азову двинулся галерный флот. Он выходил из Воронежа отрядами по 5—8 судов. Всего было четыре отряда. Во главе первого на галере «Принципиум» плыл Петр. 27 мая русский флот подошел к Азову, отразил попытку высадки турецкого десанта с моря и в начале июня блокировал крепость. Сухопутные войска осаждали ее с суши. Совместными действиями армии и флота 19 июля Азов был взят.

Занятие Азова обеспечило России выход в Азовское море. Но Керченский пролив находился в руках Турции. Это обстоятельство не давало Российскому государству доступа в Черное море. Необходимо было продолжать борьбу. Чтобы разрешить черноморскую проблему, Петр I стремился укрепить союз европейских стран против Османской империи. Но достигнуть этой цели не удалось.

Правительства западноевропейских стран лихорадочно готовились к войне за испанское наследство. Австрия спешила освободить себе руки заключением мира с Турцией. Усилия России добиться согласия союзников на продолжение войны натолкнулись на ожесточенное противодействие представителей Австрии,

а также Англии и Голландии, которые были заинтересованы в привлечении сил Австрии к борьбе за испанский трон. Австрийский император начал мирные переговоры с Турцией, не заботясь об интересах ни России, ни Польши. Резидент А. Никитин из Лондона доносил Петру I, что «о мире особенно хлопочет английский король, принявший на себя, по просьбе султана, посредничество, вместе с Голландиею»⁶.

В полной мере противоречия между союзниками выявились на Карловицком конгрессе 1698—1699 гг. На нем английские и голландские «посредники» старались поскорее примирить Австрию и Турцию. Они увещевали П. Б. Возницына, русского уполномоченного на переговорах, принять невыгодные условия мира с Турцией. Но Возницын дипломатично отказался от их услуг, объяснив, что «за посредников он их цело без воли государя своего признать не может, только признает за приятелей и друзей, от которых всякой приязни надежен»⁷. В своих донесениях Возницын неоднократно отмечал, что представители морских держав на конгрессе действовали в интересах Османской империи. В 1699 г. переговоры продолжил Е. И. Украинцев. Он также указывал, что «послы английский и голландский во всем держат крепко турецкую сторону и больше хотят им всякого добра, нежели тебе, великому государю... У тебя, государя, завелось морское корабельное строение и плавание под Азов и у Архангельского города, и тому они завидуют и того ненавидят, чая себе от того в морской своей торговле великой помешки»⁸.

Таким образом, морские державы стремились связать России руки на юге. Они также не желали, чтобы она развивала морское судостроение и судоходство на севере. Англия и Голландия, приковывая внимание России к региону Черного моря посредством ущемления ее интересов при заключении мира с Турцией, в то же время старались не допустить развития военного конфликта на Балтике. В мае 1698 г. морские державы заключили союз со Швецией. Он свидетельствовал о развернувшейся борьбе среди европейских держав за привлечение на свою сторону военноморских сил Швеции в предстоящей войне на континенте.

Австрия, Венеция, Речь Посполитая заключили каждая в отдельности мирные договоры с Турцией. Русскому послу Е. И. Украинцеву пришлось в 1699 г. подписать перемирие сроком на два года, а затем вести переговоры о мире. Распался антитурецкий и стал зарождаться антишведский союз. Его инициатором выступил русский царь Петр I. Он правильно оценил расстановку сил в Европе. Морские державы (Англия и Голландия) готовились выступить против Франции. Каждое из противоборствующих государств старалось заполучить в союзники как можно больше держав, и в первую очередь Швецию и ее армию.

Швеция как торговый партнер и главный поставщик железа в Англию сама была склонна войти в союз морских держав. Она стремилась извлечь выгоду из назревавшего конфликта европейских государств, чтобы окончательно утвердить свое господство

ВЗЯТИЕ АЗОВА
Гравюра А. Штонебека. 1699 г.

на Балтике. Это стремление не укрылось от прибалтийских стран — Польши и Дании. В подобной ситуации у России оказались естественные союзники, и создание антишведской коалиции стало неизбежным.

11 ноября 1699 г. в селе Преображенском состоялась встреча представителей России и саксонского курфюрста, польского короля Августа II. Они подписали договор об обоюдном содействии в войне против Швеции. Следует отметить, что условия договора со стороны Августа II были продуманы заранее. Они предусматривали довольно осторожное отношение к России как союзнику и отводили ей особое место в войне. Дело заключалось в том, что в конце 1698 г. и в начале 1699 г. проекты этого договора составлял лифляндский дворянин немец И. Паткуль, бежавший от шведов из Ливонии. По его плану, в котором ясно просматривалось отстаивание интересов прибалтийско-немецкого дворянства, при разделе шведских владений в Прибалтике России отводилась довольно пассивная роль. Паткуль желал поражения Швеции, но боялся и усиления России. В меморандуме Августу II от 7 апреля 1699 г. он писал: «Надобно опасаться, чтоб этот могущественный союзник не выхватил у нас из-под носа жаркое, которое мы воткнем на вертел: надобно ему доказать историю и географию, что он должен ограничиться одною Ин-

германландиею и Карелиею»⁹. Далее Паткуль указывал, что «трактатом необходимо... связать руки этому могущественному союзнику», чтобы он не завладел Лифляндией, и не позволять ему овладеть Нарвой. «Если же царь удержит Нарву за собою и таким образом приобретет в Лифляндии крепкий пункт, то, переступив естественный рубеж, реку (Нарву), соединяющую Пейпус (Чудское озеро) с Балтийским морем, он легко овладеет Ревелем, потом всею Эстляндией, наконец, со временем и Лифляндиею». Паткуль настаивал, что в трактат необходимо внести пункт, обязывающий Петра I «помогать его королевскому высочеству деньгами и войском, в особенности пехотою, очень способною работать в траншеях и гибнуть под выстрелами неприятеля»¹⁰.

Август II был такого же мнения. 14 августа 1699 г. в договоре с магнатами Польши он изложил определение будущего политического положения Лифляндии, которая будет присоединена к Речи Посполитой в виде лена «как оплот против Швеции и Москвы»¹¹.

Таким образом, отлично сознавая, что Россия желает вернуть исторически принадлежавшие ей земли в Прибалтике, саксонский курфюрст и ливонско-немецкое дворянство всячески противились этому законному требованию. Более того, спекулируя на противоречиях польских магнатов, Август II стремился приобрести их благосклонность посредством включения земель Прибалтики — Лифляндии вплоть до Нарвы — во владения Речи Посполитой. Такая направленность политики союзника не могла дать гарантии твердой и искренней помощи при борьбе с общим противником.

Однако русское правительство и дипломаты в переговорах в селе Преображенском заняли вполне определенную позицию. В одном из первых пунктов договора говорилось о желании русского царя иметь твердое основание на Балтийском море. Была обещана помощь Августу II русскими войсками. Особо оговаривалось, что Россия вступит в войну после заключения мирного договора с Турцией. Русские дипломаты обещали поторопиться даже в том случае, если это будет и «убыточно» для страны¹².

Петр I решил не использовать войска Речи Посполитой в предстоящей войне. Он полагался на силы Саксонии и хотя в восьмом пункте договора не исключал участие войск Речи Посполитой, но без твердых требований на этот счет¹³.

Общее выступление было намечено предположительно на апрель 1699 г. При этом со всей ясностью указывалось, что если к этому времени с Турцией мира не будет, а король Август II начнет войну со Швецией, то она будет неудачной и Август «случаем вновь желати будет с оною мира, то мы, великий государь, наше царское величество, должны всякими мерами Свейскую сторону к полезному и лутшему состоянию мира к стороне королевского величества Польского приводить»¹⁴.

В договоре были распределены и театры военных действий. Россия должна была сконцентрировать свои усилия в ижорской

и карельской землях, но вместе с тем русские дипломаты не соглашались ограничить себя лишь этими направлениями. Русское правительство и Петр I предполагали двинуть русские войска на Нарву.

Русская дипломатия, занимавшая твердую позицию в оказании помощи союзнику, не намеревалась слепо подчиняться всем его требованиям. Она не связывала себе руки обещаниями предоставления каких-либо привилегий магнатам Речи Посполитой и не настаивала на обязательном их участии в войне.

Когда союзники в августе 1700 г. узнали о планах Петра I, они не стали открыто возмущаться, сознавая, что сами намеревались использовать Россию в корыстных целях. В переписке саксонского посланника барона А. Лангена и И. Паткуля были высказаны лишь сожаления по поводу провала их намерений, «что теперь обнаружилось секретное намерение царя атаковать Нарву. Я сделал все на свете, — писал Ланген, — вместе с датским посланником, чтобы отклонить его от этого намерения: мы нашли его до такой степени упорным, что опасались долее трогать столь нежную струну, и должны довольствоваться разрывом царя с Швецией в надежде, что Нарва со временем не уйдет от наших рук»¹⁵.

И. Паткуль отвечал, что «благоразумие требует принять все возможные меры, чтобы Ливония не подпала власти могущественного друга и сотрудника нашего государя. С другой же стороны, мы слабы, помощь царя нам необходима, если хотим что-нибудь сделать, и Швеция не мало ослабнет, потеряв Нарву. Следовательно, мы не должны торговаться с царем, чтобы не раздражать его. Я думаю, не надобно спорить с ним об осаде Нарвы и только искусно вручить ему записку в обеспечение прав короля, на основании договора, чтобы действовать впоследствии, когда не нужно будет беречь царя с такою осторожностью, как ныне»¹⁶.

Приведенная переписка состоялась год спустя после подписания договора, но она ясно показывает, какие цели преследовали союзники — воевать чужими руками, причем не считаясь с интересами России. Она также свидетельствует и о другом: русское правительство не дало себя обмануть и твердо отстаивало свои позиции, несмотря на тайные замыслы союзников в любой момент нарушить статьи договора. В отличие от русской стороны союзники за ее спиной плели интриги, а это, естественно, не могло не сказаться на общем состоянии дел.

Длительными и сложными оказались переговоры о взаимопомощи России и Дании. В результате войн со Швецией в XVII в. Дания вынуждена была отказаться от сбора пошлин со шведских торговых судов, проходящих через Зундский пролив, и тем самым потеряла один из основных источников пополнения казны. В 1697 г. датским владениям на юге балтийского побережья был нанесен еще один удар — Голштиния, лежащая между Данией и материком, оказалась под полным контролем Швеции. Голштин-

— ский герцог Фридрих IV женился на сестре Карла XII Гедвиге-Софии. С этого момента Голштиния стала форпостом шведской великодержавной политики. Карл XII ввел на территорию герцогства 5 тыс. солдат и начал восстанавливать крепости на границе с Данией, отрезая ее от материковой Европы¹⁷.

Датское правительство не могло спокойно относиться к такому положению дел. Сразу после вступления на престол Карла XII оно направило в Россию в апреле 1697 г. посла П. Гейнса с целью заключения оборонительного союза против агрессивного соседа. В июне 1697 г. он прибыл в Москву и был сочувственно принят в правительственных кругах. Однако Петр I находился в отъезде за границей, и датскому послу, желавшему личной аудиенции, пришлось ждать его возвращения.

В августе 1698 г. Великое посольство вернулось в Москву, и Петр I встретился с Гейнсом. Переговоры затянулись. Петр был занят турецкими делами и спешил их закончить¹⁸. 21 апреля 1699 г. уже в Воронеже, куда последовал датский посол вслед за царем, состоялась аудиенция, на которой был обсужден и предварительно утвержден договор. Он состоял из одиннадцати основных, открытых статей и двух сепаратных, тайных, приложенных к главному трактату. Основные статьи сводились к следующему: в случае нападения с чьей-либо стороны на одно из договаривающихся государств другое через три месяца по получении об этом уведомления должно прийти на помощь и разорвать мир с нападающим. Причем оговаривалось, что помогающая сторона может сделать попытку мирными средствами уладить конфликт. Но если по истечении трехмесячного срока она не даст результатов, то союзная сторона должна оказать безвозмездную военную помощь. В статьях 6—10 указывались обоюдные обязательства договаривающихся сторон: сообщать друг другу обо всем, что будет к пользе каждого; не заключать каких-либо договоров с другими государями, вредных союзу; пригласить к союзу короля польского; впоследствии приступить к заключению торгового договора. Союз не прерывается смертью одного из государей; в мирное время в таком случае договор обновляется, во время войны наследник умершего государя исполняет договор без его обновления. Главный трактат заканчивается обещанием сторон верно соблюдать союз «во всех статьях, пунктах, определениях и содержаниях».

В двух сепаратных статьях указывалось, что «его царское величество ныне никакого пристанища на Балтийском море не имеет», а посему помогающая сторона должна будет действовать оружием против агрессора вблизи своих границ из-за невозможности объединения вооруженных сил союзников ввиду дальнего расстояния, разделяющего государства. Особо отмечалось, что Россия приступит к исполнению статей договора после заключения мира с Турцией^{18a}.

Из статей договора можно сделать вывод, что именно Швеция подразумевалась в качестве агрессора.

Датский посланник вернулся в Москву. В ноябре он узнал, что Петр I и Август II заключили союз. Гейнс поспешил с окончательным утверждением договора и его ратификацией с теми добавлениями, которые пожелает внести царь. При ратификации договора Петр потребовал включения дополнительной статьи, подтверждающей, что наступление России и Дании на противника имеет силу для окончания войны и заключения полного мира¹⁹.

Таким образом, Петр I не ограничивал инициативу союзников, но в то же время четко определял время вступления России в войну — только после заключения мирного договора с Турцией. Вместе с тем он не отказывался от оказания помощи в случае начала военных действий.

* * *

Накануне Северной войны состояние русской армии определялось новыми явлениями в экономической и политической жизни, которые переживала страна. Во второй половине XVII в. Российское государство вступило в полосу экономического подъема, который характеризовался ростом производительных сил и образованием единого всероссийского рынка. В стране вызревали предпосылки для всесторонних реформ. Это обстоятельство непосредственно отражалось на процессе строительства вооруженных сил, который в начале XVIII в. завершился полной их реорганизацией. Была создана регулярная армия — одна из лучших по тому времени армий Европы и могучий военно-морской флот. Но накануне решающего военного столкновения со Швецией Россия еще значительно отставала от современных для того времени требований в военном деле.

Единой военной организации в стране не было. В комплектовании, обучении и вооружении армии царил разноречивый. Она состояла из поместной дворянской конницы, стрелецкой пехоты, полков «иноземного строя» — солдатских, рейтарских, драгунских и артиллерии — «пушечного наряда». Военно-морской флот отсутствовал.

Поместная дворянская конница к концу XVII в. переживала упадок. Дворянское конное ополчение созывалось только в военное время, с окончанием военных действий оно распускалось по домам. Никакой военной организации в мирное время дворянское ополчение не имело. Естественно, что ни о каком сколько-нибудь серьезном военном обучении в таких условиях говорить не приходилось. По свидетельству современника, «ученья у них к бою против рейтарского не бывает и строю никакого не знают, кто под которым знаменем написан, и потому едет без строю»²⁰. А вот как характеризовал дворянскую конницу публицист того времени И. Т. Посошков: «А естли на конницу посмотреть, то не то что иностранным, но и самим нам на них смотреть зазорно, в начале у них клячи худые, сабли тупые, сами нужны и безодежны, и ружьем владеть никаким неумелые. Истинно, госу-

дарь, я видал, что иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то, что ему стрелить по цели хорошенько... Попечения о том не имеют, чтоб неприятеля убить, о том лишь печетца, как бы домой быть. А о том еще молятца и богу, чтоб рана нажить легкая, чтоб не гораздо от нее поболеть, а от великого государя пожаловану б за нее быть. И на службе того и смотрят, чтоб где во время бою за кустик притулитца. И иные такие прокураты (защитники) живут, что и целыми ротами притуляются в лес или в доли, да того и смотрят, как пойдут ратные люди з бою, и они также будто з бою в табор приедут. А то я у многих дворян слыхал: „Дай-де бог великому государю служить, а сабли б из ножен не вынимать“. И по таким их словам и по всем их поступкам, не воины они...»²¹ К этой яркой характеристике остается добавить немного. Некогда грозная для противника своей многотысячной массой дворянская конница стала утрачивать боевое значение и по другой причине. С повсеместным распространением огнестрельного оружия его роль на поле боя неизмеримо возросла. «Все возрастающая эффективность и скорость огня пехоты весьма отрицательно сказывались на кавалерии»²², которая не выдерживала массированного оружейного и артиллерийского огня. Отныне в западноевропейских армиях «начинает обнаруживаться все возрастающее преобладание пехоты над кавалерией»²³.

Дворяне стремились не отрываться надолго от своего хозяйства и всячески уклонялись от несения военной службы. «Нетство» дворян (т. е. неявка на государеву службу) стало весьма распространенным явлением. От службы уклонялись и знатные дворяне и мелкопоместные. И это также не могло не повлиять на боеспособность дворянской конницы. Ее низкие боевые качества проявились уже во времена польско-шведской интервенции начала XVII в., а во время русско-польской войны 1656—1667 гг. «нетство» дворян явилось одной из причин поражений русских войск под Конотопом (1659 г.) и Чудновым (1660 г.)²⁴.

Наряду с дворянской поместной конницей значительную часть русского войска составляла стрелецкая пехота. Так же как и дворяне, после походов стрельцы возвращались к мирным занятиям торговлей, ремеслом, огородничеством и земледелием. Вместе с тем условия стрелецкой службы значительно отличались от условий службы дворянского ополчения. Стрельцы находились на постоянной военной службе и проходили некоторое военное обучение²⁵. В мирное время они несли так называемую городовую службу, заключающуюся в охране царского двора, сопровождении царя при его «выходах» и разъездах, несении определенных недельных караулов в Москве и других городах, выполнении посыльной службы и т. д.²⁶

В отличие от дворянского ополчения стрелецкое войско имело более правильную организацию. Основной военно-административной его единицей был приказ. Во главе всех стрелецких войск стоял Стрелецкий приказ, ведавший назначениями на службу,

выдававший жалованье, руководивший военным обучением. По мере того как росло значение пехоты на поле боя, все большее значение приобретало строевое обучение стрельцов. Поэтому на протяжении всего XVII в. правительство пыталось привить стрелцкому войску навыки регулярного боя²⁷.

Надо сказать, что боеспособность стрельцов высоко оценивалась современниками, которые считали, что главная сила русской армии заключается в пехоте²⁸. Действительно, стрелецкая пехота широко использовалась правительством в многочисленных войнах второй половины XVII в. и проявила как в дальних походах, так и при обороне пограничных крепостей высокие боевые качества. Например, участвуя в Чигиринских походах в 1677—1678 гг., стрелецкие формирования вместе с другими разрядами русского войска доблестно сражались против турок и татар²⁹.

Однако со временем боеспособность стрелецкого войска стала падать. Совмещение военной службы с занятиями торговлей и промыслами приводило к тому, что стрельцы все более и более отвлекались от овладения военным делом. Попытки же правительства привлечь стрельцов к «солдатскому учению» встречали с их стороны сильное противодействие³⁰. И здесь следует отметить, что среди всех разрядов старомосковского войска положение стрельцов было наиболее своеобразным. Их социальный состав был неоднороден. Особенно это относилось к московским стрельцам, среди которых «люди торговые и ремесленные всякие богатые многие». Что касается остальной массы стрелецкого войска, то его положение приближалось к положению низов посадских людей. В силу этого обстоятельства стрелецкое войско становилось ненадежным и с политической точки зрения. К концу XVII в. стрельцы часто выходили из повиновения правительству. Во время городских восстаний середины и второй половины XVII в. они обнаруживали «шатость», а в московских восстаниях 1682 и 1698 гг. стали основной движущей силой. Все это вместе взятое поставило перед крепнущим абсолютизмом вопрос о ликвидации стрелецкого войска. Первый шаг в этом направлении был сделан правительством царевны Софьи Алексеевны, которое после подавления «хованщины» расформировало 11 (из 19) полков московских стрельцов, разослав по разным городам несколько тысяч человек³¹. При Петре I этот процесс завершился. После подавления стрелецкого мятежа 1698 г. полки московских стрельцов подвергают «скасованию» (ропуску). Однако наиболее боеспособные кадры стрелецкого войска вошли в состав регулярной армии. Городовые же стрельцы пережили время Петра I³².

Русская артиллерия — «пушечный наряд» — комплектовалась личным составом аналогично стрелецким полкам. За свою службу пушкарки получали денежное и хлебное жалованье или земельный надел. Служба пушкарей была наследственной. Подобно стрельцам, пушкарки в свободное от службы время занимались торговлей и ремеслами³³. В военное время для обслуживания пушечного наряда привлекались дополнительно ратные люди, набран-

ные от тяглого населения³⁴. Вся русская артиллерия XVII в. подразделялась на «городовой наряд» (осадные и крепостные орудия) и «полковой наряд» (легкая и тяжелая полевая артиллерия). В составе полевой артиллерии выделяли «полковую», т. е. приданную пехотным стрелецким и солдатским полкам³⁵.

В 1621 г. появляется «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» Анисима Михайлова Радышевского, знаменовавший собой зарождение русской артиллерийской науки. Эта книга стала практическим пособием для русских артиллеристов³⁶. Прогрессивные идеи этого произведения претворялись в жизнь русскими мастерами при усовершенствовании артиллерийских орудий. «Устав» Радышевского оказал большое влияние и на боевое искусство русских пушкарей. Надо сказать, что русские артиллерийские мастера уже в то время практически решили проблему создания нарезных и казнозарядных артиллерийских орудий, на много опередив уровень развития техники того времени. К 90-м годам XVII в. в связи с развитием мануфактур наметились известные изменения в общем производстве артиллерийских орудий. Здесь прослеживается стремление заменить устаревшие орудия более совершенными по конструкции и одновременно привести в единую систему их типы и калибры. Успехи в артиллерийском деле были налицо. Однако хотя русские вооруженные силы и обладали довольно многочисленным артиллерийским парком, все же русская артиллерия, как, впрочем, и артиллерия Западной Европы, обладала рядом весьма существенных недостатков. В целом она представляла из себя разнотипную и разнокалиберную массу. Орудия были тяжелыми и вследствие этого малоподвижными. Дальность стрельбы и скорострельность русских орудий были незначительны. В войсках находилось большое количество орудий явно устаревших конструкций, некоторые из них были созданы еще в XVI в.

Таким образом, ни дворянская поместная конница, ни стрелецкая пехота уже не могли быть основой боевой мощи вооруженных сил Российского государства. Несмотря на известные достижения, пока еще не стояла на высоте требований военного искусства того времени и русская артиллерия. А между тем именно на этот период падают серьезные качественные изменения, происходившие в военном деле. Военное искусство вступило в новый этап своего развития. Повсеместно внедрялись новые виды вооружения и военной техники, новые способы ведения вооруженной борьбы, новые формы военной организации. Так, на смену мушкетам с фитильным запалом приходят кремневые ружья. Резко возросла роль огня на поле боя. Пехота вооружается фузеей со штыком. Изменения в оружии потребовали и качественно новых войск, потребовалась иная, чем прежде, их выучка. Старые способы комплектования и организации вооруженных сил теперь уже не годились. В большинстве государств Западной Европы создавались постоянные наемные армии. Вводилось единообразное вооружение и обучение войск. Армии Западной Европы становились

регулярными, т. е. имевшими постоянную военную организацию, проходившими систематическую военную подготовку и находившимися на полном содержании государства. Главной силой всех европейских армий стала пехота. Значительные изменения произошли и в артиллерии. В конце XVII и начале XVIII столетия в Западной Европе было покончено с цеховой организацией артиллерии. Она «была окончательно введена в состав армии... признана особым родом войск»³⁷. Открылись широкие возможности для ее развития. Были унифицированы калибры артиллерийских орудий, значительно снижен их вес, улучшена конструкция лафетов. Благодаря этому значительно повысилась подвижность артиллерии. Тогда же получили распространение зарядные пороховые трубки, картузы, картечи. Произошло разделение артиллерии на тяжелую и легкую, чем «были заложены основы тактики полевой артиллерии»³⁸. Начали формироваться научные основы развития данного рода войск. Все эти изменения в значительной мере повысили огневую мощь артиллерии.

Переворот в развитии артиллерии вызвал серьезные изменения в фортификации и искусстве осады крепостей. Значительное распространение получили полевые укрепления. В Европе гремело имя выдающегося французского военного инженера Вобана, чья школа вобрала в себя лучшие достижения европейского военнотехнического искусства³⁹.

Крупные изменения произошли в организации военно-морского флота. Все ведущие европейские государства создали постоянные военные флоты⁴⁰, насчитывавшие десятки кораблей различных классов. Новые суда обладали значительной огневой мощью и могли решать в войне стратегические задачи. Обладание сильным военно-морским флотом сделалось отныне непременной принадлежностью военной мощи государства.

Конечно, в этих условиях дальнейшая военная отсталость России перед лицом такого грозного противника, каким была Швеция, становилась опасной для самого ее существования. В этой связи все же следует заметить, что, хотя русские вооруженные силы значительно отставали от армий Западной Европы, они все же не остались в стороне от новых явлений в области развития военного искусства, организации и боевой подготовки войск. Так, новые приемы ведения боя воспринимались отдельными русскими военачальниками уже в начале XVII в. Известно, например, что летом 1609 г. молодой русский полководец М. В. Скопин-Шуйский обучал воинов регулярному бою⁴¹.

Разумеется, правительство не могло не считаться с развитием военного дела на Западе. В 30-е годы XVII в. была предпринята первая попытка создания принципиально новой военной системы Российского государства. На это правительство толкала не только неспособность дворянской поместной конницы и стрелецкой пехоты силой оружия защищать внешнеполитические интересы складывающегося абсолютистского государства. Ему, кроме того, нужна была послушная сила для сохранения крепостниче-

ских порядков в стране. Военной системой, которая надежно обеспечивала бы внешнеполитические интересы дворянского государства и одновременно служила оплотом крепостнических порядков в стране, могла быть только регулярная армия.

В 30-е годы XVII в. правительство царя Михаила Федоровича попыталось создать армию, организованную и обученную по западноевропейскому образцу. В преддверии войны за возвращение захваченного в начале XVII в. поляками Смоленска были сформированы первые русские солдатские, драгунские и рейтарские полки. Для их вооружения правительство закупило за границей мушкеты, шпаги и пики. Личный состав этих новых полков, или, как их тогда называли, полков «иноземного строя», набирался частью из добровольцев — «вольницы», а частью и принудительно. Впервые в истории Российского государства был объявлен принудительный набор «даточных людей», главным образом крестьян⁴². Военная служба, являвшаяся ранее привилегией имущих классов и военного служилого сословия стрельцов, была распространена теперь на широкие массы крестьян и горожан. Следует подчеркнуть, что эти новые войска в отличие от наемных армий Западной Европы, набиравшихся из ландскнехтов разных национальностей, были строго национальными по своему составу и в силу этого обладали более высокими моральными качествами.

Новые полки обучались ратному строю под руководством иноземных офицеров. Свое боевое крещение они получили в войне с поляками за возвращение Смоленска (1632—1634 гг.) где неплохо себя показали. В этих формированиях уже можно было разглядеть некоторые черты регулярной армии: государственное снабжение оружием, боеприпасами и продовольствием, более или менее регулярное строевое и тактическое обучение личного состава, общегосударственный призыв на военную службу даточных, введение более стройной иерархии офицерских чинов, деление на роты и эскадроны, издание первых официальных руководств для обучения ратному строю. Тем не менее это еще не была регулярная армия. Новые формирования, так же как и дворянское ополчение, с окончанием военных действий большей частью распускались по домам. Лишь часть офицеров, солдат, драгун и рейтаров оставались под знаменами. В этих условиях вполне понятно, что военное обучение не могло быть систематическим. «Система военного обучения в этот период, — подчеркивал Ф. Энгельс, — была более сложной, чем когда-либо, и ни у кого, кроме солдата, прослужившего всю жизнь, не было ни малейшего шанса хотя бы приблизительно овладеть ею»⁴³. Кроме того, для успешного обучения войск армию необходимо было оснастить однотипным вооружением, снаряжением и обмундированием. Но как раз этого московское правительство обеспечить не могло. Узкая промышленная база страны еще не позволяла снабдить армию в достаточной степени вооружением и снаряжением. Правда, в производстве вооружения наметились определенные сдвиги. Росту отече-

ственного производства оружия способствовало появление и распространение в России мануфактур. К концу XVII в. в России насчитывалось 17 предприятий, производивших ручное огнестрельное оружие и артиллерийские орудия. Например, на тульско-кашпирских железоделательных заводах производилось 15—20 тыс. мушкетов в течение 300 рабочих дней⁴⁴. Русские оружейники вели настойчивые поиски по усовершенствованию отечественного ручного огнестрельного оружия. Были созданы образцы нового оружия — «винтованные пищали», усовершенствованы конструкции ружейных замков, которые под названием «замки русского дела» получили широкое распространение⁴⁵. Однако хотя к концу XVII в. отечественная промышленность добилась известных успехов в производстве ручного огнестрельного оружия, все же его недостаток приходилось восполнять путем закупок за границей.

В конце XVII в. князем В. В. Голицыным были предприняты попытки реорганизовать русские вооруженные силы. Стрелецкие приказы были переформированы в «полки», в дворянской коннице вместо «сотен» вводились «роты». В вооруженных силах вводились новые офицерские чины — полковников, капитанов и ротмистров. В 1681 г. вся территория страны была поделена на девять «разрядов» (военных округов), к которым были приписаны все ратные люди государства. Наконец, в 1682 г. было отменено местничество. Тем не менее новые явления в строительстве вооруженных сил с трудом прокладывали себе дорогу. Даже после отмены местничества на высшие командные должности назначения производились не по военным талантам, а по знатности происхождения. Местнические раздоры и накануне петровских реформ были обычным явлением. Крымские походы князя В. В. Голицына 1687 и 1689 гг. наглядно продемонстрировали военную отсталость страны и произвели большое впечатление на современников. Коренная реформа русских вооруженных сил стала насущной потребностью.

В целом русские вооруженные силы в XVII в. продвинулись вперед по пути превращения в регулярную армию. Дальнейшее их развитие связано уже с именем Петра I, на долю которого выпала миссия создания русской регулярной армии и военно-морского флота. Достижения предыдущего периода позволили Петру провести военную реформу русских вооруженных сил в исключительно короткий исторический срок. Впрочем, петровская военная реформа была проведена хотя и быстро, но далеко не сразу. В процессе подготовки и в ходе Северной войны русские вооруженные силы прошли долгий и сложный процесс реорганизации и перевооружения новой по тому времени военной техникой, овладения современным военным искусством, освоения в процессе войны опыта новой линейной тактики.

Прологом непосредственного начала строительства регулярной армии послужило появление так называемых потешных полков. Созданные для юношеских забав, они наряду с выборными сол-

датскими полками Ф. Лефорта и П. Гордона составили ядро новой армии. Впоследствии потешные были развернуты в Преображенский и Семеновский полки — одни из самых боеспособных частей русской армии. В отличие от солдатских полков прежних формирований, за исключением выборных, стрельцов и поместной конницы в Преображенском и Семеновском полках проводилось серьезное военное обучение, в котором деятельное участие принимал сам Петр. Вместе с Петром азы военного дела постигали и его ближайшие соратники, будущие полководцы русской регулярной армии: А. М. Головин, М. М. Голицын, А. А. Вейде, Ф. М. Апраксин, А. И. Репнин, Я. В. Брюс, А. Д. Меншиков и др. В Преображенском и Семеновском полках уже тогда фактически готовились офицерские кадры для новой армии. Сам Петр, «начав от барабанщицы чина, солдатские чины прямыми заслугами своими прошел»⁴⁶. В 1691 г. он получил чин сержанта, а в 1693 г. — бомбардира Преображенского полка. Это была серьезная военная школа, позволившая Петру выработать в себе качества, необходимые военачальнику. Именно в эти годы начали формироваться взгляды будущего создателя русской регулярной армии и военно-морского флота на военное дело. Петр знакомился с военной литературой того времени, с большим интересом читал военно-исторические произведения. Так, он внимательно изучал военный устав царя Алексея Михайловича «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», «Книгу о хитростях ратных» римского военачальника Юлия Фронтинна, «Комментарии о гальской войне» Юлия Цезаря, а затем и «Краткое собрание Л(ь)ва Миротворца августейшего греческого кесаря показующее дел воинских обучение»⁴⁷. Иноземные офицеры, инженеры и мастера знакомили молодого русского царя с основами астрономии, геометрии, фортификации, артиллерийского дела, кораблестроения. С помощью генералов П. Менезия, П. Гордона, Ф. Лефорта Петр овладевал навыками искусства руководства войсками.

С падением правительства Софьи (1689 г.) и переходом всей власти к Петру его военные «потехи» приобрели значительно больший размах и целеустремленность. После неудачных Крымских походов князя В. В. Голицына стало ясно, что насущной задачей строительства русских вооруженных сил является введение правильного обучения всех войск, изучение ими современного военного искусства. Это обстоятельство и определило направление правительственной политики по строительству новой армии. Уже в первых четырех выборных солдатских полках, в том числе первых гвардейских полках — Преображенском и Семеновском, военное обучение не ограничивалось только строевыми «экзерциями» (упражнениями). Для Петра и его соратников уже в то время было характерно стремление применить на практике почерпнутые при учении «правила» военной науки. Первые регулярные полки были укомплектованы, вооружены и обучены по западноевропейскому образцу. Во время так называемых потешных

походов 1691—1694 гг. на практике проверялись новые формы военной организации и тактики. Самым значительным среди потешных походов был Кожуховский поход 1694 г.⁴⁸ Это были крупнейшие общевойсковые маневры с участием всех родов войск, организованные и проведенные Петром 27 сентября — 17 октября 1694 г. Цель маневров заключалась в том, чтобы обучить войска действиям при осаде и штурме крепостей, форсированию водных преград, а также проверить их полевую выучку. Численность войск, принявших участие в маневрах, достигала 40 тыс. человек. Все войска были разделены на две армии. В одну из них входили Преображенский и Семеновский гвардейские, Бутырский и Лефортовские солдатские и некоторые другие полки, вторую же армию составляли исключительно стрелецкие полки. В ходе маневров войска штурмовали специально для этого построенную крепость — «фортецию», по понтонному («живому») мосту форсировали Москву-реку. На завершающем их этапе «баталия была дана в поле»⁴⁹. Маневры протекали в обстановке, максимально приближенной к боевой. Обе стороны использовали холостые заряды и «фальшивые бомбы». Действия войск во время «штурма» были настолько ожесточенными, что «с обеих сторон убито с 24 персоны пыжами» и «ранены с пятьдесят»⁵⁰. Кожуховские маневры вновь подтвердили высокие боевые качества новых полков по сравнению со старомосковским войском. С другой стороны, маневры сыграли важную роль в деле подготовки к военным действиям под Азовом против Турции, с которой Россия тогда находилась в состоянии войны. Надо сказать, что сама идея крупных маневров, сочетавших не только строевую, но и полевую выучку войск, принадлежала лично Петру. В истории военного искусства это было новым явлением. В Западной Европе первые двусторонние маневры были проведены во французской армии в 1778 г.⁵¹ В то же время Кожуховские маневры стали одним из шагов на пути к военной реформе. В потешных походах была впервые предпринята попытка обучить войска навыкам новой линейной тактики. Пока еще это обучение совершалось под руководством иноземных офицеров, долгое время находившихся на службе в России, которые «все установляли и рассказывали, как оные экзерции отправлять для того, что из русских никого знающих не было»⁵². Правда, их боевой опыт был ограничен опытом тридцатилетней войны и они могли передать русским лишь то, что было введено в военное искусство Густавом-Адольфом, в то время как в лучших армиях Западной Европы под влиянием появления кремневых ружей и штыка складывались новые строевые и тактические приемы.

В двух Азовских походах (1695 и 1696 гг.) старомосковская военная организация окончательно продемонстрировала свою полную непригодность. Наглядно выяснилось, что подготовка стрельцов и дворянской конницы не отвечает более требованиям современного военного искусства. Старомосковские войска сражались «по прадедовским обычьем»⁵³, и, наоборот, выборные сол-

датские полки показали себя с самой лучшей стороны, за что удостоились чести вступить в Москву в роли триумфаторов. Были вскрыты и другие крупные недостатки в организации русских войск. Задача коренной реорганизации вооруженных сил России была, таким образом, вполне осознана. Поэтому сразу же после завершения Азовских походов правительство Петра приняло ряд мер для укрепления русских вооруженных сил и подготовки их реформы. Стрелецкие полки, участвовавшие в походах, были оставлены на юге, где на них возлагалась гарнизонная служба. В то же время численность выборных солдатских полков (Преображенского, Семеновского, Лефортова, Гордона), дислоцировавшихся в Москве, была значительно увеличена. Накануне своего отъезда за границу Петр оставил А. М. Головину инструкцию, в которой указывалось, что необходимо продолжать усиленное обучение личного состава этих полков, пополнять запасы их снаряжения, вооружения и боеприпасов, а также увеличить в полках численность личного состава⁵⁴.

Для Петра было ясно, что успешное строительство новой армии, способной померяться силами со шведами, невозможно без всестороннего и тщательного изучения современной военной науки, без ознакомления и усвоения боевого опыта лучших европейских армий, без подготовки офицерских кадров, без обеспечения ее вооружением, боеприпасами и снаряжением. Эти задачи стали решаться Петром с присущей ему настойчивостью и непреклонностью уже в 1696—1697 гг. В начале 1697 г. для подготовки офицерских кадров в западноевропейские страны было отправлено около 150 стольников, сержантов и солдат⁵⁵. Специально с целью ознакомления с достижениями военного искусства в Европе, устройством и организацией лучших европейских армий в январе 1697 г. за границу был послан «Преображенского солдатского выборного полку» майор А. А. Вейде, который основательно изучил французскую, нидерландскую, саксонскую и австрийскую армии, в боях последней из которых принял личное участие. В 1698 г. он представил Петру I подробный отчет о своих наблюдениях, в котором дал критический анализ порядков, существовавших в западноевропейских армиях. Основным выводом, к которому пришел Вейде, заключался в том, что только «прилежное обучение» войск военному искусству может привести к победе⁵⁶. Это был еще один довод в пользу создания регулярной армии. Впоследствии доклад Вейде был переработан и стал одним из источников для создания уставов, наставлений и инструкций русской регулярной армии. Важную роль в подготовительных мероприятиях Петра по проведению военной реформы сыграла посылка в Западную Европу Великого посольства. В состав посольства входила группа волонтеров — сподвижников Петра, основной задачей которых было приобщение к западной военной культуре. Петр и волонтеры изучали морское дело, военную науку, артиллерийское и военно-инженерное искусство. Впрочем, изучением состояния военного дела на Западе не исчерпывалась

подготовка Петра к созданию регулярной армии. Для развертывания большой армии необходимо было иметь в достаточном количестве вооружение и офицерские кадры. Ни того ни другого в России в достатке пока не было. Поэтому, стремясь обеспечить русскую армию национальным офицерским составом, Петр тем не менее нанимал в Европе сотни пехотных офицеров и других военных специалистов. Только в 1698 г. в Москву прибыло около 700 иностранцев⁵⁷. Тогда же Великим посольством была закуплена большая партия оружия: 10 тыс. мушкетов, 5 тыс. фузей, 3200 багинетов (подобие штыка в виде одностороннего клинка, вставляемого в дуло ружья), 24 палаша, мушкетеры и пистолеты⁵⁸. Ко времени возвращения Петра из заграничной поездки (август 1698 г.) основные подготовительные мероприятия для коренной реорганизации армии были завершены. Опыт, приобретенный Петром и его соратниками во время пребывания в Европе, был использован при строительстве русских вооруженных сил. Здесь следует заметить, что у Запада Петр брал только передовое, прогрессивное, что можно было использовать в России, сразу отвергнув, например, реакционную систему наемничества, муштру, принципы «классической» линейной тактики.

В преддверии уже решенной войны со Швецией необходимо было форсировать создание большой регулярной армии. Стрелецкое восстание 1698 г. в Москве только ускорило начало реорганизации русских вооруженных сил. После подавления восстания было предпринято «скасование» (ропуск) стрелецких полков, а взамен них в конце 1699 г. по приказу Петра стали «набирать прямое регулярное войско»⁵⁹. Так началась военная реформа, превратившая вооруженные силы России в одни из сильнейших в Европе.

К решению задачи коренной реформы армии Петр и его сподвижники подошли весьма основательно. В течение 1698—1699 гг. были разработаны первые уставные документы, положившие начало образованию регулярной пехоты. Изучив западноевропейский опыт, Петр отобрал для русской армии только те положения, которые были необходимы для непосредственной подготовки солдат к бою. В отличие от западноевропейских первые русские уставные документы характеризовали ясность и простота изложения, столь необходимые при обучении личного состава. Таковы «Воинские артикулы», составленные А. М. Головиным в 1699 г., «Краткое обыкновенное учение», разработанное Петром и напечатанное в ноябре 1700 г. в Москве⁶⁰.

В этих документах были сформулированы основные строевые и тактические принципы обучения регулярной русской пехоты. Первые русские регулярные полки обучали по артикулу 1699 г. — первому строевому положению русской армии. Помимо этих документов, были разработаны и в 1700 г. изданы уставы, регламентирующие внутреннюю жизнь войск: «Статьи воинские как надлежит солдату в житии себя держать и в строю и во учении как обходиться» и «Ротные пехотные чины».

Много внимания уделялось Петром подготовке собственных офицерских кадров. К 1699 г. численность офицерского и сержантского состава полков Преображенского, Семеновского, Гордона и Шепелева значительно увеличилась и составила свыше 200 офицеров и сержантов⁶¹.

Весной 1699 г. подготовка офицерского состава из русских дворян для будущих новых регулярных полков активизировалась. 1 мая в Преображенском был назначен смотр стольникам, находившимся в Москве, одновременно из деревень вызывались остальные. А. М. Головин, который проводил смотр, отдал приказ, «чтобы они учились пехотному строю на житном дворе, у ково есть свое ружье, фузеи или пищали, а у ково нет, те б брали в Преображенском государево ружье»⁶². С 6 мая началось регулярное обучение будущих офицеров по артикулу, составленному А. М. Головиным и Петром⁶³. На одном из учений в селе Семеновском присутствовал сам царь. К делу обучения дворян пехотному строю подходили очень строго: нерадивых или уклонявшихся от военной службы жестоко наказывали, вплоть до ссылки и конфискации поместий и вотчин. Какое значение придавал Петр обучению офицеров, видно из того факта, что он лично проверял годность дворян к строевой службе.

После ускоренного обучения новых офицеров в конце июня распределили «по генеральствам» (дивизиям), сформировавшимся под командованием А. М. Головина, А. А. Вейде и А. И. Репнина. В каждую дивизию было направлено по 70 человек. Дворяне, прибывшие в Москву из провинции в июле, после смотра и определения годности к военной службе были «отданы по генеральству в учение», т. е. распределены таким же образом, как и предыдущая группа.

Примерно в это же время подготовка кадров русских офицеров была развернута непосредственно при регулярных полках. В Семеновском полку была образована учебная команда «сержантов в малых летах», а при Преображенском в 1698 г. — первая артиллерийская школа в России⁶⁴. Кроме того, в распоряжение А. М. Головина, руководившего обучением офицеров «по артикулу», из Иноземного приказа было прислано до 300 иностранных офицеров из числа тех 700 иноземцев, которые были набраны на русскую службу Великим посольством в 1698 г. Однако этот контингент не оправдал возлагавшихся на него надежд. По отзыву Головина, многие из присланных были «гуляки великие», другие оказались просто невеждами. «Трудов к ним много положено, а иные ныне за мушкет не умеют приняться», — доносил царю Головин. В другом письме он сообщал Петру, что «начальные люди, которые ко мне присланы из Иноземного приказа для учения, по многим числам учения не приняли, и апреля 15 я выкинул из них человек с 150, а в остатке в учении столько же»⁶⁵. В результате от услуг этих наемников пришлось отказаться. Закончив подготовку минимума офицерских кадров для развертывания регулярной армии, Петр приступил к набору солдат

в регулярные полки. В течение ноября 1699 г. был объявлен ряд указов о формировании «прямого регулярного войска». При этом широко использовался отечественный опыт комплектования солдатских и рейтарских полков, сложившийся во второй половине XVII в. Начало наборам в новую армию положил указ от 8 ноября 1699 г. о приеме «в службу в солдаты изо всяких вольных людей»⁶⁶. Согласно указу, добровольцам полагалось 11 рублей в год жалованья и «хлебные и кормовые запасы» наравне с солдатами Преображенского и Семеновского полков. Центром формирования и обучения полков из вольных людей была назначена съезжая солдатская изба в Преображенском, а руководство этим делом возложено на А. М. Головина. 17 ноября последовал новый указ, на этот раз уже о наборе даточных людей. Примечательно, что если в прежние времена работа по набору даточных производилась Поместным приказом, то теперь эта миссия возлагалась на специальную комиссию, которая была учреждена на Генеральном дворе в Преображенском во главе с боярином генерал-адмиралом Ф. А. Головиным. В состав комиссии входили, помимо Головина, генерал А. А. Вейде, думный дьяк А. И. Иванов, дьяки О. Татаринов, И. Золотухин и др. Кроме того, в помощь комиссии из Поместного приказа был отряжен многочисленный штат подьячих. Кроме Москвы, указ от 17 ноября пунктами сбора даточных предусматривал Новгород, Псков, Смоленск и Белгород. Предписывалось, чтобы в даточные представляли «самых добрых и нестарых людей». Набору не подлежали пашенные крестьяне, отставные московские стрельцы и татары⁶⁷. Почти одновременно была создана комиссия А. И. Репнина, на которую возлагался набор даточных и вольницы в городах Поволжья.

К 1 мая 1700 г. Генеральным двором было набрано 10 355 человек даточных, комиссией А. И. Репнина — 10 720, а комиссией А. М. Головина — около 8—9 тыс. человек вольницы⁶⁸. Всего было набрано во вновь формируемые полки до 32 тыс. человек даточных и вольницы⁶⁹. Кроме того, существенно пополнились четыре старых полка. Указом от 18 декабря 1699 г. предписывалось «прибрать в государеву службу в Преображенский и Семеновский и в выборные полки в солдаты из всяких чинов людей»⁷⁰.

Формирование новых регулярных полков шло быстро, и уже через несколько месяцев после обнародования царских указов о наборе «прямого регулярного войска» из вольницы и даточных было сформировано три пехотные дивизии, состоявшие из девяти полков во главе с генералами А. М. Головиным, А. А. Вейде, А. И. Репниным⁷¹. Вновь формируемые полки назывались «новоприборными тысячными полками», хотя в действительности их численность была несколько большей. Пехотный полк по штату имел подполковника, майора, 9 капитанов, капитан-поручика, 11 поручиков, 12 прапорщиков, полкового обозного, полкового писаря, 36 сержантов, 12 каптенармусов, 12 подпрапорщиков,

48 капралов, 12 ротных писарей. Младший командный состав — сержантов, каптенармусов, подпрапорщиков и капралов — «полковникам велено выбрать из рядовых солдат»⁷². Всего в таком полку по штату должно было насчитываться 1152 человека. Личный состав полка полностью вооружался и снаряжался за счет государства. Сформированные полки вооружались фузеями и багинетами, по 1142 на полк. Как видно из этого факта, пикинеры в русской регулярной армии отсутствовали с самого момента ее создания.

Тогда же формировались первые регулярные кавалерийские полки. Было решено формировать конницу драгунского типа, которая наиболее полно отвечала требованиям ведения войны против шведов. Сначала в драгуны записывали «детей боярских и князей небогатых», а затем и дворянских «недорослей, которые к службе поспели»⁷³. Однако к началу Северной войны было сформировано только два драгунских полка. Основную массу русской кавалерии пока еще составляла дворянская конница.

Новые формирования спешно обучались по первому русскому строевому уставу 1699 г. Его относительная простота способствовала быстрому и успешному обучению вновь набранных полков. Согласно уставу, солдаты обучались сомкнутому строю, ровному шагу, различным перестроениям. Помимо строевых правил, устав 1699 г. предусматривал обучение элементам тактики: новейшим приемам стрельбы и приемам рукопашного боя с багинетом.

Ощущалась нехватка командного состава для укомплектования формирующихся регулярных полков. Иностранные офицеры, не оправдавшие надежд царя на их профессиональную подготовку, и в первую очередь поляки и шведы, были разжалованы и частью вовсе исключены с военной службы⁷⁴. В связи с форсированием создания регулярной армии упор был сделан на массовую подготовку национальных офицерских кадров. По предложению А. М. Головина, начиная с мая 1700 г. для подготовки офицеров стали привлекаться московские дворяне из числа «лучших фамилий»⁷⁵. После тщательного отбора на офицерские должности было направлено 940 дворян «московского чина»⁷⁶. Это также было новым явлением в истории русских вооруженных сил, так как раньше русские дворяне традиционно служили в коннице, считая это своей сословной прерогативой, и не очень охотно шли в «учение пехотного строя». Петр решительно сломал эту традицию. Попытки уклониться от службы в пехоте жестоко пресекались. Отныне военная служба для дворян становилась государственной обязанностью.

Результаты энергичной деятельности Петра и его ближайших сотрудников по созданию национальных офицерских кадров были довольно ощутимы. Если в высшем командном составе (полковники, подполковники, майоры) в начале Северной войны преобладали иностранцы, то средний и младший командный состав на две трети составляли русские командиры⁷⁷.

* * *

Накануне вооруженного столкновения с Россией Швеция являлась одной из сильнейших в военном отношении держав на севере Европы. К началу XVIII в. Швеция переживала хозяйственный подъем. Она располагала значительным числом мануфактур, среди них особое место занимали железоделательные, на базе которых выросло производство вооружения для шведской армии. В результате Тридцатилетней войны Швеция завладела всем бассейном Балтийского моря. Ее гарнизоны были разбросаны по всей Прибалтике и Северной Германии. Все стратегически важные пункты здесь находились под шведским контролем. Для того чтобы успешно осуществлять господство на завоеванных землях и для новых захватов Швеция содержала мощные вооруженные силы. На Балтийском море безраздельно господствовал военно-морской флот Швеции в составе 42 линейных кораблей, 12 фрегатов с 13 тыс. матросами. На борту кораблей трех эскадр, в которые был объединен шведский балтийский флот, насчитывалось до 2700 артиллерийских орудий⁷⁸. Дополнительно шведы могли использовать в качестве военных кораблей до 800 торговых судов, так как вооружение их артиллерией в те времена не составляло особого труда. Эта армада практически не имела соперников на Балтийском морском театре, за исключением Дании. Шведский флот мог совершенно беспрепятственно доставлять войска и грузы в любую точку Балтийского побережья, в то время как противники (Дания, Россия и Польша) не обладали такой возможностью: Дания — из-за того, что ее флот численно уступал шведскому, Польша и Россия — из-за его отсутствия. Таким образом, территория собственно Швеции была недостижима для войск союзников.

Система стратегического развертывания шведских вооруженных сил предусматривала размещение по границам шведских владений в Северной Германии, Прибалтике и Финляндии линии мощных крепостей с сильными гарнизонами и многочисленной артиллерией, в задачу которых входило задержать противника в случае внезапного нападения или обеспечить сосредоточение главных сил для вторжения на территорию соседних стран. Главные же силы шведской армии располагались на территории метрополии и в случае необходимости перебрасывались через Балтийское море, чтобы атаковать и уничтожить в полевым сражении армию противника.

Еще со времени Тридцатилетней войны и военных реформ Густава-Адольфа шведская сухопутная армия считалась одной из самых лучших в Европе и имела репутацию непобедимой. Небольшую постоянную армию Швеция имела уже с конца XVI в. Помимо этого, в случае войны созывалось народное ополчение. Шведская армия, с которой предстояло сразиться молодым регулярным полкам Петра, имела солидный боевой опыт и была самой старой, после нидерландской, постоянной армией в Европе.

Она являлась детищем Густава-Адольфа, «великого военного реформатора XVII столетия»⁷⁹. Шведские вооруженные силы еще до реформ Густава-Адольфа строились не так, как это являлось обычным для остальной Западной Европы, где господствовала система наемничества. В основу комплектования шведской армии уже с середины XVI в. был положен принцип обязательной воинской повинности на основе выборочного призыва. Каждая сельская община обязывалась выставить определенное число мужчин, из которых уже специальные комиссии выбирали солдат согласно рекрутским спискам. Благодаря такой системе обеспечивалась однородность национального состава армии. В правление Густава-Адольфа в комплектовании и организации шведской армии был осуществлен ряд реформ. Вся страна была поделена на девять территориальных округов. В округе формировался один «большой полк» численностью до 3 тыс. человек. В свою очередь, «большие полки» подразделялись на три «полевых полка» по восемь рот в каждом. Полки были расквартированы в строго определенных местах. Рекрутской повинности подлежал каждый десятый крестьянин, пригодный к военной службе. Такая система позволяла Швеции иметь в мирное время под знаменами многочисленную армию. Ко времени смерти Густава-Адольфа в 1634 г. в шведской армии имелось 23 пехотных и 8 кавалерийских полков.

Значительные изменения были внесены Густавом-Адольфом в тактику. Его солдаты применяли залповый огонь, а пикинеры использовали свое оружие не только для обороны мушкетеров, но и для наступления. Густав-Адольф заложил также основы линейной тактики. Вместо глубокого построения, принятого в армиях тогдашней Европы, «его пикинеры строились в 6 шеренг, а мушкетеры только в 3 шеренги»⁸⁰. При нем было установлено деление полевой артиллерии на легкую и тяжелую.

Позднее в Швеции получила развитие система поселенных войск, значительно усовершенствованная королем Карлом XI в 80-х годах XVII в. Проведенная тогда коренная реформа шведских вооруженных сил еще более повысила их боевую мощь.

До реформы Карла XI в армию призывался каждый десятый шведский крестьянин. Рекрутские списки, по которым осуществлялся набор в армию, были крайне непопулярны в стране, поскольку вся тяжесть выборочной воинской повинности ложилась на плечи крестьянства и мелких ремесленников. К тому же содержание крупной постоянной армии тяжело отражалось на финансах шведского королевства. Для того чтобы не обременять государственный бюджет, но в то же время иметь хорошо обученную и постоянно готовую к действиям национальную армию, и была при Карле XI проведена реформа. Введение поселенной системы комплектования войск в Швеции получило название *indelningsverkt*. Суть ее заключалась в том, что основные расходы по содержанию вооруженных сил покрывались за счет доходов от земельных владений, как частных, так и государственных.

С этой целью уже в середине XVII в. был составлен специальный военный кадастр, который учитывал все частные фермы и владения крестьянских общин, использовавшиеся для содержания солдат и офицеров. В свою очередь, общинные и частные земли подразделялись на одинаковые по доходности участки, с тем чтобы доход от такого участка был достаточен для содержания одного солдата. Один такой участок объединил группу крестьянских хозяйств — роту (швед. *rotar*). Каждая рота должна была содержать одного солдата-пехотинца. За это крестьянские хозяйства освобождались от налогов. Кроме того, каждому солдату выделялся небольшой надел земли, где находилось его жилище. Хозяйство такого солдата-поселенца называлось «торп» (швед. *torp*). С комплектованием кавалерии дело обстояло несколько иначе. Всадника и его коня обязаны были содержать владельцы одного или нескольких хозяйств, за что им несколько снижались государственные налоги. Офицерам в качестве жалования предоставлялся земельный участок с усадьбой, размеры которого и доходность зависели от чина и должности владельца. По системе *indelningsverkt* частично комплектовался и личный состав военно-морского флота.

Такой территориально-милиционный порядок комплектования вооруженных сил сохранился в Швеции вплоть до конца XIX в. Он позволял иметь под рукой уже в мирное время многочисленные вооруженные силы. Так, в 1697 г. (год вступления Карла XII на шведский престол) Швеция располагала 60-тысячной постоянной армией⁸¹. Правда, в военное время этого было недостаточно и приходилось прибегать к рекрутским наборам. Помимо войск, комплектовавшихся по системе *indelningsverkt*, в Швеции имелись и наемные войска. Королевская гвардия (драбанты) и артиллерия комплектовались методом вербовки наемников. Таким образом, в Швеции была создана такая организация армии и военно-морского флота, при которой значительная часть пехоты, кавалерии и матросов в мирное время занимались земледелием. Работая на небольшой ферме, шведский солдат-землепашец в известной степени содержал сам себя. Конь, вооружение и снаряжение, получаемые от государства, находились тут же на ферме. Запасы боеприпасов и другого снаряжения располагались на складах близ жилища ротного капитана. Обучение солдат осуществлялось путем привлечения их на ежегодные месячные сборы после уборки урожая.

Армия, созданная Карлом XI, стала армией Карла XII. По словам шведского историка Ингвара Андерссона, она была для того времени образцовой. Это была «безусловно одна из наиболее совершенных военных машин, которые когда-либо существовали»⁸². Для быстрого сбора войск были разработаны тщательно продуманные планы мобилизации, обеспечивавшие быстрое развертывание и сосредоточение главных сил в избранном командованием пункте для отправки в провинции, расположенные по ту сторону Балтийского моря. Достаточно сказать, что мобилизации

онными планами предусматривалось количество времени, необходимого для переходов и отдыха. Места биваков были известны заранее. Таким образом, Швеция могла опередить своих вероятных противников, и в первую очередь Россию, в мобилизационном развертывании армии, как это и случилось в начале Северной войны.

К этому надо прибавить, что шведская армия была хорошо обучена и вооружена. Шведы были храбрыми и выносливыми солдатами. Во главе шведской армии стоял выдающийся полководец своего времени, продолжатель в военном искусстве традиций Густава-Адольфа Карл XII.

В то время как в Западной Европе господствовал методизм в ведении военных действий, большое значение придавалось маневрированию на коммуникациях противника, что приводило подчас к выигрышу без боя целых кампаний, стратегию Карла XII отличала решительность и быстрота действий. В отличие от методической, кордонной стратегии, господствовавшей в других армиях Западной Европы, шведская армия быстро и свободно маневрировала на театре военных действий, что позволяло ей появляться неожиданно перед войсками противника и навязывать им сражение в выгодных для себя условиях, а также бить противников поодиночке. Карл XII считал главным средством достижения цели в войне решительность, поэтому в войне с Россией он настойчиво стремился навязать Петру генеральное сражение⁸³.

Свобода маневрирования шведской армии на театре военных действий объяснялась тем, что ее снабжение осуществлялось не путем подвоза из магазинов, а за счет местных ресурсов. Шведы не были привязаны к базам снабжения. Правда, шведская армия не могла оставаться долго на одном месте, так как местные ресурсы быстро истощались и приходилось переходить в другой район, еще не затронутый войной.

Для шведской армии и ее полководца была характерна беспощадность к противнику и мирному населению. В одном из писем генералу Реншильду Карл XII писал: «Все, кто медлит доставкой (контрибуции). — Ает.) или вообще в чем-нибудь провинится, должны быть наказаны жестоко и без пощады, а дома их сожжены... Местечки, где вы встретите сопротивление, должны быть сожжены, будут ли жители виновны, или нет»⁸⁴. В другом письме он наставлял своих генералов: «Если неприятель вас не оставляет в покое, то лучше всего опустошить и выжечь все кругом, одним словом, так разорить страну, чтобы никто не мог к вам подойти. Что касается до нас, то нам нечего сообщать кроме того, что мы стараемся изо всех сил и так же разорением и выжиганием всякое местечко, где показался неприятель. Недавно я таким образом сжег целый город и повесил бургомистра»⁸⁵.

В области тактики шведы придерживались линейных боевых порядков. Шведская пехота строилась на поле боя в двух-трех линиях, кавалерия обычно располагалась уступом за флангами

пехоты. На поле боя шведские пехотинцы решительно бросались в штыковую атаку, а кавалерия (драгуны и кирасиры) наносила удар холодным оружием. Между обоими родами войск осуществлялось тесное взаимодействие. Основным тактическим приемом шведов в бою была решительная атака центра неприятельских боевых порядков.

Шведская пехота на две трети состояла из мушкетеров и на одну треть из пикинеров. Постепенно все шведские пехотинцы были вооружены ружьями со штыками. Кавалерия была вооружена палашами и пистолетами, а драгуны, кроме того, имели мушкеты. Из защитного вооружения кирасиры имели железную кирасу.

Шведская полевая артиллерия к 1700 г. была объединена в один полк с личным составом до 1800 человек. На вооружении она имела 8- и 16-фунтовые гаубицы и 3-фунтовые полковые пушки.

Хорошо вооруженная и обученная, опиравшаяся на прочные исторические традиции, возглавляемая талантливым полководцем, шведская регулярная армия представляла серьезную боевую силу. Кроме того, если русские вооруженные силы находились еще в стадии становления, то шведская армия по своей организации и вооружению полностью отвечала современным требованиям военного искусства. Таким образом, Швеция значительно опережала Россию в подготовленности к войне.

* * *

Общий план войны союзников против Швеции сводится к последовательному вторжению в шведские владения на территории Северной Германии и Прибалтики, овладении ключевыми пунктами шведского господства в Европе. Русский стратегический план целиком вытекал из осуществления главной внешнеполитической задачи России — возвращения русских земель, захваченных шведами в начале XVII в., обеспечения выхода к Балтийскому морю. Отсюда определился и будущий театр военных действий. Им должны были стать Ингрия и Карелия. Конкретный план войны разрабатывался с учетом союзнических договоров, заключенных с Данией и Саксонией. По их смыслу Дания и Саксония первыми открывали военные действия, а Россия должна была вступить в войну и открыть военные действия в Ингрии и Карелии только после подписания мира с Турцией.

Вся подготовка к войне со Швецией проводилась в глубокой тайне. Когда обеспокоенный военными приготовлениями России шведский резидент в Москве Книпер Крон сделал русскому правительству запрос относительно создания регулярной армии, то ему было сказано, что делается это потому, что «по распусчении стрельцов» никакой пехоты Российское государство не имело. Наборы в войско в Москве велись под предлогом приготовлений к турецкой войне. О том, какое значение придавал Петр скрытности своих приготовлений, свидетельствует такой факт, что даже вое-

воды пограничных со Швецией Пскова и Новгорода, которые должны были послужить базами для предстоящей войны, ничего не знали об истинной цели Петра. В одном из писем к своему ближайшему помощнику и соратнику генерал-адмиралу Ф. А. Головину Петр I указывал: «Во Псков и в Новгород грамоты пошли такие, что будто на сей почте от Емельяна (русского посланника в Константинополе Е. И. Украинцева.— Авт.) пришла весть, что турки к миру не склонны и будет война, и для того все б были готовы, также к Ивану отпиши (псковский воевода, родственник Ф. А. Головина.— Авт.) от себя, будто для родства остерегая его, чтоб напаче осмотрел и управлял воинское дело (а паче пушки) для того, что ведаешь, как то надобно»⁸⁶. Эти мероприятия, по мысли Петра, должны были обеспечить внезапность нападения. Объектом первого удара русских войск была выбрана Нарва.

Стратегическое значение Нарвы было хорошо известно и Петру, и союзникам, которые как раз и опасались, что Петр не ограничится ее занятием и распространит свои действия на Лифляндию. Значение Ингерманландии и расположенных здесь крепостей хорошо понимали и в Швеции. Шведский король Густав-Адольф еще в 1616 г. во время переговоров с русскими в Столбове писал: «Кексгольм, Нотеборг, Яма, Копорье и Ивангород составляют ключи от Финляндии и Лифляндии и заграждают Балтийское море от России. Если бы мы возвратили Нотеборг, или Ивангород, или оба города вместе и если бы Россия подозревала собственное свое могущество, то близость моря, рек и озер, которых она до сих пор не умела еще оценить, дали бы ей возможность не только вторгнуться в Финляндию со всех сторон и во всякое время года, но даже, благодаря ее огромным средствам и неизмеримым пределам, покрыть Балтийское море своими кораблями так, что Швеция безпрестанно подвергалась бы опасности»⁸⁷. Можно было не сомневаться, что шведы предпримут все необходимые меры для удержания этих пунктов. Дальнейшие события подтвердили это.

Успех русского плана был возможен при условии одновременного вступления союзников в войну. Однако с самого начала стратегические планы союзников нарушились. Великая Северная война началась не так, как предполагалось союзными договорами. Союзники выступили разновременно.

Что касается Швеции, то, по словам шведского историка И. Андерссона, «превосходные мобилизационные планы существовали у нее уже давно»⁸⁸. Было также известно, что «шведы давно имели намерение к войне против россиян, и сделан был проект, чтоб Новгород, Псков, Олонец, Каргополь и город Архангельской завладеть, дабы с иностранными областями весьма купечество у России пересечь»⁸⁹. Рано или поздно Швеция напала бы на Россию.

Шведский план войны предусматривал проведение наступательных операций против каждого члена коалиции в отдельности.

Наиболее опасным противником считалась Дания, против которой и должны были сосредоточиться первоначально главные усилия шведских вооруженных сил. В Прибалтике главной задачей было упорной обороной удерживать крепости. Однако Карлу XII пришлось внести в свои стратегические планы серьезные коррективы.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 153.

² Там же. С. 153—154.

³ Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1. С. 151.

⁴ Там же. С. 104—105.

⁵ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5. С. 95—96.

⁶ Цит. по: Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3. С. 112.

⁷ Цит. по: Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. М., 1946. Т. 3. С. 400.

⁸ Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч. М., 1962. Кн. 7. С. 611.

⁹ Там же. С. 613.

¹⁰ Цит. по: Устрялов Н. Указ. соч. Т. 3. С. 312—313.

¹¹ Там же. С. 325.

¹² Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. С. 306—307.

¹³ Там же. С. 308.

¹⁴ Там же. С. 309.

¹⁵ Цит. по: Устрялов Н. Указ. соч. СПб., 1863. Т. 4. С. 5.

¹⁶ Там же. С. 5—6.

¹⁷ См.: Возгрин В. Е. Травентальский мирный договор и его значение в истории Северной войны // Скандинавский сб. Таллин, 1975. Т. 20. С. 83.

¹⁸ См.: Богословский М. М. Указ. соч. М., 1948. Т. 4. С. 35—37.

¹⁹ См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. С. 300—301.

²⁰ Там же. С. 317—318.

²¹ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 1859. С. 107.

²² Посошков И. Т. О ратном поведении // Посошков И. Т. Книга о скудности и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 268.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 34.

²⁴ Там же. С. 33.

²⁵ Епифанов П. П. Войско // Очерки

русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 251.

²⁶ Марголин С. Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелцкого войска в XVII в. // Ученые зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1953. Т. 27: Труды кафедры истории СССР. Вып. 2. С. 85—87.

²⁷ Там же. С. 85.

²⁸ Епифанов П. П. Войско. С. 252.

²⁹ См.: Рейтенфельс Яков. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905. С. 125; Посошков И. Т. Указ. соч. С. 243.

³⁰ Епифанов П. П. Войско. С. 252.

³¹ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954. С. 164.

³² Сильвестра Медведева созерцание краткое. М., 1896. С. 173.

³³ Рабинович М. Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Ист. зап., 1956. Т. 58. С. 304.

³⁴ Епифанов П. П. Войско. С. 254.

³⁵ История отечественной артиллерии. М., 1959. Т. 1, кн. 1. С. 326.

³⁶ Епифанов П. П. Оружие // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. С. 276.

³⁷ Там же. С. 275.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 205.

³⁹ Там же. С. 203.

⁴⁰ См.: Там же. С. 338—339.

⁴¹ См.: Там же. С. 382.

⁴² Епифанов П. П. Войско. С. 243.

⁴³ Там же. С. 243—244.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 370.

⁴⁵ Епифанов П. П. Россия в Северной войне // Вопр. истории, 1971. № 6. С. 121.

⁴⁶ Епифанов П. П. Оружие. С. 271—272.

⁴⁷ Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 65.

⁴⁸ Епифанов П. П. Россия в Северной войне. С. 122.

⁴⁹ См.: Богословский М. М. Указ. соч. М., 1940. Т. 1. С. 193—206.

ТРУДНЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Первая военная кампания.— Мероприятия русского правительства по укреплению обороны страны.— Предвестники славных побед.— Гродненский маневр.— Сражение под Калишем.

- ⁴⁹ Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. С. 67.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Гареев М. Из истории развития методов проведения тактических учений и маневров в русской армии // Воен.-ист. журн., 1972. № 2. С. 96.
- ⁵² Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. С. 65.
- ⁵³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. С. 78.
- ⁵⁴ Епифанов П. П. К вопросу о военной реформе Петра Великого // Вопр. истории, 1945. № 1. С. 43.
- ⁵⁵ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 376—377.
- ⁵⁶ Устав А. А. Вейде 1698. СПб., 1841.
- ⁵⁷ Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г. М., 1940. С. 123.
- ⁵⁸ Богословский М. М. Указ. соч. М., 1941. Т. 2. С. 399.
- ⁵⁹ Журнал или Поденная записка блаженные и вечно достойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира. СПб., 1770. Ч. 1. С. 3. (Далее: Журнал или Поденная записка...).
- ⁶⁰ Военные уставы Петра Великого: Сб. документов. М., 1946. С. 24.
- ⁶¹ Епифанов П. П. Начало организации русской регулярной армии Петром I (1699—1705) // Ученые зап. МГУ им. М. В. Ломоносова. История СССР, 1946. Вып. 87. С. 69.
- ⁶² Записки Желябужского. С. 142.
- ⁶³ Епифанов П. П. Начало организации русской регулярной армии... С. 93.
- ⁶⁴ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 171.
- ⁶⁵ Устрялов Н. Указ. соч. Т. 3. С. 540—541.
- ⁶⁶ Записки Желябужского... С. 150.
- ⁶⁷ Там же. С. 162.
- ⁶⁸ Рабинович М. Д. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны // Вопросы военной истории России, XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 223, 228.
- ⁶⁹ Устрялов Н. Указ. соч. Т. 3. С. 346.
- ⁷⁰ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. СПб., 1888. Кн. 5. Отд. 2. С. 6.
- ⁷¹ Устрялов Н. Указ. соч. Т. 3. С. 346—347.
- ⁷² Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 5. Отд. 2. С. 21.
- ⁷³ Записки Желябужского... С. 128.
- ⁷⁴ Устрялов Н. Указ. соч. Т. 3. С. 345.
- ⁷⁵ Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. С. 259.
- ⁷⁶ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 4. С. 185.
- ⁷⁷ Епифанов П. П. Начало организации русской регулярной армии... С. 71.
- ⁷⁸ Некрасов Г. А. Военно-морские силы России на Балтике в первой четверти XVIII в. // Вопросы военной истории России, XVIII и первая половина XIX веков. С. 247.
- ⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 32.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ История Швеции. М., 1974. С. 267.
- ⁸² Андерссон И. История Швеции: Пер. со швед. М., 1951. С. 241.
- ⁸³ Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889. С. 286.
- ⁸⁴ Герье В. Последний варяг // Древняя и новая Россия, 1876. Т. 2, № 5. С. 28.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. С. 335.
- ⁸⁷ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861. Ч. 2. С. 88—89.
- ⁸⁸ Андерссон И. Указ. соч. С. 235.
- ⁸⁹ Епифанов П. П. «Рассуждение» П. П. Шафирова о войне со Швецией // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 300.

Военные действия начались в начале 1700 г. 7-тысячное саксонское войско Августа II вступило в Лифляндию, овладело г. Динамунде и осадило Ригу. Датские войска численностью 16 тыс. человек развернули наступление в Голштинии. Карл XII стал готовить экспедицию в Данию. У Карльскруна было сосредоточено 42 корабля с 20-тысячным десантом. Во главе этих сил король отплыл к о. Зеландия. Шведские корабли бросили якорь у Гумбилека, в 7 милях от столицы Дании Копенгагена. На стороне Швеции выступили морские державы Англия и Голландия. Они направили к Копенгагену объединенную эскадру под командованием адмирала Рука.

Основные силы шведской армии во главе с датским королем Фредериком IV находились в Голштинии. Близ Копенгагена не было достаточного количества войск для отражения десанта противника. Шведы быстро сломали сопротивление противостоящих датских войск и двинулись к Копенгагену. Карл XII угрожал разрушить город, если не будет заключен мир на предложенных им условиях. Датчане приняли это требование. 7(18) августа 1700 г. в Травендале (Травенталь) между Швецией и Данией был подписан договор, по которому последняя отказывалась от союза с Россией, Саксонией и Польшей, признавала независимость Голштинии и обязалась уплатить Швеции военные издержки.

Согласно договорам с союзниками, Россия должна была открыть военные действия только после подписания мира с Турцией. 8 (19) августа 1700 г. было получено известие о том, что русский посол Е. И. Украинцев подписал в Константинополе перемирие сроком на 30 лет. На следующий же день, 9 (20) августа), Россия объявила войну Швеции. Русские войска были двинуты из Москвы через Новгород к Нарве, овладение которой считалось первоочередной задачей.

Карл XII, добившись победы над Данией, оставил часть своих войск, а с остальными силами отправился в Лифляндию морем. Пунктом высадки был избран Пернов (Пернау, Пярну). Отсюда шведы намеревались двинуться на Ригу, чтобы нанести удар по польским войскам, которые осаждали этот город.

Август II, узнав о разгроме датчан и движении Карла XII в

Лифляндию, немедленно снял осаду Риги и поспешно направился в пределы Польши. Вследствие этого Карл изменил первоначальный план действий, решив нанести удар по русской армии, стоявшей у Нарвы. Шведские войска, благополучно высадившиеся в конце октября в Пернов, были направлены им через Ревель (Таллин) к Нарве.

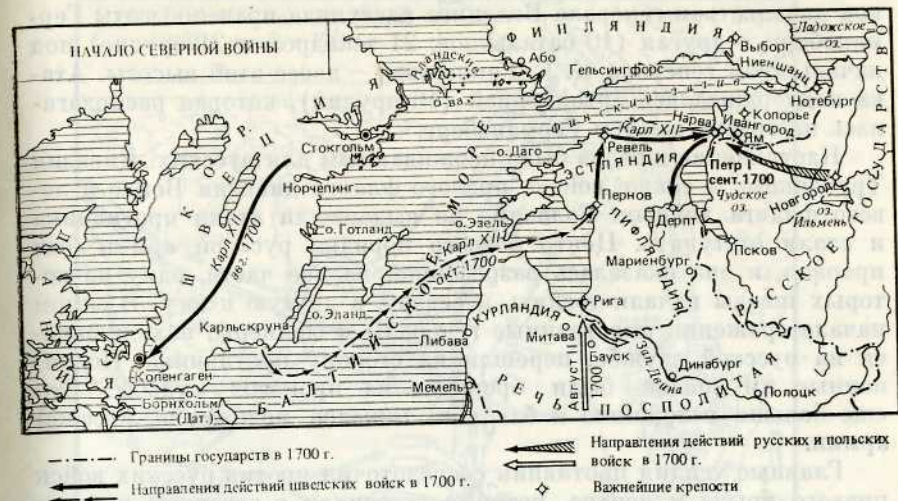
Высадка войск Карла XII в Пернов и отступление польских войск из-под Риги не изменили решения Петра I овладеть Нарвой. Это была сильная по тому времени крепость. Она располагалась на левом берегу р. Наровы, в 12 км от ее устья. На правом берегу реки находилось предместное укрепление — старинный замок Ивангород, построенный в начале XVII в. Местность вокруг Нарвы была болотистой. После осенних дождей она стала труднопроходима для войск. Крепость имела солидные укрепления и стены, требовавшие для пробития брешей сильной артиллерии. Ее гарнизон во главе с полковником Горном насчитывал 2 тыс. человек.

Русские войска численностью в 34 тыс. человек располагались лагерем на левом берегу Наровы в одну линию, которая в виде полукруга охватывала Нарву и примыкала флангами к реке. Фронт лагеря протяжением около 7 км был обращен не к крепости, а на запад и состоял из укреплений в виде насыпи, со рвом (апроши), за которыми располагались войска. Для обеспечения осадных работ и ведения разведки к ревельской дороге была выдвинута иррегулярная конница под командованием Б. П. Шереметева.

Осада Нарвы велась под руководством Петра и при участии иностранных советников: герцога де Кроа, инженерного генерала Л.-Н. Аларта, нескольких инженерных и артиллерийских офицеров. Ивангород был обложен одновременно с Нарвой. Осадными работами здесь руководил сержант бомбардирской роты Василий Корчмин, талантливый русский инженер. Осенняя непогода отрицательно сказывалась на ведении осадных работ. Выявилась низкая подготовка иностранных военных специалистов. Осадная артиллерия оказалась несовершенной. Боеприпасов для нее не хватало. Вследствие этих причин осадные работы продвигались очень медленно.

Русское командование сделало попытку склонить гарнизон крепости к капитуляции. Однако шведский комендант, хорошо знавший положение дел в русской армии и получивший известие о движении к Нарве армии Карла XII, отвечал на предложение русских «насмешками и превеликой бранью». Между тем 16(27) ноября от Б. П. Шереметева поступили сведения о столкновении его кавалерии с передовыми отрядами армии Карла XII. Шереметев сообщал, что он вынужден был начать отступление.

Оценив обстановку, Петр I решил отъехать из-под Нарвы в Новгород с тем, чтобы подготовить к обороне располагавшиеся там войска и одновременно ускорить присылку под Нарву подкреплений и боеприпасов. 17(28) ноября он созвал всех генера-

лов и объявил им о своем решении, а на следующий день на рассвете оставил лагерь, назначив главнокомандующим армией герцога де Кроа. В это время Карл XII стоял уже на ревельской дороге в деревне Лагены, в 10 км от русского лагеря. В его распоряжении находился 21 батальон пехоты (5 тыс. человек), 43 эскадрона кавалерии (3 тыс. человек) и 37 орудий.

После отъезда Петра I герцог де Кроа созвал военный совет для обсуждения вопроса о способе действий против шведской армии. Почти все участники его высказались за то, чтобы обороняться на занимаемой позиции. Лишь один Б. П. Шереметев предложил выйти из укреплений и атаковать шведов, но это предложение было отвергнуто. Инициатива действий оставлялась противнику.

Русские войска были построены в одну линию. В центре располагалась дивизия И. Ю. Трубецкого, правое крыло составляла дивизия А. М. Головина и гвардейские полки — Семеновский и Преображенский, левое крыло — дивизия А. А. Вейде и поместная конница Б. П. Шереметева. Боевой порядок не имел глубины и резерва. В тылу русских войск находилась вражеская крепость. Связь с восточным берегом Наровы поддерживалась через единственный мост, располагавшийся на правом фланге.

План Карла XII заключался в том, чтобы сосредоточенными силами ударить по центру боевого расположения русских, разделить русскую армию на две части, а затем поочередно разбить оба ее крыла. В целях соблюдения внезапности шведские войска 19 (30) ноября перед рассветом выступили из деревни Лагены и, двигаясь по тропинкам через лес, скрытно сосредоточились перед центром русской армии за высотой Германсберг.

Около 13 часов после небольшого отдыха шведы перешли в наступление. Одна часть армии (11 батальонов и 22 эскадрона)

под начальством генерала Веллинга наступала правее высоты Германсберг, а другая (10 батальонов, 21 эскадрон и 21 орудие) под начальством генерала К. Г. Реншильда — левее этой высоты. Атака поддерживалась артиллерией (16 орудий), которая располагалась на гребне высоты Германсберг.

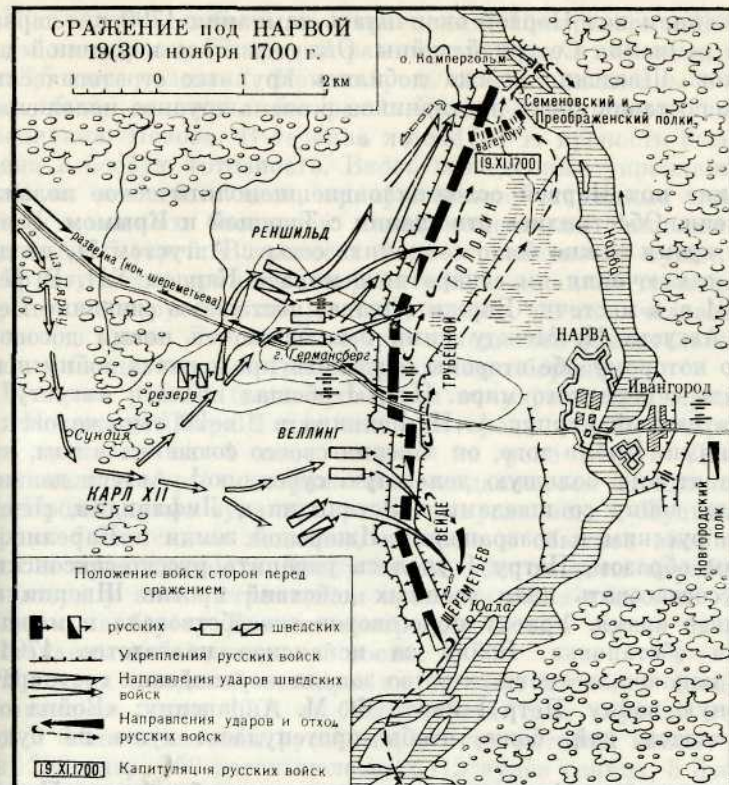
Наступление шведов было неожиданным для русских. Дивизия Трубецкого, а также войска правого фланга дивизии Вейде и левого фланга дивизии Головина не выдержали атаки противника и стали отступать. Центр боевого порядка русской армии был прорван, и она оказалась разрезанной на две части, одну из которых шведы начали теснить к северу, а другую к югу. В самом начале сражения иностранные генералы и офицеры, находившиеся на русской службе, перешли на сторону противника. Подчиненные им войска были брошены на произвол судьбы. Это еще больше осложнило и без того тяжелое положение русской армии.

Главные усилия противник сосредоточил против русских войск правого крыла и центра, которые отступали в северном направлении к единственной переправе через Нарову. На мосту образовалась давка. Он не выдержал и рухнул. В эту трудную минуту лишь два гвардейских полка — Семеновский и Преображенский — не поддались панике. Они заняли вагенбург, находившийся у моста, и дали сильный отпор противнику. Бой гвардейских полков, к которым присоединились войска, не успевшие переправиться на правый берег реки, продолжался несколько часов. Попытки Реншильда сломить сопротивление русских не увенчались успехом. Карл XII лично вел шведские войска в атаку, но вынужден был отступить, понеся большие потери.

На левом крыле русских генерал Вейде также сумел привести в порядок полки, расстроенные в начале сражения, и остановить наступление Веллинга. К вечеру русские войска даже потеснили шведов, но для развития этого успеха не было сил. Стоявшее на левом фланге конное дворянское ополчение Шереметева в самый разгар сражения переправилось вброд на правый берег Наровы. С наступлением ночи сражение прекратилось.

Русская армия, потеряв всю артиллерию, была разделена на две части, но не сломлена. Каждая из этих частей по численности равнялась всей армии Карла XII. Следовательно, победа еще не была на стороне шведов. Русские генералы, не имея точных сведений об обстановке, приняли решение вступить со шведским командованием в переговоры. Карл XII, не считая свое положение прочным, охотно согласился на предложение. В ходе переговоров было достигнуто соглашение, по которому Карл XII обязывался беспрепятственно пропустить русские войска на правый берег Наровы с оружием и знаменами. Он отказался только выдать артиллерию.

Утром 20 ноября 1700 г. был починен мост, и русские начали отходить на правый берег. После того как переправились дивизия Головина, Семеновский и Преображенский полки, Карл XII

нарушил достигнутое соглашение и потребовал, чтобы русские войска левого крыла (дивизия Вейде) отходили без оружия. Русские вынуждены были это сделать, по словам очевидцев, с «великой бранью» по адресу шведов и своих генералов. По сдаче оружия они были пропущены через мост и двинулись вслед за гвардией и дивизией Головина.

В сражении под Нарвой русская армия потеряла до 6 тыс. человек и 145 орудий. Потери шведов составили 2 тыс. человек. Поражение русских войск явилось следствием их недостаточной боевой подготовки и отсутствия опыта в борьбе с таким обученным противником, каким являлась тогда шведская армия. Из всех русских полков, принимавших участие в сражении, лишь Лефортовский и два гвардейских — Семеновский и Преображенский — имели некоторый боевой опыт, полученный во время Азовских походов 1695—1696 гг. Но и он сводился лишь к участию в осаде крепости. В полевых сражениях, особенно с регулярным войском, указанные полки участия не принимали. Остальные части русской армии вообще не имели никакого военного опыта. «Словом сказать, все то дело, яко младенческое играющее было, а искусства ниже вида»¹, — писал Петр.

Сражением под Нарвой окончилась кампания 1700 г.— первая военная кампания Северной войны. Она оказалась неудачной для союзников. Шведские войска добились крупных стратегических успехов, поставив своих противников в очень трудное положение.

* * *

Поражение под Нарвой осложнило внешнеполитическое положение России. Обострились отношения с Турцией и Крымом. В это трудное время важно было сохранить союз с Августом II, не допустить заключения им сепаратного мира с Карлом XII. В феврале 1701 г. в местечке Биржи (Литва) состоялось свидание Петра I и Августа II. Между ними был заключен новый договор, согласно которому обе стороны обязались продолжать войну и не заключать сепаратного мира. Петр I обещал послать Августу II вспомогательный корпус А. И. Репнина в 15—20 тыс. человек с 40 орудиями. Кроме того, он заверил своего союзника в том, что предоставит ему большую денежную субсидию². Август должен был вести войну со шведами в Эстляндии и Лифляндии, содействовать русским в возвращении Ижорской земли и Карелии.

Таким образом, Петру I удалось укрепить русско-саксонский союз и согласовать план военных действий против Швеции на ближайшее время. Успеху переговоров способствовала и международная обстановка. Война за испанское наследство 1701—1713 гг. исключала вмешательство западноевропейских государств в Северную войну. Петр I писал Ф. М. Апраксину: «Война общая началась, дай, боже, чтобы протенулась: хуже не будет нам»³.

Используя благоприятную международную обстановку, Петр I развернул активную деятельность по укреплению обороны страны. Принимались решительные меры по увеличению производства артиллерийских орудий. Был издан указ собрать часть колоколов со всего государства с «знатных городов от церквей и монастырей для делания пушек и мортир»⁴. К июлю 1701 г. было собрано колокольной меди около 90 тыс. пудов. До конца года удалось отлить 243 пушки, 12 мортир и 13 гаубиц⁵. В течение 1702 г. в Москве на Пушечном дворе было отлито 130 новых орудий⁶. Всего в Москве за 1700—1708 гг. было отлито 1006 орудий.

Русское правительство приступило к укреплению северо-западных границ государства. Армия, возвращавшаяся из-под Нарвы, отводилась в район Новгорода, который становится центром сосредоточения сил для обороны северо-западной границы. Сюда же направлялись и части, не поспевшие к Нарве. Командующим новгородским войском был назначен А. И. Репнин. Ему же поручалось привести в порядок войска, отступавшие от Нарвы. Б. П. Шереметеву было приказано с полками московского и новгородского поместного ополчения и отрядами украинских казаков (7290 человек) сосредоточиться в районе Пскова, Гдова и Печерского монастыря и о всех неприятельских намерениях выведывать⁷.

Проводились работы по укреплению Печерского монастыря. В нем находилось 77 орудий разного калибра, а гарнизон составлял 2,5 тыс. человек⁸. Копали рвы, ставили палисады с бойницами, была заложена батарея⁹. Большое внимание уделялось укреплению Пскова. В течение лета 1701 г. крепость была приведена в боевую готовность. Вновь возведенные укрепления состояли из земляного вала, прикрывавшего старинные каменные стены, земляных бастioned перед каменными башнями и из отдельных батарей. В крепость было отправлено 40 пушек¹⁰.

В результате принятых мер на северо-западной границе была сосредоточена русская армия численностью 42 тыс. человек. Кроме того, в Гдове, Ладоге, Олонецке находились значительные гарнизоны. Создавались местные отряды самообороны.

Большие работы были проведены по укреплению Архангельска. По указу Петра I для защиты города началось строительство крепости на 1 тыс. человек на реке Малой Двинке¹¹. Принимались меры по отражению ожидавшегося нападения шведов. Промысловые суда в море не выпускались, с Мудьюжского острова были сняты лодки, которые в обычное время выезжали к приходящим в Двину судам, для защиты корабельного фарватера у вновь строящейся крепости было выделено 400 человек, а на берегу Двинки построены четыре новые батареи и расставлены наблюдательные посты.

Попытка шведской эскадры из четырех кораблей напасть на Архангельск летом 1701 г. была отбита. Два корабля сели на мель и были захвачены русскими, в руки которых попало 13 пушек, 200 ядер, 850 досок железных, 15 пудов свинца, 5 флагов¹². Шведы в течение нескольких недель сжигали и разоряли прибрежные земли Олонецкого уезда, соляные промыслы. Здесь они встретили серьезное сопротивление не только русской армии, но и партизанских отрядов карельских и русских крестьян и горожан. Один из таких отрядов возглавлял священник Иван Окулов. Отряд насчитывал более 1 тыс. человек¹³. Он состоял из людей «всяких чинов», добровольцев из пограничных жителей. Этот отряд пошел за шведский рубеж, разбил неприятельские заставы, побил до 400 шведов, взял рейтарские знамена, барабаны, ружья, провиант¹⁴.

В поле зрения Петра I в этот период были и водные пути, которые имели большое значение при ведении военных действий. Зимой 1701 г. Новгородскому приказу было велено: «На реках Волхове и Луге, для нынешней швейской службы, под всякие полковые припасы и на дачу ратным людям, сделать 600 стругов... не поспевших к назначенному времени, с виновных в замедлении взыскано было по 100 рублей на достройку и по 15 рублей штрафа»¹⁵. Кроме постройки новых стругов, на этих реках, а также на Ладожском и Онежском озерах, на реке Свири и в Тихвине было приказано переписать струги всех частных владельцев и приготовить их к весне 1701 г. От местных жителей и знающих людей собирались подробные сведения о водных

и береговых путях от устья Волхова к Орешку и далее по Неве до выхода в море.

Особое значение в системе мероприятий по укреплению обороны страны имело строительство армии и флота. Именно в эти первые годы войны была осуществлена основная часть военных реформ, приведших к созданию в России регулярной армии и военно-морского флота. Отличительной особенностью военных реформ Петра I было то, что они носили поистине всеобъемлющий характер, охватив все области строительства вооруженных сил. Прежде всего подвергся изменению способ их комплектования. В 1705 г. окончательно закрепляется рекрутская система. Набор рекрутов на пожизненную службу производился не ежегодно, а по мере надобности. В армию брались физически здоровые мужчины в возрасте от 17 до 32 лет. Солдаты находились на полном содержании государства. Военная повинность распространялась на все население, за исключением духовенства, но господствующий класс дворян пользовался большой привилегией: его представители служили в армии на офицерских и генеральских должностях. В условиях того времени рекрутская система была прогрессивным явлением. Она показала свое превосходство над господствовавшими тогда в странах Западной Европы системами найма и вербовки. Несмотря на всю тяжесть военной службы, ложившейся почти исключительно на плечи крестьянства, она представлялась солдату необходимой обязанностью перед родиной.

Все рода войск получили стройную организацию. Высшим соединением в пехоте являлась дивизия, или генеральство. Пехотная дивизия обычно имела в своем составе 2—3 бригады, бригада — 2—3 полка, полк — 2 батальона и полковую артиллерию, батальон — 4 фузилерные роты (из 8 рот в полку одна рота — гренадерская), рота — 4 плутонга (взвода), плутонг — 2 каптальства. Численность полка по штатам 1711 г. была следующей: 40 штаб-офицеров и обер-офицеров, 80 унтер-офицеров, 1120 рядовых строевых, 247 рядовых нестроевых. В каждой роте было 4 обер-офицера, 10 унтер-офицеров и 140 строевых рядовых. Всего в пехотном полку насчитывалось 1487 офицеров и солдат. Постоянный состав имели лишь части и подразделения от полка и ниже. Состав дивизий и бригад менялся в зависимости от обстановки.

На вооружении пехоты находилось ружье (фузея) с багинетом. В 1706—1708 гг. багинет был заменен трехгранным штыком, благодаря чему стало возможно одновременно поражать противника огнем и штыком. Введение штыка уничтожило разделение пехоты на мушкетеров и пикинеров, упростило ее организацию и сделало ее более самостоятельной в бою. Ружье имело калибр 0,78 дюйма и вес 14 фунтов. Оно было снабжено ударно-кремневым замком. Прицельная дальность ружья составляла 300 шагов, скорострельность — 1—2 выстрела в минуту. Кроме ружья, рядовой пехотинец имел шпагу, офицер — протазан, унтер-офицер — алебарду.

Кавалерия русской армии была драгунского типа. Она, так же как и пехота, имела дивизионную организацию. Кавалерийская дивизия имела в своем составе 2—3 бригады, бригада — 2—3 полка, полк — 5 эскадронов и артиллерию, эскадрон — 2 фузилерные роты (из 10 рот в полку одна рота гренадерская). Численность полка по штатам 1711 г. было следующей: 38 штаб-офицеров и обер-офицеров, 80 унтер-офицеров, 920 рядовых строевых, 290 рядовых нестроевых. В роде было 3 обер-офицера, 8 унтер-офицеров, 92 рядовых драгуна. Всего в драгунском полку было 1328 офицеров и солдат. На вооружении драгун имел — облегченное ружье без штыка, палаш и два пистолета.

Большое значение в деле организации конницы имело создание конного корпуса (корволанта). Корволант был непостоянного состава и насчитывал обычно 6—7 тыс. всадников. В отдельных случаях ему придавалась пехота с артиллерией. Корволант предназначался для самостоятельного решения стратегических задач. Так в России впервые была создана стратегическая конница. В Западной Европе такая конница появилась лишь в начале XIX в.

Значительные перемены произошли и в области артиллерии, которой уделялось исключительно большое внимание. За первую четверть XVIII в. русская артиллерия значительно выросла в количественном отношении. К 1725 г. артиллерийский парк насчитывал от 13 до 16 тыс. различных орудий. Одновременно с этим улучшалось качество артиллерии. В 1706 г. была введена единая шкала калибров (артиллерийская шкала), что устраняло имевшуюся многокалиберность артиллерии.

Орудия были трех видов — пушки, гаубицы и мортиры. Каждый тип орудий имел строго установленные калибры. Пушки отливались 3, 6, 8, 12, 18 и 24-фунтового калибра; гаубицы $\frac{1}{2}$, 1 и 2-пудового калибра; мортиры 6-фунтового, 1, 2, 3, 5 и 9-пудового калибра. Были разработаны и разосланы на заводы чертежи для каждого установленного образца орудий. Отливка орудий производилась в точном соответствии с этими чертежами.

Русская артиллерия получила четкое подразделение на полковую, полевую, осадную и крепостную, что обеспечивало более широкие возможности ее тактического использования. На вооружении полковой артиллерии состояла 3-фунтовая пушка и 6-фунтовая мортирка. В каждом пехотном и драгунском полку имелось по две 3-фунтовые пушки¹⁶ и четыре 6-фунтовые мортирки. Последние располагались на боевой оси по обеим сторонам пушки и предназначались для усиления ее картечного огня. В полевую артиллерию входили 6, 8 и 12-фунтовые пушки, 1 и $\frac{1}{2}$ -пудовые гаубицы, 1 и 2-пудовые мортиры. Осадная артиллерия состояла из орудий наиболее мощных калибров: 18 и 24-фунтовых пушек, 3, 5 и 9-пудовых мортир. Крепостная артиллерия имела орудия различного калибра. Обычно в нее входили 3, 6, 12, 18 и 24-фунтовые пушки, 6-фунтовые, 1, 2 и 5-пудовые мортиры, $\frac{1}{2}$, 1 и 2-пудовые гаубицы.

В целях увеличения подвижности артиллерийских орудий, особенно орудий полковой и полевой артиллерии, они были значительно облегчены. Так, 3-фунтовая пушка, весившая ранее около 15 пудов, была облегчена на 6 пудов; вес 6-фунтовой полевой пушки уменьшен с 45 до 36 пудов. Кроме того, было улучшено устройство лафетов. На вооружение поступали новые виды артиллерийских снарядов (чугунная картечь, зажигательные снаряды и др.). Для перевозки боеприпасов впервые вводились двухколесные зарядные ящики.

В 1700 г. был сформирован артиллерийский полк, объединявший полевую артиллерию. По штату 1712 г. полк состоял из бомбардирской роты, четырех канонирских рот, минерной роты, инженерной и понтонной команд. В полку числилось 2323 нижних чина, включая ездовых и обозных, а в роте — 6 обер-офицеров, 10 унтер-офицеров, строевых рядовых в канонирской роте — 132 и в бомбардирской — 93. Инженерные войска не выделялись еще в самостоятельный род войск. Организационно они входили в артиллерийский полк.

Большим новшеством явилось создание в русской армии конной артиллерии. Этот вид артиллерии появился в 1701 г., когда на вооружение драгунских полков стали поступать пушки и мортиры. Расчеты полковых пушек были посажены на лошадей. В деле создания конной артиллерии Россия опередила Западную Европу на полстолетия. На Западе конная артиллерия впервые появилась в 1759 г. в прусской армии.

В русской армии была введена единая военная форма. Обмундирование пехотинца состояло из длинного (до колен) зеленого кафтана с красными обшлагами, камзола одинакового покроя с кафтаном, коротких (несколько ниже колен) красных штанов, черного галстука, черной треугольной шляпы или картуза. Обувью служили зеленые чулки и башмаки. В холодное и ненастное время пехотинцы носили епанчу одного цвета с кафтаном. При несении караульной службы и во время походов им полагались сапоги. Гренадеры вместо шляп носили кожаные шапки. Обмундирование драгун было сходно с обмундированием пехотинцев. Они носили тех же цветов и покроя кафтаны, камзолы, штаны, епанчи, галстуки, шляпы, картузы. В пехотном строю им полагались чулки и башмаки, а в конном — сапоги. Артиллеристы носили кожаные шапки, красные кафтаны с синими обшлагами, красные камзолы и штаны, синие епанчи, черные галстуки, синие или синие с белым (полосатые) чулки, башмаки или сапоги.

При проведении военных реформ большое внимание было уделено строительству военно-морского флота. О размахе строительства русского флота свидетельствуют следующие данные. В 1693—1700 гг. было открыто 10 судостроительных верфей и на них построено 170 судов, в 1700—1715 гг. открыто 12 верфей и построено 530 судов, в 1715—1725 гг. открыты 3 верфи и построено 195 судов.

РУССКАЯ АРМИЯ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ:

*фузилер гвардейской пехоты. 1700—1721 гг.;
 гренадер армейской пехоты. 1700 г.;
 штаб-офицер гвардейской пехоты. 1700—1732 гг.;
 мушкетер пехотного полка. 1711 г.;
 обер-офицер драгунского полка. 1701 г.;
 фузилер драгунского полка. 1720—1732 гг.;
 бомбардир артиллерийского полка. 1712—1720 гг.*

Основными классами кораблей военно-морского флота были линейные корабли и фрегаты. Линейный корабль имел водоизмещение 1—2 тыс. т., большое парусное оснащение, 2—3 боевые палубы, на которых устанавливалось 52—90 пушек 24, 12 и 6-фунтового калибра. Личный состав линейного корабля насчитывал 350—900 человек. Фрегат был меньших размеров, чем линейный корабль. Он имел от одной до двух боевых палуб и вооружался 25—44 орудиями.

Основным типом гребного боевого корабля была скампавея, отличавшаяся от западноевропейских галер большей легкостью и маневренностью. Скампавея имела до 18 пар весел, 3—5 пушек 12, 8 и 3-фундового калибра и до 150 человек личного состава.

Личный состав флота комплектовался, как и в армии, на основе рекрутской повинности, а офицерский состав — из числа русских дворян.

Воспитание и обучение войск осуществлялось на основе уставов и наставлений. Первым уставом русской регулярной пехоты являлось «Краткое обыкновенное учение» (ноябрь 1700 г.). Около 1702 г. был введен устав для регулярной драгунской кавалерии — «Краткое положение при учении (конного) драгунского строю». Оба эти устава впоследствии подвергались изменениям и дополнялись отдельными инструкциями и наставлениями, среди которых наибольшее значение имели «Учреждение к бою по настоящему времени» 1708 г. и «Артикул краткий» 1706 г.

Система воспитания русской регулярной армии ставила своей целью выработать из солдата верного защитника феодально-крепостнического государства. Пожизненная служба и вся система воспитательных мер были направлены на то, чтобы сделать армию надежным орудием в руках дворян-крепостников.

Уставы и наставления русской армии уделяли много внимания вопросам дисциплины и порядка в войсках. В них четко проводилась мысль, что от дисциплины и должного порядка зависит боеспособность армии. Солдат обязан был под страхом сурового наказания беспрекословно выполнять требования уставов и подчиняться своим командирам. Много внимания уделялось воспитанию воинской чести, храбрости и мужества. За боевые отличия солдаты, офицеры и генералы награждались орденами и медалями. В солдатах воспитывалось чувство взаимной выручки, товарищеского отношения друг к другу.

Система обучения армии строилась по принципу: «как в бою поступать». Новобранцы должны были проходить одиночную подготовку и обучаться элементарным правилам строя, старых же солдат обучали действиям в боевом строю по подразделениям и частям. Впервые были введены двусторонние полевые учения войск, в которых участвовала пехота, кавалерия и артиллерия.

Во время учений отрабатывались элементы полевого боя и приемы осады и штурма крепостей. Двусторонняя подготовка войск была новым явлением в истории военного искусства. В целях полевого обучения войск впервые были установлены ежегодные летние лагерные сборы. Большое внимание уделялось сочетанию огня и удара штыком. Сначала огонь велся плутонгами поочередно. Затем следовал общий залп и удар в штыки.

Система воспитания и обучения войск, принятая в русской армии, была для того времени самой передовой. Она полностью позволяла создать хорошо обученные войска, способные решать сложные боевые задачи. Эта система резко отличалась от муштры, которая господствовала в армиях стран Западной Европы. Обучение в русской армии отличалось простотой, от солдат требовались осмысленные, а не механические действия.

Создание в России регулярной армии и военно-морского флота требовало организации надлежащей подготовки офицерских кадров. В связи с этим правительство в первой четверти XVIII в. приняло ряд мер, направленных на обеспечение армии и флота офицерами, обладавшими необходимыми знаниями военного дела. Подготовка основной массы офицерского состава (пехоты и кавалерии) осуществлялась через Семеновский и Преображенский гвардейские полки. Для подготовки офицерских кадров артиллерии и инженерных частей были учреждены военные училища. В 1700 г. при бомбардирской роте Преображенского полка была основана школа для подготовки артиллерийских офицеров, а в 1712 г. при артиллерийском полку открылась Артиллерийская школа. В 1712 г. в Москве, а в 1719 г. в Петербурге начали функционировать инженерные школы. Офицерский состав флота

получал необходимую теоретическую подготовку в Навигацкой школе и Морской академии, созданных соответственно в 1701 и 1715 гг.

Таким образом, в результате успешного осуществления военных реформ в конце XVII — начале XVIII в. в России была создана большая регулярная армия и военно-морской флот. Вооруженные силы России получили постоянную организацию, централизованное управление и снабжение, единую систему воспитания и обучения. К концу первой четверти XVIII в. русская армия состояла из 105 пехотных и 37 драгунских полков, в которых насчитывалось 170 тыс. человек, а с нестроевыми — 198 500 человек. Военно-морской флот России насчитывал 48 линейных кораблей, 800 скамповей, галер и других мелких судов с общим экипажем в 28 тыс. человек. Русский флот стал одним из сильнейших в Европе.

* * *

В то время, когда Петр I энергично готовился к продолжению войны, армия Карла XII расположилась на зимних квартирах в районе Дерпта (Тарту), куда она прибыла из-под Нарвы. Наблюдательные отряды были выставлены у Мариенбурга и Бонненбурга. Шеститысячный отряд оставался в Эстляндии. Для усиления армии по всей Швеции в течение зимы 1700/01 г. набирались новые полки. Карл XII считал, что русская армия не скоро оправится после поражения под Нарвой и очередной задачей ставит разгром польско-саксонского войска Августа II.

Летом 1701 г. Карл XII с 11-тысячным войском двинулся к Риге, которую осаждали саксонские войска. 9 (20) июля 1701 г. шведы неожиданно переправились через Западную Двину и разбили армию Августа II. Саксонцы отступили от Риги сначала к Биржам, затем к Ковно, а оттуда в Курляндию. К концу 1701 г. шведы овладели всеми укрепленными пунктами в Ливонии. Карл XII после победы под Ригой повел свои войска в Литву и Польшу. Война затянулась. По выражению Петра I, шведский король надолго «увяз» в Польше.

Русские войска на западной границе были расположены следующим образом: в окрестностях Пскова находилось 30 тыс. человек под начальством Б. П. Шереметева; у Новгорода и Ладоги — 10 тыс. человек под начальством П. М. Апраксина; 20-тысячный корпус А. И. Репнина был направлен в Курляндию на помощь саксонцам. Главнокомандующим был назначен Б. П. Шереметев. Петр I приказал ему посылать конные отряды в области, занятые шведами, чтобы частыми набегами беспокоить неприятеля, уничтожать его продовольствие и фураж, приучать войска к борьбе с сильным врагом. Выполняя волю Петра, Шереметев направлял конные отряды в Лифляндию, где происходили стычки со шведскими войсками. Шведы, в свою очередь, совершали набеги на русские земли. Взаимные набеги продолжались все лето 1701 г.

Русское командование поставило войскам задачу овладеть линией реки Невы и укрепиться в Ингерманландии. Необходимо было переходить к более решительным действиям в Прибалтике. В августе 1701 г. Б. П. Шереметев получил указ Петра I о посылке на территорию, занятую неприятелем, отряда войск «для поиска и промыслу» неприятельских войск и «разорению жилищ их»¹⁷. 2 (13) сентября Шереметев с большим отрядом конницы и пехоты прибыл в Печерский монастырь. От местных жителей стало известно, что значительные силы противника стоят под Ряпиной мызой. Туда был послан отряд под командованием М. Б. Шереметева. 4 (15) сентября отряд подошел к реке Выбовка, на которой стояла мыза. Переправу через реку охранял шведский отряд (600 человек). Русские войска, разделенные на две части, напали на шведов с фронта и тыла. Противник был разбит. Русские захватили 80 пленных, 2 пушки, много мелкого оружия, 3 знамени и весь обоз неприятеля. Их потери составили 9 человек убитыми и 51 человек ранеными. Это была первая победа над шведами в Лифляндии. 5 (16) сентября М. Б. Шереметев вернулся в Печерский монастырь. Современник И. А. Желябужский так описывает его въезд: «На перед везли знамены, за знамены пушки, за пушками ехали полки ратных людей, за полками ехал он, Михаил Борисович. А в то время у Печерского монастыря на всех роскатах и на башнях ропущены были знамены, также и во всех полках около Печерского монастыря, и на радости была стрельба пушечная по роскатам и по всем полкам, так же из мелкого ружья»¹⁸.

Одновременно с отрядом, посланным к Ряпиной мызе, был выслан и другой отряд (4397 человек) под командованием Я. Н. Римского-Корсакова к мызе Ревке (Рауге, Раух). 4 (15) сентября отряд подошел к мызе, занятой шведами (150 человек пехоты и 50 человек конницы). И здесь противник был разбит. На обратном пути на русских неожиданно напал другой шведский отряд (200 человек пехоты и 300 человек конницы), высланный на помощь первому. Однако он тоже был разбит. Отряд Римского-Корсакова потерял при мызе Ревке 33 человека убитыми и 63 человека ранеными.

2 (13) октября 1701 г. был объявлен «генеральный поход» в Лифляндию. Шереметев стал готовить войска. Был сформирован отряд численностью около 18 тыс. человек при 16 орудиях. 26 декабря 1701 г. (6 января 1702 г.) он занял урочище Выбовка. Через два дня авангард русских войск разбил разведывательный отряд шведов у Эрестфера, не дожидаясь полного сосредоточения их сил. 29 декабря 1701 г. (9 января 1702 г.) русские войска напали на войска Шлиппенбаха и нанесли им крупное поражение. Шведы потеряли 3 тыс. человек убитыми, 350 пленных и 6 орудий. Успех русских был торжественно отмечен в Москве. Б. П. Шереметев был произведен в генерал-фельдмаршалы и награжден орденом Андрея Первозванного, все офицеры — золотыми медалями, а солдаты — серебряными рублями.

В сражении под Эрестфером совместно с русскими войсками героически действовали украинские казачьи полки под командованием миргородского полковника Д. Апостола.

С лета 1702 г. Петр решил приступить к проведению более крупных операций в Прибалтике. Они начались в конце июля наступлением войск Б. П. Шереметева и Ф. М. Апраксина. Эти действия привели к поражению войск В. А. Шлиппенбаха при мызах Гуммельсгоф (Хуммули) 18 (29) июля и Я. Крониорта на р. Ижоре 13 (24) августа и флотилий шведов на Чудском и Ладожском озерах. Особенно чувствительное поражение потерпел Шлиппенбах, большая часть его пехоты была уничтожена, а он сам с конницей с большим трудом едва успел уйти в Пернов.

В то время, когда происходили эти события, Петр находился в Архангельске, где руководил строительством флота. Узнав о победах русских войск в Прибалтике, он решил очередной удар нанести по крепости Нотебург (прежний Орешек), располагавшейся на острове у входа в Неву со стороны Ладожского озера и являвшейся важным стратегическим пунктом. Гарнизон крепости насчитывал 450 человек со 150 орудиями¹⁹.

Послав распоряжения о сосредоточении у Нотебурга войск из Новгорода, Ладоги и Пскова, сам Петр в августе 1702 г., посадив гвардию на построенные суда, выступил из Архангельска к Соловецким островам. По достижении Онежской губы войска высадились у деревни Нюхча. Отсюда до Повенца на Онежском озере гвардия шла сухим путем через леса и болота. Часть судов, в том числе две крупные вооруженные яхты, тащили волоком. В Повенце, присоединив часть построенных там судов, Петр I с гвардией спустился по Онежскому озеру и р. Свирь в Ладожское озеро. Объединив Ладожскую флотилию с прибывшими судами, он направил их к устью Невы. В устье Свири войска высадились на берег, сухим путем направились к Ладоге, а затем — к крепости Нотебург, где в это время уже сосредоточились сухопутные силы под командованием Б. П. Шереметева.

Войска, предназначенные для штурма Нотебурга, были расположены по обеим берегам Невы. Чтобы пресечь сообщение гарнизона крепости, в Неву было волоком перетащено из Ладожского озера 50 судов. Когда все подготовительные работы были завершены, начался артиллерийский обстрел крепости. Он продолжался две недели. На 11 (22) октября был назначен штурм. К участию в нем было привлечено около 2 тыс. человек под командованием князя Голицына и майора Карпова. Эти войска были посажены на суда, снабжены лестницами и перед рассветом по сигналу устремились к стенам крепости.

Гарнизон крепости мужественно встретил нападение русских. Первая атака была отражена. Но русские войска не отступили. Под сильным огнем противника они продолжали штурмовать крепость. На помощь им было послано еще 500 человек под командованием А. Д. Меншикова. Новая атака увенчалась успехом. Около сотни солдат во главе с Меншиковым удалось взобраться

на стены крепости. Комендант, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, приказал вывесить белый флаг.

В письме к генерал-фельдцейхмейстеру А. А. Виниусу Петр I следующим образом оценивал эту победу: «Правда, что зело жесток сей орех был, аднака, слава богу, счастливо разгрызен. Алътиллерия наша зело чудесно дело свое исправила»²⁰. Взятая крепость была переименована в Шлиссельбург (ныне Петрокрепость), т. е. «ключ-город» в знак того, что она должна служить ключом к дальнейшим успехам русской армии.

Кампания 1703 г. также началась наступательными действиями русской армии. Главной задачей ставилось овладение крепостью Ниеншанц. Эта крепость располагалась при впадении в Неву реки Охты, на ее правом берегу, и закрывала выход из Невы в Финский залив. Она состояла из цитадели с пятью бастионами. Между южными бастионами имелся рavelин, окруженный ровом. Сама цитадель находилась на мысу, образуемом слиянием рек Охта и Нева. Гарнизон Ниеншанца состоял из 600 человек. Крепость была вооружена 75 пушками и 3 мортирами.

В конце апреля 1703 г. Б. П. Шереметев с 20-тысячным войском двинулся по правому берегу реки Невы к Ниеншанцу. 25 апреля (6 мая) русский разведывательный отряд численностью 2 тыс. человек, высланный на судах, напал на шведский пост из 150 драгун, находившийся у входа в крепость, и разбил его. В тот же день к крепости стали подходить главные силы русской армии, которые постепенно обложили ее. 26 апреля (7 мая) сюда из Шлиссельбурга на судах прибыл и Петр I с транспортом, доставившим осадную артиллерию (16 мортир 3-пудовых, 48 пушек от 26 до 12-фунтовых), 10 тыс. бомб и осадный инструмент.

Русские войска тщательно готовились к штурму: рыли окопы, траншеи, возводили батареи. 30 апреля (11 мая) к коменданту Ниеншанца были посланы парламентеры с предложением сдаться. Получив отказ, русские начали артиллерийский обстрел крепости, продолжавшийся всю ночь. 1 (12) мая после ожесточенного и кровопролитного штурма крепость капитулировала. 2 (13) мая русские войска вошли в нее. Была захвачена вся артиллерия, 55 бомб, 195 бочек пороха, много ядер, картечи.

5 (16) мая два шведских судна, отделившиеся от эскадры Нумерса, не зная о том, что крепость находится в руках русских, подошли к Ниеншанцу и стали на якорь. Петр решил воспользоваться неосторожностью неприятеля. Отряд русских гвардейцев, посаженный на 30 лодок, под командованием Петра I и Меншикова в ночь на 7 (18) мая внезапно атаковал суда шведов и захватил их. На судах находилось 18 пушек. Из 77 человек было пленено 19, убито 58. В честь победы выбита медаль с надписью: «Небываемое бывает». Военный совет наградил Петра I и Меншикова орденами Андрея Первозванного, а офицеров и солдат — медалями.

С овладением Ниеншанцем Россия получала выход в Балтийское море. Открывалась возможность для налаживания торго-

вых связей с другими странами. Встал вопрос о защите устья Невы. В журнале Петра I есть такая запись: «По взятии Канец (Ниеншанца.— Авт.) отправлен воинский совет, тот ли шанец крепить, или иное место удобнее искать (понеже оный мал, далеко от моря, и место не гораздо крепко от природы), в котором положено искать новаго места, и по нескольким днях найдено к тому удобное место остров, который назывался Люст Еланд (то есть Веселый остров), где в 16 день мая... крепость заложена и именована Санктпетербург»²¹. Так 16 (27) мая 1703 г. был основан город Петербург, ставший позднее новой столицей Российского государства. Одновременно с Петербургом заложили Петропавловскую крепость. Ниеншанц был срыт. Весной 1703 г. близ острова Котлин русские построили крепость, назвав ее Кроншлотом (Кронштадтом). Крепость вооружили 14 орудиями. Она имела назначение надежно прикрыть подступы к устью Невы и Санкт-Петербургу. На о. Котлин установили артиллерийскую батарею в 60 орудий. В инструкции от 3 (14) мая 1704 г., данной коменданту Кроншлота, было сказано: «Содержать сию цитадель... аще случится, хотя до последнего человека... Зело надлежит остерегаться неприятельских брандеров». При приближении к крепости нейтральных кораблей давать по ним предупредительный выстрел, чтобы опустили паруса и бросили якорь; в случае неповиновения открывать огонь»²².

В конце мая — начале июня 1703 г. русские войска овладели крепостями Ям, Копорье, Мариенбург. Тем самым враг был изгнан с территории древней Ижорской земли. «И так, при помощи божией, Ингрия в руках»²³, — писал Петр I Ф. М. Апраксину.

Войска Кронгиорта, занимавшие сильную позицию на р. Сестре, впадающей в Финский залив, постоянными набегами угрожали Петербургу с севера. Чтобы положить этому конец, Петр I 7 (18) июля с 4 драгунскими полками (около 8 тыс. человек), Преображенским и Семеновским гвардейскими полками выступил против войск Кронгиорта (4 тыс. человек пехоты при 13 орудиях) и нанес им поражение. Шведы были отброшены до линии Выборг — Кексгольм.

Летом 1704 г. главные силы русской армии были сосредоточены в районе Дерпт — Нарва. Шведское командование, желая

ПЕТР I

отвлечь часть русских сил от этого района, планировало нанести по Петербургу комбинированный удар с суши и моря. Командующий войсками в Петербурге обер-комендант крепости генерал-майор Р. В. Брюс, получив сведения, что на р. Сестре обнаружен 8-тысячный отряд шведов под командованием генерала И. Майделя, принял срочные меры по защите города. У берега Невы, на Березовом острове, были возведены укрепления. На Большой Неве сосредоточили весь имевшийся флот.

2 (13) июля войска генерала Майделя подошли к Неве и остановились против того места, где были возведены укрепления. Шведы открыли сильный артиллерийский огонь, продолжавшийся четыре часа. Русские мужественно отбили нападение врага. Майдель отступил и занял позицию за р. Сестрой. Одновременно в направлении Петербурга двинулся и шведский флот. 12 (23) июля к Котлину подошла эскадра де Пруа с десантом в 1 тыс. человек. Неприятель попытался высадиться на Котлине. Русские имели здесь небольшой отряд, который оказал шведам упорное сопротивление, после чего они повернули обратно, не достигнув поставленной цели.

В первый числа августа Майдель предпринял новое наступление. Его войска расположились недалеко от развалин Ниеншанца и оттуда стали угрожать Петербургу. Майдель отправил Брюсу ультиматум с требованием сдать город, угрожая в противном случае взять его силой. Брюс с достоинством ответил: «Мне очень странно предложение господина генерал-поручика уступить ему вверенную мне всемилостивейшим моим государем и царем крепость: не угодно ли господину генерал-поручику удалиться в свою землю, а меня таким писанием пощадить?»²⁴ Брюс с частью петербургского гарнизона и пушками выступил навстречу противнику. Русские войска расположились на левом берегу Невы, против устья Охты. Шведы по наведенному мосту сумели переправиться через Охту, но закрепиться им не удалось. Майдель был вынужден отступить.

Летом 1705 г. шведское командование предприняло новую попытку овладеть Петербургом комбинированной атакой с моря и суши. Но и на этот раз замысел противника не осуществился. Сильная неприятельская эскадра в составе 22 вымпелов под командованием адмирала Анкерштерна безуспешно стремилась овладеть Кроншлотом, уничтожить русский флот, прорваться к Петербургу. Столь же неудачными были действия 10-тысячного отряда шведов во главе с И. Майделем. Его намерение захватить Шлиссельбург и атаковать Петербург с суши было сорвано активной обороной русских войск. Противник понес большие потери и был отброшен к Выборгу. Оборона Петербурга — выдающееся достижение русского военного искусства.

Между тем 22-тысячная армия под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева подступила к Дерпту. Ее главные силы расположились на правом берегу реки Эмбах, ниже крепости, около дороги на Псков. Остальные войска заняли левый берег

реки, где проходила дорога из Нарвы. Несколько позже отсюда был послан отряд на правый берег, который занял позицию выше крепости. Осадный парк имел 24 пушки (18, 12 и 6-фунтовых), 15 мортир и 7 гаубиц²⁵.

После артиллерийского обстрела был предпринят штурм Дерпта. В ночь на 13 (24) июля 1704 г. крепость капитулировала. Потери русских составили 317 человек убитыми и 400 человек ранеными. Шведы потеряли убитыми 811 человек и пленными 1388 человек. В крепости были взяты 132 орудия.

После падения Дерпта русские войска были направлены к Нарве и обложили ее. Шведский гарнизон крепости состоял из 4555 человек с 432 орудиями. В Ивангороде находился небольшой отряд при 128 орудиях.

Шведское командование пыталось оказать помощь осажденным. Эскадра адмирала де Пруа подошла к Нарве. Она имела задачу высадить десант, но, встреченная сильным огнем русских батарей, была вынуждена отступить и отойти к Ревелю. Вскоре де Пруа с флотом из 52 вымпелов с десантом вновь подошел к Нарве. И на этот раз русские не дали ему возможности высадить десант.

Крепость подверглась 10-дневному артиллерийскому обстрелу, в результате которого были пробиты многочисленные брешы и частично выведена из строя крепостная артиллерия. После отказа коменданта Горна сдать крепость 9 (20) августа в два часа дня русские начали штурм. В нем участвовало 1600 человек, разделенных на три колонны. Из лагеря были выведены остальные войска, готовые в случае необходимости поддержать штурмующих. Осажденные мужественно защищались. Русские после ожесточенного боя, продолжавшегося около часа, захватили главный вал. Нарва капитулировала. Во время штурма с русской стороны было убито 359 человек, ранено 1340 человек. Шведы потеряли 2700 человек, в том числе 1848 человек пленными.

Взятием 13 (24) июля Дерпта и 9 (20) августа 1704 г. Нарвы закончились боевые действия в Прибалтике. За четыре года, прошедшие после Нарвского сражения, русская армия овладела Ингерманландией, очистила Эстляндию и Лифляндию. В руках шведов оставались лишь Ревель, Пернов и Рига. Крепости Нарва, Дерпт, Ямбург, Кроншлот, Петропавловская и Шлиссельбург надежно защищали отвоеванную у шведов территорию. Это были первые успехи русских войск, служившие предвестниками грядущих славных побед.

* * *

В то время как русская армия вела успешные боевые действия в Прибалтике, войска Карла XII продолжали воевать на территории Польши. Им удалось оккупировать основные жизненные центры страны.

В июле 1704 г. Варшавский сейм объявил Августа низложенным. На польский престол был возведен крупный феодал Ста-

нислав Лепчинский — ставленник шведских захватчиков. Сторонники Августа II создали Сандомирскую конфедерацию. Она признала решение Варшавского сейма незаконным и приняла решение о вступлении Польши в войну со Швецией на стороне России.

Русское правительство направило в помощь Августу II вспомогательный корпус под командованием Голицына численностью 17 тыс. человек. В августе 1704 г. объединенные силы русских, саксонских и польских войск овладели Варшавой. В это время Карл XII находился в Галиции. В начале сентября он с войском численностью до 17 тыс. человек подошел к Львову. Город был укреплен: его окружала высокая стена, усиленная земляным валом и рвом. Польский гарнизон и все население были полны решимости защищаться. Они имели надлежащее снаряжение и много боеприпасов. Каждый был готов точно и безотлагательно выполнять приказы командиров. Жители Львова мужественно обороняли свой город. «Не надеялся шведский король встретить такой отваги в жителях Львова и такого сильного отпора, какой оказывал его войску этот город»²⁶, — писал очевидец. В ночь с 5 (16) на 6 (17) сентября Карлу XII удалось занять город. Против шведских войск украинские казаки и польские войска развернули партизанские действия. Один из партизанских отрядов численностью 200 человек в ночь с 8 (19) на 9 (20) сентября напал на шведский обоз и уничтожил 20 шведов. Другой отряд, состоявший из 300 украинских казаков, захватил в плен 150 солдат.

Карл XII, разорив Львов, отошел с армией к Замостью. Оттуда правым берегом Вислы он двинулся к Варшаве. Август II, не решаясь вступать с ним в бой, оставил Варшаву и отошел к Кракову, а затем к Дрездену.

Весной 1705 г. главные силы русской армии находились около Полоцка. Отсюда они были выдвинуты в район Гродно. Русская армия угрожала сообщениям Карла XII в случае его движения в Саксонию. Одновременно она заняла выгодное положение для обороны границ своей страны. Осенью в окрестностях Гродно кроме русских войск сосредоточились саксонские, польские и литовские войска.

По распоряжению Петра I вокруг Гродно был устроен лагерь. Его укрепления состояли из высокого бруствера, прикрытого широким рвом и обороняемого многочисленной артиллерией. У северо-западной части Гродно было возведено предмостное укрепление. Русское командование приняло меры по обеспечению города запасами продовольствия. Предполагая, что в зимний период Карл XII не предпримет крупных операций, Петр I, передав командование армией Августу II, отбыл в Москву.

Август II, воспользовавшись удалением шведской армии от Гродно, сдал командование войсками фельдмаршалу Г. Б. Огильви, а сам с саксонскими войсками и четырьмя полками русских драгун покинул Гродно и двинулся через Варшаву в Саксонию, намереваясь вернуться вместе со вспомогательным корпусом.

Карл XII решил нарушить принятые тогда обычаи войны и открыть военные действия зимой. В конце декабря 1705 г. его армия, располагавшаяся у Варшавы, двинулась в район Гродно. Замысел противника состоял в том, чтобы блокировать союзную армию и заставить ее капитулировать.

Получив известие о движении шведов к Гродно, Петр спешно выехал из Москвы к армии. Однако в дороге он узнал, что проехать в Гродно уже невозможно; неприятель обложил город и намерен брать его штурмом. В связи с этим было принято решение принять меры для обороны границ страны на случай вторжения врага. В Минске собрали отряд численностью 12 тыс. человек, усиленный рекрутами. Слуцк и Брест превращались в склады продовольствия и служили опорными пунктами. Гетману И. С. Мазепе с 15 тыс. казаков было приказано стать около Слуцка, чтобы создать угрозу левому флангу шведской армии и одновременно наладить связь с гродненским лагерем. Отряды регулярной конницы и украинских казаков нападали на тылы шведов и на их сообщения. Укреплялись Псков, Смоленск, Великие Луки, Москва. Вдоль западной границы от Пскова через Брянск до южных степей строилась засечная линия. На дорогах, пересекавших границу, возводились укрепления с палисадами. К обороне границ привлекалось местное население.

Положение гродненской армии становилось все более тяжелым. Не хватало продовольствия, фуража. Русское командование приняло решение вывести войска из Гродно в направлении Брест — Киев. Петр I приказал Огильви пачать отступательный маневр. Он предписывал воспользоваться ожидаемым ледоходом и половодьем и переправиться на левый берег Немана, а затем отступить, прикрываясь болотами Полесья, к Киеву. Петр I писал, что так как на саксонцев надеяться нечего, то ни о чем другом не заботиться, как только об отступлении из Гродно. Но нужно смотреть куда безопаснее. «Мой совет, — писал Петр I, — когда Немон вскрыется (а до тех мест изготовить мост), тотчас не мешкая перейти Немон, и итти по той стороне; и ежели так скоро учините при пловучем льду, то неприятелю за льдом не возможно будет нигде перейти, а вам зело будет в тот час выйтти свободно»²⁷. Огильви было приказано смотреть, чтобы неприятель не отрезал армию от русской границы. 24 марта (4 апреля) русская армия по заранее наведенному мосту благополучно перешла на левый берег Немана и, оторвавшись от противника, двинулась согласно намеченному плану.

Шведская армия смогла переправиться на противоположный берег только 3 (14) апреля, так как единственный мост через реку был снесен в половодье. Разлившиеся реки и непроходимые Припятские болота затрудняли ее движение. Дойдя до Пинска, шведы вынуждены были остановиться, чтобы дать отдых войскам. 29 марта (9 апреля) русские войска достигли Тикоцина, а 8 (19) мая подошли к Киеву. Поставленная задача — вывести армию из окружения — была блестяще выполнена. Действия русского ко-

мандования под Гродно являются поучительными. По оценке Д. Ф. Масловского, они служат «классическим образцом петровского военного искусства»²⁸.

* * *

Не сумев настигнуть русскую армию и навязать ей сражение в невыгодных для нее условиях, шведский король вновь обратил свои силы против Августа II. Из Полоцка он двинулся через Луцк и Люблин к Дрездену. Не встречая сильного сопротивления, Карл XII в сентябре 1706 г. занял всю Саксонию. Август II, боясь потерять свои наследственные владения, 13 (24) сентября в местечке Альтранштадт под Лейпцигом подписал уничижительный мирный договор с Карлом XII. Он отказывался от польской короны в пользу Станислава Лещинского; разрывал союз с Россией; обязывался выдать шведам русские вспомогательные войска, находившиеся в Саксонии, а также всех пленных и уплатить большую контрибуцию.

Русское командование, ничего не зная о переговорах в Альтранштадте, пыталось помочь своему союзнику. Было отдано указание о сосредоточении русской армии в районе Жолкиева. Отряд конницы под командованием А. Д. Меншикова направлялся в Саксонию на помощь Августу II. В Люблине 20-тысячный отряд русских соединился с 15-тысячной саксонской конницей. Меншиков, получив от разведки сведения, что в районе Калиша сосредоточилось 7 тыс. шведских и 20 тыс. польских войск (сторонников Станислава Лещинского) под командованием А. А. Мардефельда, решил атаковать их.

18 (29) октября союзники приблизились к Калишу. Неприятель занял за рекой Просной сильную позицию, прикрытую с фронта и флангов малодоступными болотами. «Зело в крепких местах стал, имея круг себя жестокие переправы, реки и болото»²⁹, — писал Меншиков царю. Союзная конница под общим командованием Меншикова построилась в три линии. На правом фланге стояли русские войска, на левом — саксонские. Позади располагались польские войска, Мардефельд построил свои войска в две линии, перемешав отряды пехоты и конницы. Шведское войско (4 тыс. конницы и 3 тыс. пехоты) построилось в центре, а 20 тыс. поляков стояли на флангах. Первой пошла в атаку первая линия русской и саксонской кавалерии. Она смяла польские войска и обратила их в бегство. Но саксонская конница, встреченная ожесточенным огнем шведской пехоты, была вынуждена отступить. Неудачу потерпела и первая линия русских, которая была опрокинута шведами.

Шведы, увлеченные преследованием, были охвачены свежими силами драгун второй линии и истреблены. Шведская пехота, оставшаяся одна, построилась в каре и отбила все атаки русской конницы. Видя упорное сопротивление неприятеля, Меншиков приказал нескольким эскадронам спешиться, а коннице, стоявшей на правом крыле, ударить во фланг шведов. Затем союзники

перешли в общее наступление с фронта и флангов. «И как неприятельская пехота, которой было 3000, на наш корпус наступила, то наши не много пожались, понеже пехоты при себе не имели, однакож ... князь Меншиков вскоре приказал нескольку шквадронам драгун против шведской пехоты спешить, да и с правого крыла коннице на них наступать, и по такому благорасположению жестоко от наших на пехоту стрелено, и по том был пружестокый бой, на котором в непрестанном огне 3 часа были ... наши вящую силу взяли и так жестоко на неприятеля боем наступили, что в конец оного разорили, разве малая часть от конницы шведской ушла, а пехота вся осталась»³⁰, — писал Желябуцкий. После трехчасового ожесточенного боя шведы были наголову разбиты. Мардефельд сдался в плен. В реляции о битве под Калишем сообщалось: «Наши неприятеля сломили и полную викторию получили; и только часть конницы неприятельской шведской ушла, а пехота вся побита и взята так, что на месте неприятелей положено с четыре тысячи или более человек шведов, да с тысячу поляков»³¹. В плен было взято 5 тыс. человек. Победителям достались богатые трофеи: 3 полковые пушки, 400 фузей, 85 знамен. Потери русских составили 84 человека убитыми и 324 ранеными³².

Сражение под Калишем является крупным достижением русского военного искусства. Образцово действовала драгунская конница. Победа имела и большое моральное значение.

¹ Журнал или Поденная записка... СПб., 1770. Ч. 1. С. 23—24.

² Король В. Д. Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе // Вопр. истории, 1948. № 4. С. 50—52.

³ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. Т. 2. С. 65.

⁴ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 26.

⁵ Епифанов П. П. Россия в Северной войне // Вопр. истории, 1971. № 6. С. 125.

⁶ Гамель И. Описание тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. С. 32—35.

⁷ Балашиха Ю. П. Из истории Великой Северной войны: (Начало Малой войны — зима 1700—1701 года) // Ученые зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1958. Т. 74, вып. 5. С. 186.

⁸ Захаренко А. Г. Усиление оборонительных сооружений на северо-западной границе русского государства в начале Северной войны // Сборник докладов воен.-ист. секции Ленинградского дома уче-

ных им. А. М. Горького. М.; Л., 1960. № 3. С. 66.

⁹ Записки Желябуцкого с 1682 по 2 июля 1709 г. СПб., 1840. С. 173, 174.

¹⁰ Захаренко А. Г. Указ. соч. С. 70.

¹¹ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 33—34.

¹² Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 34—35.

¹³ Шуйтой В. Партизан Иван Окулов // На рубеже, 1960, № 6. С. 112.

¹⁴ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 61.

¹⁵ Веселаго Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1. С. 147.

¹⁶ В лейб-гвардии Семеновском полку полагалось иметь шесть 3-фунтовых пушек, а в лейб-гвардии Преображенском полку имелась специальная бомбардирская рота, на вооружении которой было 6 мортир и 4 пушки.

¹⁷ Военно-походный журнал генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. 1. С. 75—76.

¹⁸ Записки Желябуцкого... С. 176.

- ¹⁹ Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1. С. 87.
- ²⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 92.
- ²¹ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 69.
- ²² Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4, ч. 1. С. 250.
- ²³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 169.
- ²⁴ Устрялов Н. Указ. соч. Т. 4, ч. 1. С. 258—259.
- ²⁵ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 85.
- ²⁶ Шугой В. Е. Оборона Львова в 1704 г. // Краткие сообщения Ин-та славяноведения, 1955. № 17. С. 25.
- ²⁷ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788. Ч. 10. С. 382.
- ²⁸ Масловский Д. Ф. Указ. соч. Вып. 1. С. 105.
- ²⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1900. Т. 4. вып. 2. С. 1195.
- ³⁰ Записки Желябужского... С. 231—232.
- ³¹ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 139.
- ³² Там же. С. 141—142.

3

КРУШЕНИЕ ШВЕДСКОГО НАШЕСТВИЯ

Обстановка перед нашествием.—Провал наступления армии Карла XII на Москву.—Сражение при Лесной.—Всенародное сопротивление захватчикам.—Полтавская битва.

Первые годы Северной войны были временем трудных испытаний для России. Поражение ее армии под Нарвой в 1700 г. создало реальную угрозу вражеского нашествия. В этих условиях, как писал академик Е. В. Тарле, нужна была железная воля, громадный государственный ум, огромное дипломатическое умение и прекрасное знание военного искусства, чтобы не согнуться под тяжестью неожиданно свалившихся несчастий и твердо идти к намеченной цели¹. Именно такими качествами обладал Петр I. Под его руководством были проведены крупные мероприятия по укреплению обороны страны. Это позволило перейти к активным боевым действиям против шведов. На Неве и в Прибалтике русская регулярная армия одержала свои первые победы. Была решена важная стратегическая задача: русские войска освободили от шведских захватчиков Ингрию, прочно закрепились на берегах Балтийского моря.

Но русское правительство понимало, что предстоит еще тяжелая борьба с таким сильным противником, каким была Швеция. Положение осложнялось тем, что из войны вышли союзники России — Дания и Саксония. И потому было крайне важно продолжать укрепление обороны страны, быть готовым к отражению возможного вторжения армии Карла XII в пределы Российского государства. «...Сия война,— писал Петр I Ф. М. Апраксину,— над нами одними осталась: того ради ничто так не надлежит хранить, яко границы, дабы неприятель или силою, а паче лукавым обманом не впал»².

В декабре 1706 г. в местечке Жолкиеве (ныне г. Нестеров Львовской обл.) Петр I созвал военный совет. Он должен был решить, «давать ли с неприятелем баталию в Польше или при своих границах». Участники военного совета единодушно высказались за то, «чтоб в Польше не давать: понеже, ежели какое нещастие учинилось, то бы трудно иметь ретираду; и для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет: а в Польше на переправах, и партиями, так же оголоженьем провианта и фуража, томить неприятеля»³. Имелось в виду постепенно отводить армию в глубь страны с тем,

чтобы измотать, истощить противника в оборонительных боях и создать тем самым условия для перехода в решительное наступление. Важнейшим моментом в стратегическом плане русского командования было развертывание всенародной партизанской борьбы против шведских захватчиков. В своих обращениях (универсалах) к народу Петр I призывал организовать вооруженное сопротивление врагу.

Одновременно были приняты меры к подготовке всего государства к обороне. Петр I разослал во все города, расположенные в полосе «от границы 200 верст поперек, а в длину от Пскова через Смоленск до Черкасских городов», приказ, чтобы жители этих городов «от прихода неприятельского были во всякой осторожности и опасении»⁴. На дорогах пограничной полосы устраивались завалы. Усиливались гарнизоны в крепостях и городах западной части России. Особое внимание уделялось укреплению Смоленска и Москвы. «Фортицию московскую,— писал Петр I,— надлежит, где не сомкнуто, сомкнуть, всем здешним жителям сказать, чтоб в нужном случае готовы были»⁵.

Наряду с проведением мероприятий по подготовке страны к отражению возможного вражеского нашествия Петр I стремился окончить войну со Швецией «добрым миром». Он обратился к ряду западных стран с просьбами о посредничестве в этом деле. Однако просьбы не встретили поддержки. Главную роль играло опасение, что, развязав себе руки на востоке, Карл XII предпримет агрессивные действия в Западной Европе. Англия, например, была заинтересована в затягивании войны между Россией и Швецией, ибо это обеспечивало ей благоприятные условия для достижения своих захватнических целей в войне за испанское наследство. Вместе с тем она хотела помешать России утвердиться на Балтийском море. «Если, однако, интересы Англии,— доносил в Лондон британский посол в Петербурге,— требуют удаления русских от Балтийского моря, необходимо обдумать, каким путем удобнее и благовиднее достигнуть такого результата»⁶.

Сам Карл XII не был настроен заключать мир. Он открыто заявлял о своих агрессивных намерениях в отношении России. В официальных кругах Стокгольма говорили, что «король помирится с Россией, только когда он придет в Москву, царя с престола свергнет, государство его разделит на малые княжества, созовет бояр, разделит им царство на воеводства»⁷. Карл XII тщательно готовился к походу в Россию. Он был уверен в своем успехе. В столицах западноевропейских государств высказывалось мнение, что шведы сумеют легко одержать победу над русскими войсками. Последующие события показали иное.

* * *

В начале 1708 г. главные силы шведской армии (35 тыс. человек) располагались на зимних квартирах в районе Сморгонь—Ошмяны. Затем Карл XII переместил их юго-восточнее к Радомкевичам, где они находились до лета. В Финляндии, у Выборга

- Поход Карла XII в 1701—1702 гг. (в Польшу)
- Направление действий русских войск в 1701—1704 гг.
- Движение и район сосредоточения основных сил русских войск в 1705—1706 гг.
- Поход Карла XII в конце 1705—1706 гг.
- Выход русских войск из окружения в 1706 г. и последующие действия до июля 1708 г.
- Поход Карла XII в августе 1707 — в мае 1709 гг. (к Полтаве)
- Путь вспомогательного корпуса шведских войск под командованием Левенгаупта (август—сентябрь 1708 г.)
- Движение главных сил русских войск в июле 1708 — мае 1709 гг. (к Полтаве)
- × Места важнейших сражений и боев (с указанием дат)
- Районы народной войны против шведских войск
- Границы государств к началу войны (в 1700 г.)

и Кексгольма, стоял корпус Либекера (14 тыс. человек). Под Ригой находился корпус А. Л. Левенгаупта (16 тыс. человек). Весной 1708 г. в Финский залив вошла шведская эскадра и заняла позицию у Березовых островов.

Замысел Карла XII заключался в том, чтобы главными силами вести наступление на Москву через Смоленск. Корпусу Либекера ставилась задача овладеть Петербургом. Корпус Левенгаупта должен был идти от Риги на соединение с главными силами

и принять участие в наступлении на московском направлении. Это был авантюристический план. Он основывался на переоценке сил и возможностей шведской армии и явной недооценке способности русской армии и всего населения страны дать отпор агрессору. Как справедливо отмечал шведский историк И. Андерссон, Карл XII «отправился на восток к центру необъятной русской державы в соответствии с планом, аналогичным плану, которым руководствовался более чем сто лет спустя Наполеон»⁸.

Главные силы русской армии (57 тыс. человек) были сосредоточены в районе Чашники — Бешенковичи — Улла. У Пскова стоял корпус Р. Х. Боура (16 тыс. человек), а в Ингрии корпус Ф. М. Апраксина (24 тыс. человек). Русскому командованию не было ясно, в каком направлении начнет наступление Карл XII. Возможны были два варианта действий. Он мог с главными силами двинуться на северо-восток, чтобы затем, присоединив корпуса Левенгаупта и Либекера, наступать на Москву со стороны Новгорода через Тверь. Вероятным считался и удар противника на Москву через Смоленск. Русское командование внимательно следило за действиями Карла XII и было готово оказать противодействие любым его намерениям.

В начале июня 1708 г. армия Карла XII перешла в наступление. 7 (18) июня она выступила из Минска. В середине июня противник совершил переправу через р. Березину у местечка Березино и двинулся на восток. Русская армия, выступив из района своего расположения, заняла позицию у Головчино, чтобы прикрыть пути на Могилев и Шклов. 3 (14) июля шведы внезапно атаковали центр боевого расположения русской армии. Стоявшая здесь дивизия А. И. Репнина понесла потери и вынуждена была отступить к Шклову. Туда же отошли остальные войска. 7 (18) июля шведы заняли Могилев.

6 (17) июля на военном совете в Шклове было решено отвести армию к Горкам и там «смотреть на неприятельские обороты и куда обратиться — к Смоленску или к Украине — трудиться его упреждать»⁹. К 11 (22) июля русская армия сосредоточилась в районе Горок. Двумя днями ранее сюда прибыл Петр I. Ознакомившись с обстановкой, он приказал переместить корпус Боура из Пскова к Смоленску, чтобы надежнее обеспечить московское направление.

Карл XII простоял в Могилеве около месяца. Он ожидал подхода корпуса Левенгаупта. Необходимо было также дать войскам отдых и подготовить их к продолжению наступления. В середине августа Карл XII, не дождавшись Левенгаупта, после переправы через Днепр двинулся на юго-восток. Достигнув Чернигова, он повернул свои войска на север, рассчитывая быстро захватить Смоленск. Русская армия двинулась из Горок к Мстиславлю, преградив путь шведам, 30 августа (10 сентября) у села Доброе произошел бой авангарда русской армии под командованием М. М. Голицына с передовым отрядом шведов во главе с Россом. Противник понес большие потери в живой силе. Успех русских

в этом бою очень обрадовал Петра I. «...Как почал служить,— писал он,— такова огня и порядочного действа от наших солдат не слышал и не видал (дай боже и впредь так)»¹⁰.

Неудача у с. Доброе не остановила Карла XII. Он приказал продолжать наступление, стремясь во что бы то ни стало пробиться к Смоленску. Русская армия медленно отходила, сдерживая натиск врага. 9 (20) сентября у с. Раевки произошел новый бой, в ходе которого шведы потеряли более 2 тыс. человек убитыми. К 10 (21) сентября шведская армия достигла д. Стариши. Ее наступательные возможности были исчерпаны. Карл XII решил отказаться от похода на Москву. 14 (25) сентября он двинул свою армию на Украину. Там он намеревался усилить ее войсками предателя украинского народа гетмана Мазепы и польско-шляхетскими отрядами, вовлечь в войну на своей стороне Турцию и Крымское ханство, а затем возобновить наступательные действия против России.

Замысел похода Карла XII на Москву потерпел неудачу. Решающую роль в срыве агрессивных планов шведского короля сыграло упорное сопротивление русской армии. Осуществляя стратегический план, принятый на военном совете в Жолкиеве, она уничтожала на пути движения неприятельских войск запасы продовольствия, посеы на корню, сжигала строения. Враг нес потери в арьергардных боях. Огромное значение имела развернувшаяся в стране всенародная борьба против интервентов.

* * *

4 (25) сентября, когда Карл XII выступил из Старишей на Украину, корпус Левенгаупта, достигший к этому времени Черей, двинулся на соединение с главными силами шведской армии. Он включал 16 тыс. человек, 17 орудий, 7 тыс. повозок с боеприпасами и продовольствием. 19—22 сентября (30 сентября — 3 октября) Левенгаупт совершил переправу через Днепр у Шклова и пошел в направлении Пропойска. Там он рассчитывал перейти р. Сож и соединиться на Черниговщине с армией Карла XII.

Когда были получены сведения о движении корпуса Левенгаупта, Петр I решил разгромить его. Для этой цели он сформировал летучий корпус (корволант). В его состав вошли 6,8 тыс. драгун и 4,9 тыс. пехотинцев, посаженных на коней, 30 полковых орудий. Командование корволантом осуществлял лично Петр I. Следуя по пятам за Левенгауптом, русские настигли его у д. Долгий Мох. Шведы успели переправиться на правый берег протекавшей там р. Ресты и уничтожить мосты. На прибрежных высотах они установили батареи, получив возможность с дальнего расстояния обстреливать сильным артиллерийским огнем все подступы к реке. Это не давало возможности русским форсировать реку, и они вынуждены были ограничиться ответным огнем по шведским батареям. К вечеру 27 сентября (8 октября) Левенгаупт успел переправить к Пропойску большую часть обоза (4 тыс. повозок) и передовой отряд (3 тыс. человек). После этого

шведы прекратили артиллерийский огонь и отошли к д. Лесная, где стали лагерем. В распоряжении Левенгаупта осталось 13 тыс. человек, 17 орудий и 3 тыс. повозок.

Утром 28 сентября (9 октября) войска Петра I переправились по наведенным за ночь мостам через р. Ресту и двинулись в направлении Лесной. В этот район выдвигался отряд Р. Х. Боура численностью 4 тыс. человек (8 драгунских полков). Шведские войска были расположены в линейном боевом порядке на поляне к северу и северо-западу от Лесной. В тылу этой позиции противник соорудил временное полевое укрепление из сцепленных повозок — вагенбург. Впереди позиции у перелеска находился авангард (6 батальонов).

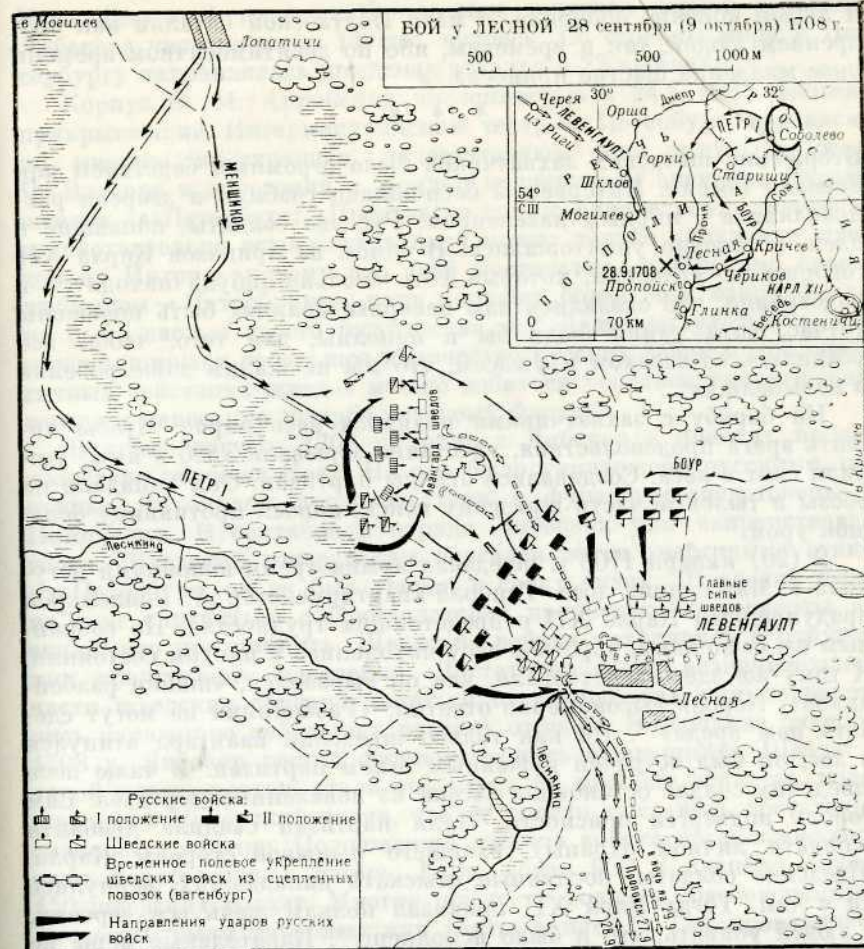
Русские войска двигались двумя колоннами. В первой колонне, которую возглавлял Петр I, находились два гвардейских полка (Семеновский и Преображенский), три драгунских и батальон Астраханского пехотного полка; левую колонну под командованием А. Д. Меншикова составляли семь драгунских полков и один пехотный (Ингерманландский) полк. Около 12 часов обе колонны подошли к перелеску и вступили в бой с авангардом противника. Стремительным ударом русских войск шведы были отброшены.

После этого русские войска построились в две линии. В центре первой линии располагались 8 батальонов пехоты, а на флангах — по 2 драгунских полка. Во второй линии находилось 6 драгунских полков, между которыми было поставлено 2 пехотных батальона. Между линиями для усиления флангов размещались гренадерские роты. В таком боевом порядке русские войска начали атаку главных сил отряда Левенгаупта, оборонявшихся на основной позиции у деревни Лесной. Противник не выдержал штыкового удара русских войск и укрылся в укрепленном лагере.

Тем временем на поле боя прибыл отряд Боура. Русские войска направили главный удар на левый фланг противника, стремясь отрезать пути отхода на Пропойск. После ожесточенных атак русские захватили мост через р. Леснянка, лишив противника возможности отступать в юго-восточном направлении. Однако к исходу дня с помощью войск, подошедших из Пропойска, шведам удалось отбить этот мост. Ночью остатки отряда Левенгаупта, бросив обоз и артиллерию, спешно отступили. Через две недели они соединились на Украине с главными силами шведской армии.

Сражение при Лесной закончилось блестящей победой русских войск. Противник потерял 8,5 тыс. человек убитыми и ранеными, 45 офицеров и 700 рядовых попали в плен. Русские захватили всю артиллерию и почти весь обоз. Их собственные потери составили 1111 человек убитыми и 2856 ранеными.

В сражении у деревни Лесной русские войска одержали первую крупную победу над численно превосходящим регулярным войском противника. Эта победа свидетельствовала о возросшей боевой силе русской армии и способствовала укреплению ее мо-

рального духа. Сражение является ярким примером искусных действий крупного летучего корпуса (корволанта). Русские войска показали умение вести боевые действия в линейном боевом порядке на пересеченной лесистой местности, что было недоступно войскам Западной Европы. Впоследствии Петр I рекомендовал своим генералам учиться на опыте сражения у Лесной и выбирать для сражения закрытую местность.

Победа при Лесной оказала большое влияние на ход войны. Она подготовила условия для новой, еще более величественной победы русской регулярной армии под Полтавой. Петр I так охарактеризовал победу при Лесной: «Сия у нас победа может первая называться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому ж еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем, и поистине оная виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была,

и людей конечно ободрила, и мать Полтавской баталии как ободрением людей, так и временем, ибо по девятимесячном времени оно младенца щастие принесла...»¹¹

* * *

Вторжение шведских захватчиков было огромным бедствием для народов России. Интервенты беспощадно грабили и зверски расправлялись с мирным населением. Русские солдаты, попавшие в плен, поголовно уничтожались. В одном из приказов Карла XII говорилось: «Жители, которые хоть сколько-нибудь находятся в подозрении, что оказались нам неверны, должны быть повешены тотчас, хотя улики были бы и неполны, для того, чтобы все убедились со страхом и ужасом, что мы не щадим даже ребенка в колыбели...»¹².

На борьбу с захватчиками поднялся весь народ. Чтобы лишить врага продовольствия, крестьяне зарывали хлеб в ямы, угоняли скот в леса. Создавались отряды партизан. Они нападали на обозы и тыловые части шведских войск, нанося противнику большой урон.

9 (20) января 1708 г. шведская армия тремя колоннами вступила в Мазовецкие леса. Генерал-квартирмейстер А. Гилленкрок предупреждал Карла XII о предстоящих трудностях. По собранным им сведениям, дороги в лесу находились в плохом состоянии. К тому же здесь действовали, как он выразился, «шайки разбойников». Король высокомерно ответил: «Разбойники не могут сделать нам вреда»¹³. Но как только шведский авангард втянулся в лес, он был встречен ружейным огнем партизан. В чаще леса шведских солдат остановила засека из поваленных деревьев. Сам король подвергся опасности. Пуля партизан свалила драбанта (солдата личной охраны), ехавшего с правой стороны Карла. Шведские солдаты, посланные отыскать нападавших, вернулись ни с чем. Тогда Карл XII приказал полкам жечь все деревни, а людей убивать, что и было исполнено¹⁴. Карательные меры не устранили партизан. Народная война разгоралась на огромном пространстве.

Не только на пути следования главных сил интервенты получали отпор. Они испытывали неудачи и на севере. Жители Архангельска и Холмогор, крестьяне этих районов несли караулы совместно с немногочисленными гарнизонами, возводили укрепления в городах и в устьях судоходных рек. На взморье постоянно выходили на дозор суда поморов. За границу шведских кордонов добровольно пробирались русские разведчики, рискуя жизнью. Соловецкий монастырь благодаря энергичным мерам местного населения превратился в неприступную крепость¹⁵. Шведы, за исключением отдельных случаев нападений, которые носили характер диверсий, так и не решились на серьезные военные действия на северных окраинах России.

Более серьезные испытания ожидали новую столицу — Петербург. Карл XII приказал в 1708 г. покончить с городом на

Неве. Для этой цели из Финляндии двигался корпус генерала Либекера численностью 14 тыс. человек. Со стороны моря к Петербургу направлялась шведская эскадра в 22 вымпела.

Корпус Ф. М. Апраксина численностью в 24,5 тыс. человек, прикрывавший Ингерманландский театр и Петербург, считался, по мнению иностранцев, недостаточным для защиты. Посол Ч. Витворт в донесении в Лондон подчеркивал значение похода шведов на Петербург: «Произвести самую influential диверсию и действительно встревожить царя может только нападение шведов на Ингрию, потому что этой местностью, и особенно своим любимцем — Петербургом, царь дорожит более, чем какой бы то ни было частью своего государства...»¹⁶. Далее он указывал, что город защищает небольшое количество русских войск и при энергичных действиях шведов можно добиться успеха в уничтожении города и нанесении ущерба русскому флоту.

В конце августа 1708 г. генерал Либекер в поисках продовольствия перешел Неву. Но оно было уничтожено русскими, основные же запасы продовольствия и фуража сосредоточены в Петербурге. В сентябре в отряде Либекера уже свирепствовал голод. Шведский генерал сам опасался вести энергичные атаки на Петербург: он не был уверен в своих силах. Шведский флот не смог справиться с Кроншлотской крепостью. Интервенты не знали, что предпринять. Шведские войска находились в окружении враждебного населения. Достаточно было незначительной части шведских солдат удалиться от лагеря, как они подвергались нападению небольших русских отрядов. В середине октября 1708 г. Либекер решил срочно свернуть экспедицию. Шведы с такой поспешностью стали грузиться на корабли эскадры, подошедшие в Копорский залив, что не смогли выставить достаточно сильное охранение. Подошедшие русские войска воспользовались этим и ворвались в лагерь. Было убито 900 и пленено свыше 150 шведских солдат. Многие шведские солдаты, разбежавшиеся по лесам, были перебиты или взяты в плен¹⁷. Так провалилась попытка шведского короля отвлечь часть русских сил с направления Смоленск — Москва и уничтожить новую столицу России — Петербург.

Все усилия Карла XII теперь были сконцентрированы на главном направлении — кратчайшим путем проникнуть в центр России. Но и этот путь оказался закрытым для шведской армии. Чем дальше она продвигалась, тем ожесточеннее разгоралась народная война. С середины 1708 г. антишведские выступления местного населения, как правило, проводились во взаимодействии с отрядами русской армии.

Русское командование приступило к созданию летучих отрядов из драгун и нерегулярной конницы. Отрядам предписывалось действовать самостоятельно, в отрыве от основных сил. В их задачу входил сбор сведений о противнике, захват «языков», а по возможности и нанесение урона живой силе врага. В январе — феврале 1708 г. такие отряды начали успешно действовать¹⁸.

Началось параллельное преследование армии захватчиков. Русские отряды захватывали пленных, проводили разведку. Местное население задерживало продвижение шведских войск.

Белорусские партизаны у Зеленой Пущи (в районе г. Сморгонь) преградили путь шведскому отряду численностью более 4 тыс. человек. Разгромив его, партизаны захватили обоз с провиантом и фуражом. Из-за действий литовских и белорусских партизан путь от Гродно до Головчина занял у шведских войск около 5 месяцев: они продвигались всего по 4–6 км в день. Шведы, пытаясь отыскать припасы у местного населения, подвергали жителей жестоким карательным мерам. «Мучают, вешают, жгут мужиков... дабы ямы хлебные показывали» — отмечалось в документах русского командования¹⁹.

После Головчина шведская армия направилась к Могилеву. Поход по опустошенной местности, сопротивление местного населения, нападения русских отрядов вынудили Карла XII дать передышку своим войскам. Заняв Могилев, шведы подвергли город ограблению и разрушению, но продовольствия не добыли. 19 (30) августа в Могилеве побывал русский разведчик. Он доносил, что «во время бытия шведского в Могилеве померло с голоду и от мыту с четыре тысячи»²⁰.

Попытка Карла XII пойти на Смоленск не имела успеха. Шведский авангард был разгромлен у с. Доброе. Находиться в этой местности шведам стало невозможно. Партизаны и драгуны практически не позволяли фуражирам противника удалиться от главных сил армии. Отдельные отряды неприятеля также истреблялись местным населением. Шведский король после совещания с генералами решил двинуть войска в Северскую область. «Причину последнего решения... следует искать лишь в трудности добывать провиант на Смоленской дороге...» Карл XII признавал, что в его армии «есть полки, три недели не имеющие хлеба... и совсем нет фуража для лошадей»²¹. С нетерпением ожидала шведская армия корпус генерала Левенгаупта с огромным обозом. Русское командование уничтожило и эту надежду. Неоценимую услугу русской армии оказал белорусский крестьянин, который провел ее кратчайшим путем к Лесной²².

О состоянии шведской армии свидетельствует письмо французского полковника Безенвальда, бывшего при шведских войсках: «Положение шведской армии заставляет опасаться за успех предприятия шведского короля в тех краях (у границ России. — Авт.)... Голод в армии растет с каждым днем; о хлебе больше уже не имеют понятия... В лесах, которые раньше кишели дичью, не встречается ни одной птицы, ни одного зверя; царь приказал, при нашем приближении, сжигать все... Как же мы будем существовать в этой ужасной пустыне. Ах, как тяжела эта война...»²³

Карл XII предпринял попытку опередить русские войска и занять город Стародуб. С этой целью 15 (26) сентября 1708 г. он выделил 4-тысячный отряд генерала А. Лагеркрона, который

был обязан подойти быстрым маршем и захватить город. Однако проводники — местные жители завели шведов в непроходимый лес. Проплутав в поисках дороги, они наконец подошли к городу, но в нем уже находились русские войска²⁴. Население и гарнизон Стародуба, воодушевленные прибытием русского отряда, 29 сентября (10 октября) совместно с ним нагнали отходивший отряд Лагеркрона и в 3 км от города нанесли шведам поражение. Остаткам шведского отряда пришлось спешно, в большой панике искать путь к главным силам. Узнав о случившемся, Карл XII в сердцах обозвал генерала Лагеркрона глупцом, который просто помешался: «Дойти до Стародуба и не занять его!» — гневно воскликнул шведский король²⁵.

Стародуб являлся важным стратегическим пунктом. Через него проходили пути из России на Украину. Помимо всего, в городе находились продовольственные и военные запасы, приготовленные Мазепой. Они также были необходимы утомленной, голодавшей шведской армии. Население района Стародуба ушло в леса, захватив с собой продовольствие и скот. Часть жителей окрестных сел сосредоточились в городе и приготовились его защищать. Совместно с русскими войсками они активно участвовали в разгроме отряда Лагеркрона.

Начался важный этап в партизанской борьбе с интервентами. Украинское и русское население активно содействовало русской армии в удержании населенных пунктов, которые шведское командование намеревалось использовать как зимние квартиры. Вторичная попытка в октябре 1708 г. основными силами шведской армии овладеть Стародубом также была отбита. Шведы, потеряв более 1 тыс. солдат, отступили.

Ярким проявлением патриотизма явились действия старообрядческого населения, которое ушло из Центральной России и поселилось в лесах Стародуба. Когда в октябре — ноябре 1708 г. шведская армия проходила через их слободы, слобожане, вооружившись чем могли, начали настоящую партизанскую войну. Забыв религиозные притеснения и обиды, старообрядцы организовали крупный отряд в 3 тыс. человек²⁶. Отряд успешно действовал, партизаны отправляли в ставку Петра I пленных шведов и трофеи. В знак признания заслуг стародубских партизан Петр I закрепил за ними леса, водоемы и земли, на которых они поселились. Управление старообрядческими слободами было подчинено особой конторе.

Упорное сопротивление шведам и мазепинцам оказывали также гарнизоны и население других городов. Например, в Новгороде-Северском Мазепа подготовил для армии Карла XII военные и продовольственные запасы. В городе стоял полк сердюков²⁷, верных Мазепе, и две сотни рядовых казаков. Казаки, враждовавшие с мазепинцами, послали гонца к Петру I и просили занять город. Совместно с русскими солдатами они обезоружили сердюцкий полк, причем сопротивлявшиеся были истреблены казаками. Город стал опорным пунктом русской армии. В конце

октября его гарнизон отбил атаку 7-тысячного отряда Левенгаупта, отбросив его от стен города.

Земля горела под ногами интервентов. Даже измена Мазепы, обещавшего шведскому королю помощь военной силой и провиантом, не повлияла на ход партизанской борьбы. Предательство Мазепы хотя и открыло дорогу Карлу XII на Украину, но не могло обеспечить зимовку шведской армии. После того как 25 октября (5 ноября) 1708 г. Мазепа перешел в стан врага, русский отряд под командованием А. Д. Меншикова занял Батурин — резиденцию гетмана. Здесь были приготовлены для шведской армии продовольственные запасы и вооружение. Украинское население не прельстилось на лживые универсалы предателя. Каждый город, каждое селение оказывали сопротивление врагу. Шведские войска бесчинствовали на Украине. Они не щадили даже женщин и младенцев. Зверства оккупантов вызвали ожесточенный отпор местного населения и всеобщее презрение к предателям — мазепинцам, пособникам интервентов. Армия Карла XII фактически беспомощно топталась в районе Северной Украины. Населенные пункты Ромны и Прилуки, пригодные для зимних квартир, оказались в руках русской армии.

Обозленный неудачами, оказавшись в кольце русских гарнизонов, Карл XII в январе 1709 г. решил взять реванш — штурмовать город Веприк. Крестьяне окрестных сел и небольшой гарнизон Веприка сдерживали армию шведов около 50 дней. Они героически отражали ожесточенные атаки шведов. Карл XII лично составил план штурма города. Пять полков — 3 тыс. солдат шведской армии, поддержанные артиллерией, предназначались для атаки небольшого городка, в котором находился гарнизон в 1100 русских солдат, несколько сот казаков и местных жителей. Штурм начался с трех сторон. Осажденные отвечали метким огнем, стремясь вывести из строя офицеров противника. 6 (17) января погибло 3 шведских полковника и множество офицеров, участвовавших в штурме, был контужен фельдмаршал К. Г. Реншильд. Артиллерия шведов оказалась бессильной. Защитники Веприка поливали валы водой, образовавшийся слой льда отражал удары ядер, которые рикошетом отскакивали от вала и поражали шведских солдат. 7 (18) января 1708 г. комендант крепости В. Ю. Фермор²⁸, не полностью исчерпав возможностей обороны Веприка, сдал его шведам.

Шведы овладели городом, потеряв около 2 тыс. солдат и большое количество офицеров. Шведский военный историк вполне определенно высказался о значении героической обороны Веприка: «Потери при штурме Веприка можно сравнить с потерями в большом сражении. Особенно печально для шведов было, что они потеряли при этом цвет своего офицерства... Все наступление шведов было остановлено. О причинах этого нет никаких свидетельств, но их следует искать в результатах штурма Веприка и в произведенном им впечатлении»²⁹. В отместку оккупанты ограбили и сожгли город. Но ситуация не изменилась. Насиль-

ники везде встречали отпор. Попытка Карла XII продвинуться в Слободскую Украину потерпела провал. Русские отряды и украинское население защищали каждый населенный пункт. В феврале 1709 г. в бою в районе Красного Кута шведская армия потерпела поражение. Украинский народ вместе с русскими войсками стойко защищал свою землю как от вторгшихся захватчиков, так и от предателей-мазепинцев, пытавшихся сделать ее разменной монетой в своих корыстных интересах. Ни угрозы, ни зверства не остановили освободительной войны населения.

Переход Мазепы и его приверженцев на сторону шведского короля явился фактом саморазоблачения политики двурушничества и эгоистических устремлений как самого Мазепы, так и его пособников — высшей казацкой верхушки. Под прикрытием борьбы за «самостийность» украинских земель мазепинцы пошли на прямое предательство интересов украинского народа. Стремясь закрепить свои привилегии и право эксплуатировать трудовое население Украины, мазепинцы искали себе покровителей, которые могли бы в обмен на украинские земли поддерживать их классово-эксплуататорские устремления. В украинской буржуазно-националистической литературе деятельность Мазепы освещалась в апологетическом свете. В этом отношении особенно усердствовали историки типа М. Грушевского, которые оправдывали «деятельность» Мазепы и его приверженцев³⁰. В том же духе выдержана эмигрантская и зарубежная буржуазная историография. Подогревая националистические идеи, пытаясь одурманить читателей призраком «особого пути» развития украинской нации, зарубежные историки провозглашают Мазепу борцом за «свободу» украинского народа, а его предательство расценивают как «героический акт».

Всенародная борьба русского и украинского населения сорвала предательские намерения Мазепы. Под ее влиянием войска Мазепы таяли с каждым днем. При нем осталась небольшая часть казацкой старшины и горсть казаков — около 700 человек. Карл XII вынужден был даже приставить к Мазепе охрану из 20 шведских солдат. Украинский народ не поддержал Мазепу. Шведские войска и изменники-мазепинцы оказались в кольце всеобщей ненависти и презрения. Попытка Мазепы и Карла XII использовать сепаратистские настроения незначительной части запорожских казаков во главе с К. Гордиенко не изменила хода событий.

* * *

В течение зимы 1708/09 русские войска, избегая генерального сражения, продолжали изматывать силы шведских захватчиков в отдельных столкновениях и боях. Весной 1709 г. противник решил возобновить наступление на Москву через Харьков и Белгород. Шведская армия насчитывала к этому времени до 35 тыс. человек. В целях создания выгодных условий для наступления шведское командование решило овладеть Полтавой. Гарни-

перпендикулярно линии первых шести). Редуты представляли собой четырехугольные земляные укрепления со рвами и брустверами и располагались на расстоянии 300 шагов один от другого. Замысел Петра I состоял в том, чтобы, измотав шведские войска на редутах, нанести им затем сокрушительный удар в решительном полевом сражении.

На рассвете 27 июня (8 июля) русские войска (42 тыс. человек) располагались следующим образом. Пехота (56 батальонов) находилась в укрепленном лагере. В каждом редуте было поставлено по 2 батальона с полковыми пушками, а вся конница (17 драгунских полков) под командованием А. Д. Меншикова располагалась за редутами в две линии. Артиллерия была развернута на переднем фланге укрепленного лагеря. Петр I вызвал к месту предстоящей битвы украинские казацкие полки под командованием гетмана Ивана Скоропадского и разместил их в районе деревни Малые Будищи с задачей преградить шведам путь на Правобережную Украину и в Польшу.

Шведская армия (30 тыс. человек) была построена фронтом к перелеску на расстоянии около 3 км от русских редутов. Боевой порядок ее состоял из двух линий. Первую линию составляла пехота, построенная в 4 колонны по 6 батальонов каждая, а вторую — конница, построенная в 6 колонн, из которых 4 средние состояли из 6 эскадронов, 2 фланговые — из 8 эскадронов.

Ранним утром 27 июня (8 июля) шведы перешли в наступление. Ценой больших потерь им удалось овладеть двумя передними редутами, которые не были еще достроены. Попытки врага взять остальные редуты успеха не имели. Тогда Карл XII решил передвинуть войска влево и обойти редуты. Но шведская армия не могла поместиться между Будищенским лесом и продольными редутами, вследствие чего во время разгоревшегося здесь боя группа шведских войск из 6 батальонов пехоты и 10 эскадронов конницы под командованием генералов Росса и Шлиппенбаха, отрезанная редутами, оторвалась от основной части армии и укрылась в лесу севернее Полтавы.

Петр I организовал отряд из 5 батальонов пехоты и 5 драгунских полков под командованием А. Д. Меншикова, который нанес поражение оторвавшейся группе шведских войск и взял в плен генерала Шлиппенбаха. После этого войска Меншикова натолкнулись в лесу на крупный резервный отряд шведов и разгромили его. Направив к Полтаве часть своих войск для преследования остатков разгромленных сил противника, Меншиков во главе остального отряда прибыл к укрепленному лагерю.

Тем временем главным силам шведской армии с большими потерями удалось прорваться через линию редутов. Правый фланг вражеских войск оказался под ударом со стороны русского лагеря. Командование русской армии воспользовалось этим и приказало открыть по врагу сильный артиллерийский и ружейный огонь, в результате чего противник понес большие потери и был отброшен к Будищенскому лесу.

После этого Петр I принял решение дать сражение на открытой местности. Он вывел войска из лагеря и выстроил их в две линии. В целях наилучшей взаимной выручки каждый пехотный полк был построен в следующий боевой порядок: один батальон — в первой линии, другой — во второй линии. На флангах размещалась конница. В резерв было выделено 9 батальонов, которые оставались в лагере. Артиллерия располагалась по всему фронту впереди боевого порядка. Шведская пехота была построена в одну линию, а кавалерия на флангах — в две линии.

А. Д. МЕНШИКОВ

Построив полки для решительной атаки, Петр I обратился к войскам с речью: «Воины!

Вот пришел час, который решит судьбу отечества. И так не должны Вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство Петру врученное, за отечество... Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказывали...

А о Петре ведайте, что ему жизнь его недорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего!»³¹

Русская армия готовилась к сражению как к великому испытанию. Солдаты знали, что враг силен, знали, что, если он победит, Россия окажется под угрозой рабства, и поэтому были готовы отдать жизнь во имя победы.

В девятом часу утра противник перешел в наступление. Русские войска с близкого расстояния открыли сильный артиллерийский и ружейный огонь, который наносил врагу большой урон. Однако шведы продолжали атаку, настойчиво стремясь прорвать фронт русских войск. Началась рукопашная схватка. Правое крыло шведов стало теснить передовой порядок Новгородского полка. Первая линия русских войск была прорвана почти в самом центре.

В это время Петр I лично повел в бой батальон второй линии Новгородского полка. Стремительным ударом русские войска смяли прорвавшегося противника и закрыли прорыв. Ожесточенный рукопашный бой шел по всему фронту. Русская конница охватывала фланги шведов. Конные полки под командованием Меншикова, сосредоточенные на левом фланге, стали угрожать тылу шведской армии. Противник дрогнул, начал отступать и

вскоре обратился в беспорядочное бегство. К 11 часам знаменитая Полтавская битва окончилась блестящей победой русской армии.

Остатки шведских войск бежали к Днепру в направлении Переволочны. Для преследования была выделена конница под командованием Меншикова и украинские казацкие полки под командованием Семена Палия, которые захватили в плен у Переволочны более 15 тыс. шведских войск во главе с Левенгауптом. Карлу XII с изменником Мазепой удалось бежать в Турцию.

В результате Полтавской битвы шведская армия была полностью разгромлена. Противник потерял 9234 солдата и офицера убитыми, 19 тыс. пленными, в том числе почти весь генералитет шведской армии. В плен попали шведский главнокомандующий фельдмаршал Реншильд, первый министр Швеции граф К. Пипер и другие высокопоставленные лица. Русская армия потеряла 1345 человек убитыми и 3290 человек ранеными.

На Полтавском поле была уничтожена большая часть шведской армии. Могущество Швеции оказалось подорванным. Победа русских войск под Полтавой предопределила победоносный для России исход Северной войны. Швеция не смогла уже оправиться от понесенного поражения.

В битве под Полтавой русская армия показала высокие боевые качества и превосходство своей тактики над тактикой противника. Не придерживаясь шаблонной линейной тактики, Петр I искусно использовал местность и удачно расположил на ней войска. Построенные для боя перед укрепленным лагерем войска имели резерв; вторая линия бового порядка состояла из вторых батальонов полков и была линией поддержки. Таким образом, в условиях линейной тактики удалось создать глубину боевого порядка, что было крупным шагом вперед в развитии линейной тактики.

В Полтавской битве русские войска отказались от общепринятого тогда способа боя за непрерывной линией укреплений и впервые применили систему отдельных редутов, тактически связанных друг с другом. Это позволило им в ходе битвы перейти от обороны к решительному наступлению и завершить его полным разгромом шведской армии.

Новый тактический прием русской армии был перенят армиями Западной Европы. Так, в сражении при Фонтенуа (май 1745 г.) французская армия под командованием маршала Морица Саксонского успешно применила систему редутов против наступавших англо-голландских войск.

В ходе Полтавской битвы русское командование обеспечило четкое взаимодействие всех родов войск. Огонь артиллерии строго сочетался с действиями пехоты и конницы. Всего артиллерия выпустила 1471 снаряд.

Полтавская битва явилась ярким выражением возросшей военной мощи России, превосходства русского военного искусства над шведским.

- ¹ См.: Тарле Е. В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 10. С. 367—369.
- ² Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1892. Вып. 1. С. 167.
- ³ Журнал или Поденная записка... СПб., 1770. Ч. 1. С. 144.
- ⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т. 5. С. 5, 195.
- ⁵ Там же. С. 237—238.
- ⁶ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 39. С. 233.
- ⁷ Цит. по: Павленко Н. И. Петр Первый. М., 1975. С. 131.
- ⁸ Андерссон И. История Швеции: Пер. со швед. М., 1951. С. 242.
- ⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1948. Т. 8, вып. 1. С. 111.
- ¹⁰ Там же. С. 126—127.
- ¹¹ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 169.
- ¹² Древняя и новая Россия, 1876. Т. 2. С. 38.
- ¹³ Гилленкрот А. Современное сказание о походе Карла XII в Россию // Воен. журн., 1844. № 6. С. 19.
- ¹⁴ Там же. С. 20.
- ¹⁵ Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI—XIX вв. Архангельск, 1975. С. 85.
- ¹⁶ См.: Сборник Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 50. С. 64—65.

- ¹⁷ Там же. С. 106—107.
- ¹⁸ Стилле А. Карл XII как стратег и тактик в 1707—1709 гг.: Пер. со швед. СПб., 1912. С. 12.
- ¹⁹ Сборник военно-исторических материалов. Вып. 1. С. 20.
- ²⁰ Труды Русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. 1. С. 149.
- ²¹ Стилле А. Указ. соч. С. 25.
- ²² История Белорусской ССР. Минск, 1961. Т. 1. С. 196.
- ²³ Труды Русского военно-исторического общества. Т. 1. С. 227—231.
- ²⁴ Гилленкрот А. Указ. соч. С. 51.
- ²⁵ Там же. С. 52—53.
- ²⁶ См.: За родную землю. Брянск, 1968. С. 42—44.
- ²⁷ Сердюки — наемные отряды казаков, содержащиеся за счет гетманской казны.
- ²⁸ В. Ю. Фермор — выходец из Шотландии. В ночь с 6 на 7 января под предлогом отсутствия пороха решил сдать крепость при условии сохранения его личных вещей и обоза гарнизона.
- ²⁹ Стилле А. Указ. соч. С. 66—67.
- ³⁰ См.: Шутой В. Е. Измена Мазепы // Ист. зап., 1950. Т. 31. С. 154—156.
- ³¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1952. Т. 9, вып. 1. С. 226—227.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРИБАЛТИКИ И ФИНЛЯНДИИ

Изгнание шведов из Латвии и Эстонии — Военные действия на Карельском перешейке. — Прутский поход 1711. — Военные действия в Померании и Голштинии. — Поражение шведских войск в Финляндии. — Морское сражение при Гангуте.

После Полтавской победы в ходе Северной войны наступил коренной перелом. На всех театрах военных действий Швеция вынуждена была перейти к стратегической обороне. Она уже не могла выставить новую сухопутную армию, способную соперничать с русскими полками. Но на море шведы еще были достаточно сильны. Главной задачей русское командование считало сокрушение морского могущества Швеции. Только это могло заставить шведские правящие круги подписать мир. Карл XII продолжал строить завоевательные планы в отношении России и на все мирные предложения отвечал категорическим отказом. Потребовались еще долгие двенадцать лет кровопролитной войны и новые жертвы со стороны русского и шведского народов, прежде чем правители Швеции признали наконец себя побежденными.

В международном положении России произошли существенные изменения. Август II в июле 1709 г. с 14-тысячным войском снова вступил в Польшу. 26 сентября (7 октября) в Торуне Петр I встретился с Августом II. Переговоры завершились 9 (20) октября подписанием договора, провозгласившего восстановление русско-саксонского оборонительного и наступательного союза. Станислав Лещинский бежал в Померанию вместе со шведским генералом Крассау. Королем Польши был провозглашен Август II.

Поспешила воспользоваться благоприятной военно-политической обстановкой и Дания, чтобы вернуть потерянные в начале Северной войны провинции. 11 (22) октября русский посол в Дании князь В. Л. Долгорукий подписал в Копенгагене союзный договор с Данией¹. В лице Дании Россия приобрела сильного союзника, обладавшего большой сухопутной армией и мощным военно-морским флотом. В 1709 г. датский флот насчитывал 40 линейных кораблей, 10 фрегатов, 3471 пушку. Численность личного состава доходила до 24 тыс. человек. Вступление Дании в войну на стороне России в корне меняло общую стратегическую обстановку. Вскоре были подписаны союзные договоры

с Пруссией и Ганновером. Северный союз был не только полностью восстановлен, но и пополнился новыми членами. Самые тяжелые для России годы борьбы со Швецией один на один закончились.

В середине июля 1709 г. в небольшом украинском местечке Решетилковке состоялся военный совет. Обсуждался план дальнейших действий. Было решено центр тяжести военных усилий России перенести в Прибалтику с целью ее освобождения. Главные силы русской армии численностью 40 тыс. человек под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева направлялись в Лифляндию для осады Риги².

Рига того времени была одной из сильнейших крепостей в Европе. Она располагалась на левом берегу Западной Двины. Ее окружали мощные стены. По внешнему обводу крепости протянулся ров с водой. На противоположном берегу находился отдельный форт — Кобершанц, выполнявший роль предмостного укрепления. Гарнизон насчитывал 13,4 тыс. человек. Командовал им генерал Нильс Штремберг. В крепости находились 563 пушки, 66 мортир и 12 гаубиц. Овладение такой крепостью требовало больших сил и средств. Необходимо было обеспечить переброску туда большого количества артиллерии, боеприпасов, снаряжения, обмундирования, продовольствия и фуража. В верховьях Западной Двины готовились речные суда, на которых перевозилось все необходимое для осады Риги. На них же перебрасывалась часть войск.

Марш русских полков из-под Полтавы в Прибалтику проходил с большими трудностями. Территория Польши, по которой в основном пролегал их путь, была сильно разорена шведами. Снабжение войск продовольствием представляло собой сложную задачу. Начавшиеся дожди, грязь и бездорожье затрудняли движение войск. Сосредоточение армии Шереметева под Ригой затягивалось. К началу октября она находилась у крепости Динабург (Двинск) на правом берегу Западной Двины. 5 (16) октября Шереметев приказал генерал-поручику Р. Х. Боуру с четырьмя драгунскими полками и донскими казаками атамана Митрофана Лобанова переправиться через Западную Двину и двигаться по ее правому берегу к Риге. Главные силы продолжали движение по левому берегу. Несколько ранее с целью разведки в Курляндию был послан генерал-майор А. Г. Волконский с тремя драгунскими полками.

15 (26) октября русские войска вступили на территорию Курляндии и Лифляндии, а к 27 октября (7 ноября) переброска главных сил русской армии с Украины в Прибалтику завершилась. Рига была окружена со всех сторон. Началась ее осада.

По решению рижского генерал-губернатора предмостное укрепление было оставлено шведами. Покинутый противником Кобершанц был немедленно занят русской пехотой, и на нем установлены артиллерийские орудия. Это давало русским возможность держать под огнем Ригу и двинский фарватер. На пра-

вом берегу, у Юнгфернгофа, примерно в 7 км выше Риги, был наведен мост и построено предмостное укрепление. Чтобы воспрепятствовать сообщению осажденной Риги с Ревелем, в Новом Млыне были расположены два драгунских полка и 300 казаков. Одновременно русские развернули энергичные работы по возведению укреплений и батарей на обоих берегах Западной Двины между крепостью Динамюнде (Усть-Двинск) и Ригой.

10 (21) ноября под Ригу прибыл Петр I. После рекогносцировки, 14 (25) ноября, началась бомбардировка крепости. Она продолжалась непрерывно. Наступала зима. Внимательно оценив обстановку, Петр I принял решение ограничиться тесной блокадой Риги и «сего города формальною атакою не добывать»³. Выполнение этой задачи возлагалось на сводный отряд численностью 6 тыс. человек. Командование этим отрядом было вручено генералу А. И. Репнину. Остальные войска отводились на зимние квартиры в Лифляндии, Курляндии и Литве. 15 (26) ноября Петр I уехал в Петербург. В декабре отбыл в Москву Б. П. Шереметев.

Русские войска продолжали укрепляться на обоих берегах Западной Двины. Между Ригой и Динамюнде возводились батареи, которые должны были в случае необходимости пресечь попытки шведского командования оказать помощь рижскому гарнизону морским путем. Бомбардировка Риги продолжалась. Многие здания в городе оказались разрушенными. 12 (23) декабря загорелась башня рижской цитадели, в которой находились лаборатория для снаряжения бомб и пороховой погреб. Произошел взрыв. Осажденные лишились значительного количества пороха и боеприпасов. При взрыве погибло свыше 1 тыс. человек.

С наступлением весны русское командование предприняло ряд мероприятий по усилению блокады Риги. 11 (22) марта 1710 г. к армии вернулся фельдмаршал Б. П. Шереметев. Было завершено строительство батарей на обоих берегах Западной Двины между Ригой и Динамюнде. На их вооружении находились 32 пушки 18, 12 и 8-фунтового калибра. Для охраны батарей и пресечения сообщений Риги с Динамюнде был выделен специальный отряд из 700 grenадер и солдат, а также 300 донских казаков, снабженных лодками.

Боевые действия активизировались. Б. П. Шереметев принял решение «крепчайше блокировать» Ригу и полностью перекрыть ее сообщения с Динамюнде. Для этого предполагалось построить у урочища Гофемберг в двух километрах ниже по течению Западной Двины еще одно укрепление. Оно было названо Александршанц в честь А. Д. Меншикова. Придавая большое значение полной изоляции Риги от внешнего мира и особенно пресечению попыток шведского командования оказать помощь осажденной Риге с моря, Петр I специально прислал сюда А. Д. Меншикова, который имел указ «от прихода неприятельских кораблей к Риге большую обсервацию иметь, и что принадлежит к пресечению неприятельской коммуникации устроить»⁴. Петр

приказал Меншикову «для препятия с моря неприятельских судов» перегородить Западную Двину «бревнами с цепями и сделать несколько прамов и на них поставить пушки»⁵. Царь подчеркивал, что блокада со стороны моря «первое во отаке рижской, без чего она благо совершится не может»⁶. Выполняя приказ, А. Д. Меншиков совместно с Б. П. Шереметевым принял решение помимо укрепления, начатого у Гофемберга, построить свайный мост через Западную Двину, а перед ним протянуть связанные цепями бревна. По концам моста предполагалось установить 24, 18 и 12-фунтовые пушки⁷. Эти меры русского командования оказались своевременными. Уже 28 апреля (9 мая) девять шведских каперов попытались прорваться со стороны Динамюнде к осажденной Риге, но были отбиты интенсивным огнем русских батарей.

К 29 апреля (10 мая) все дивизии армии Шереметева, покинув зимние квартиры, сосредоточились непосредственно у Риги. Войска расположились следующим образом. По обоим сторонам реки в районе Александршанца и нового моста заняли позиции дивизия Меншикова, дивизия Репнина расположилась в нескольких километрах выше Риги по течению Западной Двины, а дивизия генерала Л.-Н. Аларта — непосредственно напротив рижского форштадта (предместья). На левом берегу Западной Двины, несколько ниже Кобершанца, была возведена линия редутов, оборона которых возлагалась на дивизии Репнина и Аларта. Такое расположение войск обуславливалось тем, что русское командование не исключало возможности высадки шведского десанта с подкреплениями у Динамюнде или у Пернова (Пернау). Петр I, находившийся в это время в Петербурге и зорко следивший за ходом борьбы у Риги, неоднократно указывал на эту опасность. Не довольствуясь ранее данными распоряжениями по этому поводу, 6 (17) июня он вновь напоминает Шереметеву о том, чтобы тот сосредоточил основное свое внимание «на перенятие водяного пути и на шанцы, которые для того сделаны». Петр подчеркивал, что высадка 4—5-тысячного шведского десанта у Динамюнде вполне возможна и может свести на нет все усилия и жертвы русских войск⁸. 16 (27) июня царь опять напоминает Шереметеву: «Все свое смотрение имейте на отбитие сикурса водою и сухим путем, понеже все в том состоит»⁹.

27 мая (7 июня) русское командование получило из Швеции сведения о том, что «генерал Штейнбок учинен генерал-фельтмаршалом и велено ему из Скании под командою его из бывшего корпуса дватцать тысяч человек транспортом перевести на сикурс к Риге». Для проведения этой операции был мобилизован не только весь шведский военный и торговый флот, но и наняты иностранные суда. Кроме того, сообщалось, что к этой армии будет присоединено еще 6 тыс. человек из корпуса генерала Крассау¹⁰. В связи с этим 29 июня (10 июля) Петр I в очередной раз обращал внимание Шереметева на необходимость укреп-

пить перновское направление, чтобы «сикурса не пропустить к Риге»¹¹.

Выполняя указания царя, генералы, руководившие осадой Риги, провели рекогносцировку с целью выбора позиции, на которой можно было бы отразить возможную высадку подкреплений на помощь Риге. На военном совете было принято решение: в том случае, если противник высадится у Динамюнде, встретить его всеми наличными силами в поле, оставив у Риги в укреплениях самое минимальное количество войск. Если же шведы высадятся у Пернова, как это уже имело место в 1700 г., когда здесь появился с армией сам Карл XII, и двинутся к Риге, встретить их у Нового Млына. Вперед планировалось выдвинуть конницу генерала К.-Э. Ренне¹².

Закончив сосредоточение войск, русское командование ожидало прибытия осадной артиллерии, чтобы приступить к правильной осаде крепости и последующему штурму. Наконец, 10 (21) мая к Риге прибыла осадная артиллерия во главе с генерал-поручиком Я. В. Брюсом. Тотчас же началось массовое снаряжение бомб для мортир.

Подготовка к бомбардировке и штурму крепости была в полном разгаре, уже готовили лестницы для преодоления крепостных валов и стен, когда непредвиденные обстоятельства заставили отказаться от этих планов. С 14 (25) мая в русских войсках вспыхнула «моровая язва» — эпидемия чумы, занесенная, по-видимому, через Курляндию из Пруссии. В результате русский осадный корпус с мая по декабрь потерял 9800 человек¹³. Большой урон эта страшная болезнь нанесла и осажденным. По некоторым данным, в Риге от голода и эпидемии погибло до 60 тыс. человек¹⁴.

Внезапно вспыхнувшая эпидемия чумы вынудила русское командование отложить штурм, но в то же время было принято решение усилить блокаду, чтобы вынудить город к сдаче, не доводя дело до штурма¹⁵. Для этого русское командование поставило перед войсками задачу овладеть предместьем Риги и установить в непосредственной близости к городу мортирные батареи. Выполнение ее было возложено на бригадира Штафа и полковника (за бригадира) П. П. Ласси с отрядом численностью в 2400 человек. В ночь на 30 мая (10 июня) Штаф, атаковавший правый фланг шведских укреплений, ворвался в предместье. Шведы, бросая пушки, отошли в город. 31 мая (11 июня) Ласси закрепил успех Штафа, войдя в предместье с левого фланга¹⁶. Положение осажденных еще более ухудшилось. Русские войска развернули интенсивные инженерные работы и постепенно приближались к крепостным веркам (укреплениям). В занятом ими предместье были установлены три мортирные батареи (14 орудий).

С наступлением навигации шведский флот попытался оказать помощь осажденному городу. У Динамюнде сосредоточилась эскадра в количестве 24 вымпелов. Ее появление вызвало «необычную радость» среди осажденных¹⁷. Однако высадить десант

противник не смог. Все его атаки отбивались огнем русских батарей с обоих берегов Западной Двины. 9 (20) июня трем шведским судам удалось прорваться к Риге, но снова русские артиллеристы заставили их отойти к Динамюнде. В конце концов вся шведская эскадра ушла в море и более не появлялась у устья Западной Двины. Таким образом, укрепления, построенные по приказу Петра I между Ригой и Динамюнде, успешно выполнили свою роль. Шведскому командованию не удалось доставить подкрепления осажденному городу.

После тщательной подготовки к бомбардировке и штурму крепости Б. П. Шереметев, не желая напрасного кровопролития, предложил гарнизону Риги сдаться, однако генерал-губернатор крепости граф Н. Штремберг не согласился на предложенные условия. Он все еще надеялся на помощь извне. Тогда Шереметев приказал начать обстрел города. В течение 10 дней, с 14 (25) по 24 июня (5 июля), по городу было выпущено 3389 бомб, которые причинили большие разрушения¹⁸.

Штремберг попросил заключить перемирие на 10 дней. Русский командующий дал ему только двое суток. К переговорам шведского губернатора побуждала не только бомбардировка, но и действия рижского магистрата, духовенства и лифляндского рыцарства, находившегося в городе. Видя неизбежность падения Риги, представители городской верхушки и дворянства начали оказывать нажим на Штремберга с тем, чтобы побудить его вступить в переговоры с русским командованием. Несколько позже рижский магистрат и представители лифляндского рыцарства завязали прямые сношения с Б. П. Шереметевым. Рижские бюргеры и лифляндские дворяне были согласны капитулировать и даже принять русское подданство, лишь бы сохранить или даже расширить свои прежние права и привилегии¹⁹. 4 (15) июля, после нескольких дней переговоров, русскими и шведскими представителями были подписаны условия сдачи Риги, согласно которым шведский гарнизон мог покинуть город. Победителям достались 561 пушка, 66 мортир, 7 гаубиц. В плен сдались остатки гарнизона — 5132 человека, из них 2905 были больны²⁰. Сообщая в Москву о взятии Риги, Б. П. Шереметев писал: «С божьей милостью мне удалось с главным лифляндским городом Ригой, который до сего времени никогда и никакими средствами не был взят и во всей Европе непроступной девственницей считался, обречься и привести его, как невесту, к честному соглашению»²¹.

4 (15) июля в присутствии Б. П. Шереметева и всего русского генералитета через Песочные ворота города в Ригу во главе с генералом А. И. Репниным вступили Ингерманландский, Киевский, Астраханский, Сибирский, Казанский и Бутырский пехотные полки. На валу рижской цитадели было водружено русское корабельное знамя²². Было решено задержать часть рижского гарнизона в качестве военнопленных для того, чтобы побудить шведское правительство вернуть русских солдат и офицеров, за-

хваченных в 1700 г. под Нарвой. 12 (23) июля в город торжественно въехал генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев, который принял присягу от купечества, духовенства и ливляндского рыцарства.

Русское правительство придавало большое значение взятию Риги. Петр I писал по поводу этого события Шереметеву, что «она малым лучше Полтавы», т. е. по своему значению оно равно Полтаве²³.

С падением Риги участь Динамюнде была предрешена. 6 (17) июля на военном совете у Б. П. Шереметева было решено предпринять операцию с целью овладения им. Из перехваченного письма коменданта крепости К. А. Штакельберга к рижскому генерал-губернатору стало известно, что почти весь динамюндский гарнизон, насчитывавший до 1200 человек, вымер в результате эпидемии чумы. Та же участь постигла и доставленных сюда морем 700 человек подкрепления. Из них к этому времени половина умерла²⁴. К Динамюнде был направлен генерал-майор Бук с 2-тысячным отрядом пехоты и небольшим количеством конницы. Он имел приказ блокировать крепость, установить мортирные батареи, а после этого послать коменданту письмо с предложением о сдаче. Туда же направлялись 2 мортиры и 3 пушки²⁵. Несмотря на тяжелое положение, гарнизон крепости встретил русские войска, подошедшие утром 9 (20) июля, пушечной стрельбой²⁶. В ночь с 9 (20) на 10 (21) июля у Динамюнде были установлены мортирные батареи, с которых русские предприняли бомбардировку крепости. В устье реки Западной Двины было построено укрепление, имевшее цель отрезать Динамюнде от моря. Кроме того, русские войска расположились и на острове, на котором, собственно, лежала сама динамюндская крепость. Таким образом, она оказалась блокированной со всех сторон. Попытки неприятельских кораблей приблизиться к крепости успешно отражались огнем русской артиллерии, установленной в устье Западной Двины. К началу августа положение гарнизона стало совершенно безнадежным. Штакельберг пошел на переговоры с Буком, которые велись несколько дней. 8 (19) августа Динамюнде был сдан. В крепости было захвачено 198 пушек, 14 мортир и 13 гаубиц.

После взятия Риги и Динамюнде была предпринята операция по овладению Перновом. 13 (24) июля Петр I приказал Шереметеву отправить всю конницу под командованием генерала Боура, за исключением двух полков, для блокады Пернова. Сюда же направлялось несколько 12-фунтовых орудий, чтобы «от моря ход конечно занять и кругом блаковать»²⁷. Блокада Пернова началась 22 июля (2 августа), а уже 14 (25) августа генерал-поручик Боур принял его капитуляцию. После того как шведский гарнизон покинул город, в крепости было найдено 183 пушки, 14 мортир, 4 гаубицы и много другого военного имущества²⁸. Вслед за тем русские войска овладели островом Эзель. Расположенная на острове крепость Аренсбург была занята «без всякого

сопротивления от неприятеля». В качестве трофеев русским войскам досталось 66 пушек и 4 мортиры²⁹.

Теперь наступила очередь Ревеля. Оставив в Пернове гарнизон, генерал Боур двинулся к этому последнему оплоту Швеции на южном побережье Финского залива. Ревель занимал важное стратегическое положение, так как имел непосредственное морское сообщение со Швецией. Это была сильная крепость с гарнизоном около 4500 человек. Овладение им лишало шведов последней возможности перебрасывать свои войска морем из метрополии в Прибалтику.

Русское командование предприняло ряд мер для нарушения коммуникаций Ревеля с остальной Эстляндией. В декабре 1709 г. нарвский комендант полковник В. Н. Зотов, выполняя указ Петра I, вступил с тремя драгунскими полками в Эстляндию. Сначала полки Зотова дислоцировались у Феллина, затем по приказанию генерала Боура, которому он был подчинен, перешли к Обер-Палену, а в апреле передислоцировались в непосредственную близость от Ревеля. Вступление русских войск побудило многих жителей Эстляндии укрыться в Ревеле, несмотря на универсалы русского командования, призывавшие к спокойствию и обещавшие, что разорения им никакого не будет, если русским войскам будет поставляться продовольствие.

Подойдя в августе к Ревелю, отряд Зотова расположился лагерем у так называемого Верхнего озера, служившего главным источником снабжения города пресной водой. По приказу Зотова канал, подававший воду из озера в Ревель, был немедленно перекрыт. Город лишился не только пресной воды, но и мельниц, расположенных на канале, на которых мололось зерно. Очень скоро гарнизон Ревеля и его жители почувствовали тяжесть блокады. Скопление большого числа людей в городе способствовало появлению болезней. 11 (22) августа в городе был зарегистрирован первый случай чумы, свирепствовавший затем в Ревеле до самого конца блокады. 15 (26) августа по личному приказу Петра под Ревель прибыли шесть пехотных полков и один пехотный батальон под командованием бригадира Иваницкого. Они заняли высоту на берегу моря с тем, чтобы иметь возможность вести огонь по шведским судам, направляющимся к городу. 18 (29) августа к Ревелю подошла конница генерала А. Г. Волконского.

С прибытием генерала Боура блокада города стала еще более тесной, однако до бомбардировки и штурма дело не дошло. С целью заручиться поддержкой местного населения в осажденную крепость был послан универсал за подписью Петра I, в котором русское правительство обещало «сохранить в полной неприкосновенности... евангелическую религию, распространенную сейчас во всей стране и городах, все ее старые привилегии, свободы и права»³⁰. Известие о падении Риги и Пернова, а также непрекращающаяся эпидемия чумы сильно подорвали моральный дух гарнизона и жителей. Полагая, что победа России в войне

неизбежна, немецкое дворянство и купечество, так же как и в Риге, решило найти общий язык с русским командованием. Они побудили шведского коменданта вступить в переговоры о капитуляции. 29 сентября (10 октября) 1710 г. Ревель сдался, а его гарнизон получил право эвакуироваться в Швецию. На этом закончилась кампания 1710 г. в Прибалтике. Ее главным итогом явилось изгнание шведских захватчиков из Лифляндии (Латвии) и Эстляндии (Эстонии).

* * *

В районе Петербурга и Кроншлота русская армия и флот готовились к операции против расположенной на Карельском перешейке шведской приморской крепости Выборг. То внимание, которое уделяло русское командование овладению Выборгом, было не случайным. Оно определялось важным стратегическим положением крепости. Опираясь на нее, шведская армия и флот постоянно угрожали безопасности Петербурга и Кроншлота. Взятие Выборга открывало путь в Финляндию и собственно Швецию. Балтийский флот приобретал удобную базу.

Необходимость осуществления похода на Выборг вытекала также и из международных обязательств России. Согласно союзническому договору с Данией, заключенному 11(22) октября 1709 г., Россия дала согласие, помимо тех операций, которые уже велись в Прибалтике, предпринять наступление в Финляндии и взять «крепкий город». Этим городом и стал Выборг.

4(15) февраля в письме русскому послу князю В. Л. Долгорукому Петр I предписывал сообщить датчанам: «Блокада Выборгу еще по сей зиме и вступление в Финлянт учинено будет, а формальная атака, богу изволишу, при стаянии снега начнется, то есть в последних днях апреля»³¹. Россия выполнила свои союзнические обязательства: операции против Выборга начались с середины марта 1710 г.

Расположенный на Карельском перешейке в глубине залива Выборг был малодоступен для войск противника. Почти со всех сторон он был окружен водами Выборгского залива и озера Суомен-веден-селка. На небольшом островке располагался Выборгский замок с каменной башней «Лангерман» высотой 50 метров. Сама крепость состояла из двух частей: Каменного города и Нового города. Каменный город представлял собой старинную крепость, окруженную башнями и стенами, построенными еще в средневековье. Новый, или Земляной, город возводился при Густаве-Адольфе. Для атаки с суши была доступна только восточная, обращенная к Петербургу часть Нового города. Ее укрепления представляли собой сплошной бастионный фронт с равелином³². Со стороны моря и с северо-запада Выборг был укреплен слабее. Оборонительные сооружения Выборгской крепости отвечали самым строгим требованиям долговременной фортификации своего времени. Это была одна из сильнейших шведских крепостей. Гарнизон ее насчитывал до 4 тыс. человек при 141 пушке,

8 мортирах и 2 гаубицах. Комендантом крепости являлся полковник Магнус Стиернстрале. С моря Выборгскую крепость поддерживал шведский военно-морской флот. Овладение такой крепостью было чрезвычайно сложной задачей. Это хорошо понимал Петр I и его ближайшие помощники. Именно поэтому походу на Выборг предшествовала тщательная и всесторонняя подготовка.

В начале декабря 1709 г. Петр I послал Ф. М. Апраксину собственноручно составленный план похода. Предусматривалось осуществить в марте 1710 г. переход русских войск по льду Финского залива к Выборгской крепости, с тем чтобы внезапно осадить ее. На Балтийский флот возлагалась задача с наступлением навигации доставить осадному корпусу подкрепления, артиллерию и продовольствие.

В Петербурге началось формирование осадного корпуса, сосредоточивалась артиллерия, накапливались продовольственные запасы. Прибыв из Москвы в Петербург в конце февраля, Петр I застал подготовку к походу в полном разгаре. Он с удовлетворением писал А. Д. Меншикову: «И ни в чем остановки нет»³³. Был составлен отдельный план похода русского Балтийского флота к Выборгу. Основная его идея заключалась в том, чтобы по вскрытии льда со всем флотом идти от Кроншлота до Березовых островов (Беркен-Ейлант). Важно было опередить шведский флот, который обычно крейсировал вблизи Бьёрского архипелага³⁴. Таким образом, Выборгский поход замыслился как комбинированная операция сил армии и флота.

К середине марта осадный корпус был сосредоточен на острове Котлин. Он насчитывал 13 тыс. человек, 24 пушки и 4 мортиры. Во главе корпуса был поставлен генерал-адмирал Ф. М. Апраксин.

15 (26) марта Петр I лично произвел смотр корпуса, а на следующий день русские войска выступили в поход. По словам Юста Юля, датского посланника при русском дворе, осадный корпус выступил «в самый ужасный мороз, какие бывают только в русские зимы... Всякая другая европейская армия, наверное, погибла бы при подобном переходе. Но где предводителем является само счастье, там все удается. И то сказать, русские так выносливы, что с ними можно совершить то, что для солдат всех прочих наций казалось бы невыполнимым»³⁵.

Пройдя по льду Финского залива свыше 150 верст, русские полки утром 21 марта (1 апреля) внезапно появились под Выборгом. Апраксин решил нанести удар с северо-запада, где его меньше всего ожидали шведы. Первым к Выборгу подошел авангард под командованием бригадира Г. П. Чернышева. 22 марта (2 апреля) здесь сосредоточились остальные части под командованием генерал-майоров Р. В. Брюса и В. Беркгольца. Используя фактор внезапности, русский авангард с ходу атаковал предместье Хиетала (Сихогниemi). Находившиеся там два шведских полка не выдержали натиска и отступили в крепость. В ходе этого боя были захвачены три зимовавших здесь судна.

Захват предместья Хиетала позволил войскам осадного корпуса приблизиться вплотную к городу со стороны пролива и островного замка. В ходе рекогносцировки, проведенной Ф. М. Апраксиным, были определены места для расположения войск и производства инженерных работ. В 12 верстах от Выборга, в самом узком месте пролива Тронгзунд, предполагалось соорудить два шанца, разместить батальон солдат, а затем соорудить береговые батареи, которые должны были воспрепятствовать подходу шведского флота на помощь осажденной крепости. Русские войска расположились на всем протяжении западного берега пролива напротив крепостных стен и приступили к осадным работам. Сильные морозы и каменистый грунт создавали немалые трудности при сооружении траншей и апрошей. Для возведения брустверов приходилось использовать даже мешки с шерстью. На этом участке осады командование было возложено на генерала Брюса. С восточной стороны Выборг должны были осаждать войска под командованием генерала Беркгольца. Таким образом, сообщение Выборга с Финляндией было прервано и его гарнизон оказался отрезанным от группировки генерала Либекера, зимовавшей в Финляндии. Первый этап операции — зимний переход осадного корпуса по льду Финского залива и обложение Выборгской крепости — закончился успешно.

Осадные работы со стороны пролива велись в высоком темпе, несмотря на усиленное противодействие противника, особенно обстрел с «Лангермана». К концу марта строительство шанцев было завершено и начато возведение батарей, а 30 марта (10 апреля) первые русские бомбы полетели в крепость. Главным направлением будущей атаки была избрана западная городская стена³⁶.

Положение осадного корпуса было достаточно сложным. Недостаток артиллерии крупного калибра оказывал отрицательное влияние на ход осады. 5 (16) апреля Апраксин докладывал Петру I: «Шанцами к неприятельским крепостям приближались ближе фузейной стрельбы и трудим бомбами, сколько можем, а пушки наши нам мало помогают, понеже зело мало и легки; когда мы начнем стрелять, то неприятель противу одной из десяти стреляет»³⁷. Еще сложнее обстояло дело со снабжением осадного корпуса продовольствием и фуражом. На местные ресурсы рассчитывать не приходилось. Запасы, взятые войсками с собой, были уже на исходе.

Балтийский флот уже завершал подготовку к походу на Выборг. На суда грузилась осадная артиллерия, боеприпасы, провиант, фураж и людские пополнения. Всего в походе должно было участвовать до 250 судов различных классов³⁸. В Петербурге лишь ожидали ледохода на Неве, который начался 13 (24) апреля.

25 апреля (6 мая) Балтийский флот под флагом вице-адмирала К. Крюйса и при двух контр-адмиралах — «дворянине Петре Михайлове» (Петр I) и И. Ф. Боцисе — вышел из Петербурга и

взял курс на Кроншлот. Из-за тяжелой ледовой обстановки путь занял четыре дня. По прибытии туда для разведки к Березовым островам «сухим путем» были посланы два офицера, а к вечеру того же дня шнявы «Дегас» и «Феникс». Не дожидаясь возвращения разведчиков, царь приказал утром 30 апреля (11 мая) выйти в море всему флоту. Отойдя от Кроншлота около 20 верст, флот встретил разведывательные корабли «Дегас» и «Феникс». Командиры их доложили, что «к Березовым островам за великим льдом пройти невозможно»³⁹. Получив эти сведения, Петр I на шняве «Лизет» в сопровождении «Дегаса» и «Феникса» в течение суток лично производил ледовую разведку. Выяснилось, что между Березовыми островами и материком лед еще не вскрылся. Во второй половине дня 1 (12) мая Петр I с большим трудом достиг урочища Куромы близ северного берега Финского залива в 6 милях от Березовых островов. Сюда же подошел с галерами и провиантскими судами шаутбенахт (контр-адмирал) И. Ф. Боцис, которому было приказано стоять здесь на якоре, пока не пройдет лед⁴⁰.

Корабельный флот достиг к этому времени Красной Горки и встал здесь на якорь, ожидая улучшения ледовой обстановки. Вскоре фарватер очистился ото льда, и флот смог подойти к урочищу Курома. В ночь на 6 (17) мая началась подвижка льда. Галеры и провиантские суда «разделило от кораблей льдом» и начало относить в море. На этих судах находилось свыше 5 тыс. человек пополнения, в том числе два батальона Преображенского и Семеновского полков, а также все продовольствие. Нужно было принимать экстренные меры для спасения уносимых льдом и ветром судов. На совещании, созванном на вице-адмиральском корабле «Олифант», по предложению Петра I было решено «кораблями лед разбить, а разбив, чтоб стать на якорь; а галерам и провиантским судам первому за корабль, а другим друг за друга цепляться». Эта задача была успешно выполнена самыми крупными судами Балтийского флота — фрегатом «Думкрахтом» и бомбардирским галиотом «Ивангород», которые действовали как ледоколы, разбивая лед своими корпусами. Потери составили всего несколько провиантских судов, которые были раздавлены льдом, а остальные суда «все дошли в целости до Березовых островов»⁴¹.

8 (19) мая часть провиантских судов и галер под командой Петра I двинулась к Выборгу. Вечером того же дня они подошли к укреплениям, сооруженным по приказу Апраксина в 12 верстах от Выборга в самом узком месте пролива Тронгзунд. По приказанию Петра I здесь было установлено несколько корабельных орудий. На следующий день подошли остальные провиантские суда с гвардией и продовольствием. Вице-адмирал К. Крюйс с корабельным флотом остался на якоре у Березовых островов.

Прибытие флота к Выборгу было весьма своевременным. 7 (18) мая Апраксин сообщал Петру I: «Провианту, государь, у нас остаетца почитай за нет, от девятого числа разве с нуждою будет

дня на четыре»⁴². Численность осадного корпуса возросла до 18 тыс. человек. С транспортных судов было выгружено 80 пушек, 28 мортир и 190 ручных мортирок⁴³, продовольствие и амуниция. Теперь имелись достаточные силы и средства для овладения Выборгской крепостью.

Пока шла высадка войск и выгрузка различного военного имущества, Петр I произвел тщательную рекогносцировку крепости со стороны суши. В ходе обсуждения с генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным обстановки была составлена подробная инструкция «о добывании Выборга», предусматривавшая нанесение главного удара с западной стороны, вспомогательного — с восточной. На галерный флот И. Ф. Боциса возлагалась задача совместно с осадным корпусом принять участие в штурме крепости. 14 (25) мая Петр I с транспортным и корабельным флотом отбыл в Кроншлот, куда благополучно прибыл 16 (27) мая.

Итак, Балтийский флот успешно осуществил доставку осадному корпусу Ф. М. Апраксина всего необходимого. Личный состав продемонстрировал высокий уровень морской выучки, умение действовать в тяжелой обстановке. Шведское командование не смогло использовать превосходство своего флота, чтобы не допустить прорыва русского флота в Выборгский залив. Шведские военные корабли в количестве 19 вымпелов появились в районе Березовых островов только 18 (29) мая, когда русский флот уже выполнил свою задачу. Но и теперь они не смогли оказать существенной помощи осажденному гарнизону. Осадка шведских кораблей не позволяла им пройти к Выборгу шхерами, а фарватер через Тронгзундский пролив оказался для них закрыт, так как в самом узком его месте по приказу Петра I было затоплено несколько транспортных судов. Не имея возможности атаковать укрепленную позицию русских у Тронгзунда, шведский адмирал Г. Ватранг вынужден был ограничиться крейсированием в Финском заливе между Тронгзундом и островом Котлин.

Ф. М. Апраксин энергично готовился к штурму Выборга. Для осадной артиллерии сооружались батареи. На главном направлении атаки было сосредоточено более половины всех войск, 72 пушки, 18 мортир и 140 малых мортирок. К концу мая все было готово к бомбардировке и последующему штурму. В крепость послали парламентаря с предложением гарнизону сдаться, «не дожидаясь жестокова штурма и кровопролития». Однако шведы ответили категорическим отказом. Тогда 1 (12) июня в 6 часов вечера с обоих направлений, главного и вспомогательного, начался интенсивный обстрел крепости, длившийся до 6 (17) июня. В городе начались пожары. Много зданий было разрушено, на главном направлении, со стороны пролива, в крепостной стене пробита брешь. И хотя шведы пытались заделать ее, но огонь русских мортир не позволял этого сделать.

6 (17) июня на «генеральном консилиуме» (военном совете) у Ф. М. Апраксина было решено «оную крепость доставать штур-

мом». По требованию Петра I штурм был отложен до его прибытия. Вечером 9 (20) июня комендант Выборга прислал к русскому главнокомандующему двух штаб-офицеров с предложением начать переговоры об условиях сдачи крепости. 12 (23) июня соглашение было подписано. 13 (24) июня Выборг капитулировал, а утром следующего дня в город вошел гвардейский Преображенский полк во главе с Петром I. Победителям досталась богатая военная добыча. В числе трофеев оказалось 8 мортир, 2 гаубицы и 141 пушка, а также много военного имущества. Выборгский гарнизон (всего 3380 человек) по решению Петра I был временно задержан в качестве военнопленных.

После взятия Выборга часть сил под командованием генерала Р. В. Брюса была переброшена под Кексгольм (Корелу). Овладение этой крепостью на противоположной стороне Карельского перешейка должно было закрепить победу под Выборгом. После более чем двухмесячной осады 8 (19) сентября 1710 г. гарнизон Кексгольма капитулировал.

По обычаям того времени взятие Выборга было широко отпраздновано. Участники обоих ледовых походов и осады крепости были щедро награждены. Генерал-адмирал Ф. М. Апраксин получил орден Андрея Первозванного, генерал-майоры Беркгольц и Р. Брюс — нагрудные царские портреты, усыпанные драгоценностями, офицеры и солдаты — денежные награды. В честь взятия Выборга была выбита памятная медаль с изображением плана осады.

Петр I придавал взятию Выборга исключительно большое значение. Во многих своих письмах царь подчеркивал: «И тако чрез взятие сего города Санкт-Петербурху конечное безопасение получено»⁴⁴. А в письме к Екатерине Алексеевне, определяя стратегическое значение одержанной победы, он указывал, что «уже крепкая падушка Санкт-Петербурху устроена»⁴⁵. Действительно, взятие Выборга имело важное стратегическое значение. Наряду с овладением Кексгольмом оно обеспечивало безопасность новой русской столицы. Шведы лишались важной военно-морской базы, откуда их флот мог угрожать Кроншлоту и Петербургу. Создавались условия для ведения наступательных операций в Финляндии.

* * *

Проведение наступательных операций по изгнанию шведов из Прибалтики и Финляндии требовало от русского командования надежной защиты южных границ государства. По словам А. З. Мышлаевского, необходимо было «получить ту свободу в оперативных расчетах, которая возможна лишь при уверенности, что крупная, все ниспровергающая случайность не ворвется неожиданным диссонансом в тщательно обдуманый план»⁴⁶. Такой «случайностью» могло быть нарушение Турцией условий Константинопольского договора 1700 г. и вступление ее в войну на стороне Швеции. Поэтому поддержание мирных отношений с

Османской империей имело важное значение для успеха борьбы против Швеции. Еще до Полтавской битвы по желанию турецкого султана Ахмеда III 26 июня (7 июля) в Турцию была отправлена грамота за подписью Петра о подтверждении Россией мирного договора 1700 г. Кроме того, Петр I распорядился отдать на слом 10 кораблей из Азовской и Воронежской флотилий, что было встречено с большим удовлетворением в Турции⁴⁷. Русско-турецкие отношения в течение девяти лет после подписания мирного договора в Константинополе оставались более или менее нормальными, хотя их и нельзя назвать вполне добрососедскими. Условия мира о ненападении на русские земли не выполнялись ни Турцией, ни Крымским ханством.

Карл XII пытался втянуть Турцию в войну против России в 1708—1709 гг. Но это не принесло ему успеха. После Полтавы положение изменилось. Опасаясь усиления могущества России, отдельные представители турецких правящих кругов начали вести себя по отношению к ней все более и более воинственно. В августе 1709 г. русский посол при дворе султана П. А. Толстой доносил канцлеру Г. И. Головкину: «Не изволь удивляться, что я прежде, когда король шведский был в великой силе, доносил о миролюбии Порты, а теперь, когда шведы разбиты, сомневаюсь... Турки видят, что царское величество теперь победитель сильного народа шведского и желает устроить все по своему желанию в Польше, а потом, не имея уже никакого препятствия, может начать войну и с ними, турками»⁴⁸.

Карл XII, бежавший после разгрома под Полтавой в Турцию, во многом способствовал обострению русско-турецких отношений. По прибытии в Бендеры с остатками своей армии он тотчас направил к султану посланца с письмом, в котором предлагал Порте заключить с ним союз. Карл XII пугал турок усилением России и доказывал, что Петр теперь непременно нападет на Турцию. Однако турки заняли уклончивую позицию. В Константинополе в это время верх одержала партия сторонников мирных отношений с Россией. Усилия русской дипломатии также не пропали даром. 3 (14) января 1710 г. Турция подтвердила свою верность мирному трактату, заключенному с Россией 3 (14) июля 1700 г. на 30 лет, и даже заявила, что отпускает Карла XII в сопровождении небольшой охраны. Это сообщение вызвало большую радость у Петра I. Оно было отмечено в Москве и Кракове большими празднествами. 7 (18) февраля Петр писал А. В. Кикину: «Вчерашнего дни от давнего времени с великою жаждою ожидаемого курьера из Константинополя получили, которой на одчаяние наше полезную ведомость привез, что турки не только что прежний мир весьма крепко подтвердили, что и карала шведского без обороны своей высылают... И теперь уже в одну сторону очи и мысль имеем»⁴⁹.

Весть о подтверждении Турцией мирного договора с Россией была немедленно сообщена Августу II и находившимся в Варшаве послам иностранных дворов, а также датскому королю.

Реляция о возобновлении мира с Турцией была напечатана в польских газетах. И все же, несмотря на официальное подтверждение мира, в Россию продолжали поступать неутешительные известия о политике Турции. Так, М. Кантакюзин сообщал, что хотя турки сами в данный момент не желают войны с Россией, то «везирь и хан крымский zelo склонны к войне»⁵⁰. Русский посол в Константинополе доносил о желании турок отправить Карла XII из своих пределов таким образом, чтобы он мог продолжить свою войну с Россией, в то время как Турция оставалась бы в стороне⁵¹.

Не сидел сложа руки и Карл XII. Он не торопился покидать Бендеры, продолжая свои попытки склонить Турцию к совместной войне против России и Речи Посполитой. Его эмиссары генерал Ст. Понятовский и киевский воевода И. Потоцкий вели интенсивные переговоры с турецким правительством. Крымский хан обещал ему военную помощь. Было известно, что располагавшийся в Померании и Бремене шведский корпус генерала Крассау численностью до 18 тыс. человек получил приказ от Карла XII подготовиться к вторжению в Польшу и Саксонию. Замысел шведского короля состоял в том, чтобы одновременным ударом из Померании корпусом Крассау и из района Бендеры — Очаков турецкими войсками окружить и разгромить и армию Августа II, и русский вспомогательный корпус, находившийся в Польше, восстановить на польском престоле Станислава Лещинского, а затем развернуть наступление на Россию.

Вскоре настроения при султанском дворе приняли ярко выраженный антирусский характер. Визирь Али-Чорли-паша, сторонник дружественных отношений с Россией, был смещен с поста. Новый визирь Нуман-Кёпрюлю-паша открыто встал на сторону Швеции. Он заявил русскому послу, что «Порта намерена отпустить короля шведского из Бендера вскоре и с ним послать ратей довольно ко охранению его через Польшу до Померании, и может де быть, что будет оных ратей с королем шведским тысяч с сорок»⁵². Русскому вспомогательному корпусу предлагалось не вмешиваться и покинуть Польшу.

Русская разведка в середине августа доносила Петру, что Турция усиленно готовит агрессию против Польши. Русское правительство было вынуждено принять ряд мер как военного, так и дипломатического характера. В Польшу отправили М. М. Голицына. Ему предписывалось несколько вариантов действий в зависимости от складывающейся обстановки. Но в любом случае он должен был стараться не дать туркам повод для обвинения русских в нарушении мира, а склонять их на путь переговоров. Сохранение мира в это время было крайне важно для России. Источники свидетельствуют, что русские дипломаты делали все возможное, чтобы не допустить военного столкновения России с Турцией. 17 (28) июля 1710 г. Петр I отправил личную грамоту султану Ахмеду III, в которой предупреждал его, что намерение послать для сопровождения Карла XII через Польшу 40-тысяч-

ное войско «за явный разрыв мира принято будет»⁵³. Русское правительство соглашалось на доведение конвоя для сопровождения шведского короля до 3 тыс. турецких войск, но отнюдь не татар, «к разрушению мира весьма склонных»⁵⁴. Одновременно русскому послу в Константинополе было дано указание соглашаться на увеличение численности конвоя до 5 тыс. человек.

Стремление России к миру было расценено в придворных кругах Турции как признак ее слабости. Турецкие власти вели себя все более и более враждебно. Стало известно, что курьеры, везшие царские грамоты, были задержаны на границе, а затем посажены в тюрьму. Сношения с Турцией были прерваны. Русская разведка доносила, что военные приготовления турок идут полным ходом. К Бендерам уже было стянуто 10 тыс. войск. Туда же направлялась сильная артиллерия, специалисты по осадным работам и т. д. Новым визирем стал Балтаджи-Мегмет-паша, который был настроен еще более враждебно по отношению к России.

18 (29) октября 1710 г. царь отправил вторую грамоту Ахмеду III, в которой запрашивал о намерениях турецкого правительства относительно Карла XII и требовал его немедленного удаления из турецких пределов. В противном случае, говорилось в грамоте, «принуждены будем и мы в свое безопастие войска наши к границам приблизить и всякое воинское предуготовление чинить»⁵⁵. Однако на эту грамоту, как и на предыдущую, ответа не последовало. Тучи в русско-турецких отношениях сгущались.

20 (31) декабря 1710 г. в Петербурге наконец было получено последнее донесение от П. А. Толстого, которое он сумел отправить, обманув бдительность турецкой охраны. Это было известие о начале войны. «Наскоро доношу,— писал Толстой,— что турки по многим советам утвердили короля шведского ныне отпустить вскоре со многими татарами чрез Польшу... и войну с нами начать ныне чрез татар, а весною всеми турецкими силами, понеже во все свое государство указы резослали вчерась, чтобы рати все конные и пешие збирались в Бендерь так азиатские, как и румелские в апреле»⁵⁶. Далее сообщались данные о растановке командного состава, о сроках мобилизации турецкой армии. Итак, Османская империя решила наконец разорвать мирные отношения с Россией. Формальное объявление войны последовало 20 ноября (1 декабря) 1710 г.

Получив письмо П. А. Толстого, русское правительство сразу переключило внимание на новый театр военных действий. Фельдмаршал Б. П. Шереметев получил приказ организовать немедленную переброску 22 пехотных полков под командованием генералов А. И. Репнина и Л.-Н. Аларта в район Минска и Слуцка, куда должно было через Смоленск подойти рекрутское пополнение и где должна была быть сосредоточена вся русская полевая артиллерия под командованием генерал-лейтенанта Я. В. Брюса. Командующему русскими войсками в Польше генерал-лейтенанту М. М. Голицыну предписывалось немедленно подтянуть силы

к молдавской границе, в район Каменец-Подольского, куда на помощь ему срочно перебрасывались из Прибалтики Ингерманландский и Астраханский полки. Голицыну ставилась задача в случае, если «турки и татары станут провожать короля шведского чрез Польшу... учинить над ними поиск и их разбить». Если же турки попытаются овладеть Каменец-Подольским, то «их до того не допускать и с ними битца по крайней возможности, разве что усмотришь гораздо чрезмерную турецкую силу, против которой стоять вам будет невозможно»⁵⁷.

Русскому послу в Польше было приказано находиться при войске и решать все вопросы совместно с М. М. Голицыным. В частности, им обоим было дано указание следить за настроением польской шляхты и не допустить ее «склонности к турецкой и шведской стороне»⁵⁸. На Киевского губернатора Д. М. Голицына и гетмана И. И. Скоропадского возлагалась оборона Украины и Приазовья. Адмиралу Ф. М. Апраксину надлежало вместе с калмыцкими отрядами защищать юго-восточные границы государства. Для перебрасываемых из Прибалтики войск предусматривалось развернуть продовольственные магазины в районе Киева и молдавской границы.

Вступление Турции в Северную войну на стороне Карла XII в корне меняло военно-политическую обстановку и вынуждало русское командование пересмотреть свои стратегические планы. Приходилось временно отказаться от активных действий против Швеции и, закрепившись в Прибалтике, главные усилия направить на борьбу с Турцией. С целью прикрытия главных сил русской армии, направлявшихся на юг, от возможного удара корпуса Крассау из Померании в Польше создавалась специальная группировка русских войск. Сюда направлялись драгунские полки бригадира П. И. Яковлева численностью до 6 тыс. человек. Из Лифляндии перебрасывалось еще 8—10 тыс. драгун под командованием генерал-лейтенанта Боура. Вместо Б. П. Шереметева командование войсками в Лифляндии принял ближайший соратник Петра I А. Д. Меншиков. Сюда были передвинуты войска из Эстляндии. Рижский гарнизон должны были пополнить 10 тыс. солдат из внутренних гарнизонов и рекрутов нового набора.

Распоряжения Петра I свидетельствовали о намерении не допустить прорыва турок и крымских татар на Украину и в Польшу. Можно предположить, что русское правительство все еще надеялось разрешить конфликт дипломатическим путем. 6 (17) января 1711 г. Петр I посылает турецкому султану Ахмеду III третью по счету личную грамоту, в которой предлагалось воздержаться от военных действий и уладить отношения между обеими странами мирными средствами⁵⁹. Однако и это предложение осталось без ответа. Тем временем энергичная подготовка к войне с новым противником продолжалась. Учитывая, что основную массу турецкой армии составляла конница, Петр I отдал ряд указаний, касавшихся боевой подготовки войск. Так, 23 декабря

1710 г. (3 января 1711 г.) М. М. Голицыну предписывалось сделать упор на огневую подготовку драгун: «понеже с сими варварами огнем, а не палашами действовать»⁶⁰. В дальнейшем, развивая эту мысль, он подчеркивал, что с турками воевать нужно не так, как со шведами. Их конным массам необходимо противопоставить огонь пехоты, защищенной рогатками⁶¹.

В феврале 1711 г. стало известно, что для ведения войны с Россией Турция подготовила сухопутную армию численностью в 118 400 человек⁶². Всего же вместе с войсками крымского хана против России могло быть выставлено до 200 тыс. человек⁶³. Основная идея стратегического плана турок заключалась в том, чтобы, сосредоточив главные силы в районе Бендер и Нижнего Дуная, развернуть наступление в направлении Бендеры—Яссы—Каменец-Подольский и далее в глубь Польши. Вместе с турками на соединение с корпусом Крассау, расположенным в Померании, должен был следовать Карл XII. С целью отвлечения русских сил из Польши силами крымского хана предусматривалось нанести вспомогательный удар на Правобережной и Левобережной Украине, имея в виду дальнейшее наступление в направлении Харькова и Воронежа. Намечалось также нападение на Азов и Таганрог⁶⁴.

Русское командование, в свою очередь, разрабатывало план ведения войны против Порты. Перед ним неизбежно вставал вопрос: какому плану отдать предпочтение, оборонительному или наступательному? Иными словами, следовало ли пассивно ждать вторжения противника в пределы Польши и Украины или же, упредив турок в развертывании армии, перенести военные действия на их территорию. В общих чертах русский стратегический план определился к концу 1710 г. Так, в письме к датскому королю Фредерику IV Петр I писал, что он лично возглавит русскую армию на турецкой границе и пойдет в наступление. А в письме к Августу, посланному одновременно, он подчеркивал, что русские «все надлежащие приуготовления учинили» для того, чтобы сорвать намерения турок и Карла XII⁶⁵. Окончательный вариант стратегического плана был принят на военном совете 1(12) января 1711 г. Намечалось, прикрывшись обсервационным корпусом со стороны крымских границ, развернуть наступление главных сил на Дунай с тем, чтобы воспрепятствовать туркам занять Молдавию как исходный плацдарм для вторжения в Польшу⁶⁶. Русское командование рассчитывало на сочувствие и прямую поддержку со стороны народов Балкан, находившихся под османским игом.

В январе 1711 г. крымский хан Девлет-Гирей двинулся на Украину. Первоначально часть его армии под командованием Калги-Султана, брата хана Девлет-Гирея, была брошена на Умань, но здесь потерпела поражение. Сам Девлет-Гирей вторгся в Слободскую Украину. Не встречая серьезного сопротивления, татары разорили Бахмут, Змиев, Водолаги, Мерефу. К концу февраля они достигли района Харькова, где остановились, поджи-

дая Кубанскую орду, чтобы продолжить поход на Воронеж. Противник намеревался разорить Воронежскую верфь и уничтожить Воронежский флот. Однако, получив известия, что русские готовятся дать отпор, а Кубанская орда задержана союзными России калмыками, Девлет-Гирей начал отход в Крым. Вторжение крымских татар на Украину окончательно убедило русское правительство в нежелании турок урегулировать отношения с Россией мирным путем. 22 февраля (5 марта) 1711 г. в Москве был обнародован царский манифест о начале войны с Турцией.

Тем временем главные силы русской армии под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева двигались из Прибалтики на юг. У крепости Каменный Затон происходило сосредоточение войск под командованием украинского гетмана И. И. Скоропадского и генерал-майора И. И. Бутурлина. Оборона Азова возлагалась на азовского губернатора адмирала Ф. М. Апраксина. 12—13 (23—24) апреля в Луцке состоялся военный совет. На нем основное внимание было уделено определению сроков и мест сосредоточения главных сил русской армии для наступления в Молдавию. Обсуждались также вопросы, связанные с обеспечением армии продовольствием, распределением рекрутов по дивизиям, заготовкой судов для переправы через Днестр. Было решено не позднее 20 (31) мая сосредоточить армии в районе города Брацлав. Фельдмаршал Б. П. Шереметев должен был, передав командование пехотными полками генералу А. А. Вейде, возможно быстрее двигаться с конницей к Брацлаву, где устроить продовольственный магазин на три месяца и подготовить переправу через Днестр. В письменном приказе ему Петр I подчеркивал важность своевременного сосредоточения армии, «ибо ежели умедлим, то все потеряем»⁶⁷. Однако сосредоточение главных сил русской армии у молдавской границы шло медленно из-за плохих погодных условий и недостатка в продовольствии. Они вышли в указанный район только 30 мая (10 июня), т. е. на 10 дней позже установленного срока.

Появление русского авангарда в Молдавии было радостно встречено местным населением. В сводке русского командования от 31 мая (11 июня) сообщалось, что «волохи к нашим беспрестанно приходят и с великим доброжелательством и желанием и последние мужики служат желают»⁶⁸. Молдавский господарь Дмитрий Кантемир перешел на сторону России и призвал народ к вооруженному восстанию против турок. На освободительную борьбу с турками поднималось население многих уездов Молдавии. «Тотчас после прибытия русских,— писал очевидец событий молдавский гетман Ион Некулче,—молдаване, верные своему обычаю ... начали ... убивать турок: одни по приказу, другие без приказа, как в Яссах, так и по остальным городам страны»⁶⁹.

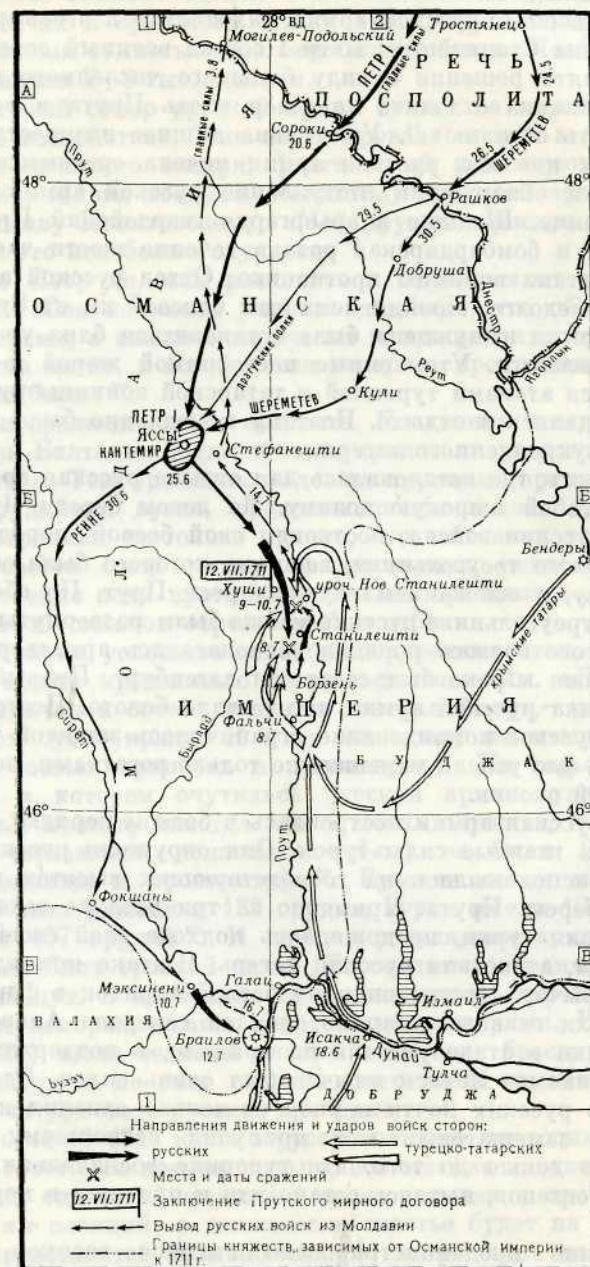
Русская армия благополучно переправилась через Днестр. Поздравляя Шереметева с этим событием, Петр I предписывал ему делать все, чтобы «времени не потерять, а наипаче чтоб к Дунаю прежде турков поспеть, ежели возможно»⁷⁰. Однако ре-

шить эту задачу не удалось. Были получены сведения, что турки находились от Дуная на расстоянии семи переходов. Русским предстояло преодолеть не менее десяти переходов. Обнаружилось также, что провианта в Молдавии «готового нет и вскоре взять негде»⁷¹. Надежды на существенную военную помощь со стороны Дмитрия Кантемира не оправдались. Численность молдавских войск, присоединившихся к авангарду Б. П. Шереметева, составляла 5–6 тыс. человек. В начале июня на Дунае сосредоточилось до 40 тыс. турецкого войска, в то время как у Шереметева было не более 15 тыс. человек. Дальнейшее продвижение было рискованно. На военном совете 8 (19) июня было решено «без знатного числа пехоты к Дунаю не ходить»⁷².

Главные силы русской армии во главе с Петром I в июне вышли в район города Сороки. 9 (20) июня они выступили к Яссам и, совершив трудный марш, достигли урочища Цепор при реке Прут, где соединились с авангардом Шереметева. Теперь вся русская армия была в сборе. К этому времени ухудшилось положение с обеспечением войск провиантом и фуражом. Поля Молдавии в то лето были опустошены саранчой. 28 июня (9 июля) Петр I созвал военный совет. Было решено направить в район Браилова 7-тысячный конный отряд генерала К.-Э. Ренне с задачей захватить собранные там турками запасы продовольствия. Одновременно имелось в виду побудить валахского господаря К. Брынковяну к переходу на сторону России. Петр I писал: «Сей марш зело отчаянно учинен для обнадеживания господаря мулянского»⁷³. Главные силы должны были двигаться вдоль правого берега Прута до урочища Фальчи, а оттуда к реке Сирет, где соединиться у Галаца с кавалерией генерала Ренне.

На основе решения военного совета русские войска начали движение в указанных направлениях. Спустя несколько дней были получены сведения, что главные силы турецкой армии во главе с визирем находятся у местечка Траян близ устья Прута. По приказанию Петра навстречу туркам направили отряд генерала Януса фон Эберштедта с задачей воспрепятствовать переходу противника через Прут. Утром 7 (18) июля отряд обнаружил авангард турецкой армии, который готовился к переправе. Однако генерал Янус не выполнил своего воинского долга. Вместо того чтобы атаковать турок, он позволил им спокойно навести мосты и переправиться через Прут. Сам Янус отступил, преследуемый легкой турецкой конницей. «Малодушие его, — замечает по поводу этого эпизода А. С. Пушкин, — доставило туркам безопасную переправу»⁷⁴. Янус не только не выполнил приказ Петра, но и ввел в заблуждение русское командование, сообщив, что турки якобы уже форсировали Прут. Между тем основные силы турецкой армии подошли к Пруту только к вечеру 7 (18) июля, а приказ о переправе всей турецкой армии был дан лишь 8 (19) июля⁷⁵. Все это имело серьезные последствия. Турки, преследуя Януса, отрезали главные силы русской армии от

ПРУТСКИЙ ПОХОД 1711 г.

корпуса генерала Ренне, с которым в районе Галаца они должны были соединиться.

Главные силы русской армии находились в это время в районе местечка Станилешти. Петр I созвал военный совет. На нем было принято решение в виду большого численного превосходства противника отходить на север вдоль Прута и «в удобном месте... дать баталию»⁷⁶. Уничтожив лишнее имущество и часть громоздких повозок, русская армия начала организованный отход. Турки обнаружили отступление русской армии и начали преследование. Шедшие в арьергарде гвардейский Преображенский полк и бомбардирская рота в течение шести часов стойко отбивали атаки конницы противника. Отход русской армии продолжался недолго. Пройдя немногим более 7 км от Станилешти, русская армия вынуждена была остановиться близ урочища Новые Станилешти. Утомленные нестерпимой жарой и непрерывающимися атаками турецкой и татарской конницы русские солдаты нуждались в отдыхе. Поэтому немедленно было начато сооружение укрепленного лагеря.

Местность, где остановилась для отдыха русская армия, представляла собой широкую долину. На левом берегу Прута были высоты. Русские войска построили свой боевой порядок в виде неправильного треугольника, вершина которого была обращена к противнику, а основанием служила река Прут. По обеим сторонам этого треугольника русские войска были развернуты в линию. Внутри этого боевого порядка располагались артиллерия и конница. Ближе к реке был сооружен вагенбург. Правый фас боевого порядка русской армии прикрывало болото. Поэтому с этой стороны русское командование ограничилось защитой рогатками. Левый же фас успели укрепить не только рогатками, но и сплошной линией окопов.

Едва русская армия построилась в боевом порядке, как с юга показались главные силы турок. Они окружили русский лагерь, а часть расположилась на господствующих высотах противоположного берега Прута. Примерно за три часа до захода солнца 9 (20) июля турки, не дожидаясь подхода всей своей армии и артиллерии, атаковали русский лагерь. В атаке приняли участие 20 тыс. янычар. Построившись в боевой порядок в форме клина, они нанесли главный удар по дивизии генерала Аларта. Турецкая конница в атаке участия не приняла, а поддерживала свою пехоту криками. Натиск янычар был очень силен. Однако мощный огонь русских почти в упор не только охладил их пыл, но привел в замешательство и принудил поспешному отступлению. Дело дошло до того, что турецкие военачальники рубили саблями беглецов, пытаясь остановить и привести в порядок свои войска⁷⁷.

Сражение продемонстрировало высокое военное искусство русского командования и отличную подготовку пехоты и артиллерии. Залповый огонь пехоты и плотный огонь артиллерии производили опустошение в рядах янычар. Воспользовавшись тем,

что янычары вели наступление на одном направлении, русское командование снимало войска с неатакованных участков и смело вводило их в сражение. Атаки турок, продолжались вплоть до наступления темноты. Все они были отбиты. Потери противника составили 7—8 тыс. человек.

Энергичный отпор русской армии оказал на янычар большое моральное воздействие. Уже после провала второй атаки кегай — помощник великого визиря, фактический командующий турецкой армией, заявил военному советнику турецкой армии генералу Станиславу Понятовскому: «Мой друг, мы рискуем быть разбитыми, и это неизбежно случится»⁷⁸.

Однако Петр не стал рисковать и отказался от контратаки. Он писал: «Сие не могли учинить для того, что обоза окопать не было время, а ежели б не окопав итить на них, то б конница их ворватца могла, и все б могли потерять пропитание, которого и так мала было»⁷⁹.

К ночи сражение стало затихать. Начальник янычар и великий везирь Балтаджи-Мехмет-паша приказали устроить окопы и закрепляться. Тем временем подошла турецкая артиллерия. Началась орудийная дуэль, продолжавшаяся вплоть до рассвета. Русские стреляли настолько удачно, что заставили великого визиря перевести свою ставку на расстояние, недостижимое для огня. В течение ночи противник пытался приблизиться к русскому лагерю, но сильной стрельбой был отбит.

Несмотря на успешное отражение турецких атак, положение русской армии продолжало оставаться тяжелым. «Люди и лошади, — отмечал в своем дневнике генерал Аларт, — не отдыхали более трех суток кряду. К тому же всюду испытывался недостаток в боевых припасах и провианте»⁸⁰. На серьезность положения, в котором очутилась русская армия, указывал сам Петр I: «И правда, некогда как и почал служить, в такой дисперации (отчаянном положении. — Авт.) не были (понеже не имели конницы и провианту)»⁸¹. Русские полки насчитывали свыше 38 тыс. человек и 122 орудия, турки имели 130—135 тыс. человек и 407 орудий⁸². И все же регулярная армия Петра I продолжала быть грозной силой. Ее солдаты сохраняли высокий моральный дух. В ином положении находились турецкие войска. Они были деморализованы понесенными потерями. И когда утром 10 (21) июля великий визирь попытался бросить янычар в новую атаку, то не смог сделать этого из-за их категорического отказа штурмовать русские позиции.

В ночь на 10 (21) июля в русском лагере проходил очередной военный совет. На нем высказывалось мнение «атаковать ночью неприятеля силами в несколько тысяч человек и прогнать его с занятых им позиций; а также если счастье будет на нашей стороне и представится возможность, то на рассвете атаковать неприятеля всей армией»⁸³. Однако из-за большого риска эта идея была отклонена Петром I.

Утром 10 (21) июля турки начали артиллерийский обстрел

русского лагеря, который продолжался беспрерывно до двух часов дня. Он велся и с противоположной стороны Прута, куда переправилась часть турецких войск. Это еще больше осложнило положение, так как затруднило снабжение армии питьевой водой. Под председательством Петра I вновь был созван военный совет. Его участники приняли решение предложить великому визирю перемирие, а в случае отказа атаковать противника всеми силами. В стан неприятеля был отправлен унтер-офицер Шепелев с письмом за подписью фельдмаршала Б. П. Шереметева, в котором излагалось мирное предложение. Ответа не было. Тем временем русские продолжали укреплять свой лагерь и одновременно готовиться к прорыву вдоль Прута на север⁸⁴. Вскоре великому визирю было послано второе письмо. В нем указывалось, что, если турки будут медлить с ответом, русская армия перейдет в наступление. Ответа не последовало и на этот раз. Тогда Петр I отдал приказ выступить из лагеря и атаковать турецкие позиции. Но едва построенные в боевой порядок русские полки прошли несколько десятков сажен, как «от турков тотчас прислали, чтоб не ходили, ибо оне мир приемлют, и для того учинить унятие оружия, и чтоб прислали, с кем об оном мире трактовать»⁸⁵.

Решение турецкого командования вступить с русскими в переговоры было отнюдь не случайным. Сражение 9 (20) июля наглядно показало преимущество русской регулярной армии над армией Османской империи. Победа над ней представлялась туркам весьма проблематичной. И они сочли более выгодным добиться дипломатическим путем своих целей в войне, чем идти на риск генерального сражения. Бригадир русской службы Моро-де-Бразе, вспоминая о беседе с турецким пашой из окружения великого визиря, писал: «Твердость наша их изумила... они не думали найти в нас столь ужасных противников... судя по положению, в котором мы находились, и по отступлению, нами совершенному, они видели, что жизнь наша дорого будет им стоить, и решились, не упуская времени, принять наше предложение о перемирии, дабы нас удалить. Он объявил, что в первые три дня артиллерия наша истребила и изувечила множество из их единоземцев...»⁸⁶ Против ведения мирных переговоров выступили крымский хан и представитель шведского короля генерал Станислав Понятовский, которые полагали, что из-за недостатка продовольствия русские сами через несколько дней сдадутся. Однако их доводы не были приняты во внимание.

Ведение переговоров с турками было возложено на государственного подканцлера барона П. П. Шафирова. Он получил от Петра I полномочия соглашаться на самые крайние условия турок, кроме капитуляции. По приезде Шафирова в турецкий лагерь ему были предъявлены следующие предварительные условия мира: турки потребовали вернуть им Азов, разорить крепости Таганрог, Каменный Затон и Самару, выдать Дмитрия Кантемира и Савву Рагузинского, возместить не полученную с

Молдавии дань, ликвидировать русское посольство в Константинополе, отдать всю артиллерию и снаряжение⁸⁷. Однако им сразу же было заявлено, что на таких условиях «господин фельдмаршал миру отнюдь не учинит»⁸⁸. В ходе дальнейших переговоров, благодаря дипломатическому искусству П. П. Шафирова и желанию самого турецкого командования поскорее закончить войну, удалось добиться отказа турок от ряда требований. Например, они не стали настаивать на передаче им артиллерии, возмещении дани с Молдавии, выдачи Дмитрия Кантемира и Саввы Рагузинского. Но они потребовали, чтобы П. П. Шафиров и сын фельдмаршала Б. П. Шереметева полковник Астраханского полка М. Б. Шереметев отправились в Стамбул в качестве гарантов выполнения Россией условий мирного договора.

В русском лагере напряженно ожидали известий о ходе переговоров. Первое донесение Шафирова было не очень обнадеживающим. Подканцлер писал, что «турки не зело в склонности к трактатам состоят», и советовал Петру I быть готовым к любой неожиданности⁸⁹. В следующем донесении Шафиров сообщал, что турки пошли на переговоры и в качестве заложника потребовали сына фельдмаршала Б. П. Шереметева⁹⁰. Ночь на 11 (22) июля прошла сравнительно спокойно, хотя турки продолжали строить шанцы, а русская армия стояла «во фрунте со всякою готовностью»⁹¹. В первой половине дня 11 (22) июля в русском лагере состоялись два военных совета, на которых было единодушно решено: в случае, если турки не согласятся на мир, а потребуют капитуляции, пробиваться вдоль Прута на север. Готовность к началу марша назначалась на четыре часа пополудни. Однако в полдень приехал П. П. Шафиров с известием, что он согласовал с турками условия мирного договора. Получив санкцию Петра I на подписание мира, он возвратился в турецкий лагерь. Его тотчас же принял Балтаджи-Мехмет-паша. Русский представитель заявил, что хотя условия мира «предосудительны его царского величества высокому интересу», тем не менее, «не желая напрасного человеческого крови пролития» и не желая войны с Турцией, фельдмаршал «приказал мирный договор на тех пунктах заключить»⁹². Вечером в турецкий лагерь отправился М. Б. Шереметев, произведенный Петром «для лучшего почтения» из полковников в генерал-майоры.

В полдень 12 (23) июля между Россией и Турцией был заключен мирный трактат; с русской стороны его подписали государственный подканцлер барон П. П. Шафиров и генерал-майор граф М. Б. Шереметев, с турецкой — великий визирь Балтаджи-Мехмет-паша. Тем временем генерал К.-Э. Ренне продолжал успешное наступление на юг. 14 (25) июля он штурмом захватил Браилов, где находились большие запасы продовольствия. Случись это событие несколькими днями раньше, условия мирного договора были бы, возможно, иными. 16 (27) июля генерал Ренне получил приказ Петра I вернуть Браилов туркам, а самому идти на соединение с главными силами.

Русско-турецкие переговоры и заключение мира вызвали резкое противодействие со стороны шведов и крымского хана. Еще во время переговоров представитель Карла XII Станислав Понятовский предпринял попытку путем подкупа поднять бунт среди янычар против великого визиря, но не добился успеха. Янычары, по словам самого Понятовского, «взяли деньги и, не двинувшись с места, лишь выразили соболезнование» Понятовскому⁹³. Из Бендер в турецкий лагерь прискакал Карл XII. Он потребовал от великого визиря разорвать только что подписанный мир. Однако Балтаджи-Мехмет-паша отказался сделать это. Тогда Карл XII попросил визиря дать ему турецкое войско для атаки на русских. Тот резонно заметил: «Ты де их уже отведал, а и мы их видели: и буде хочешь, то атакуй их своими людьми, а он миру, с ними постановленного, не нарушит»⁹⁴. Шведскому королю не оставалось ничего иного, как вернуться назад в Бендеры. Причина такого поведения великого визиря заключалась в том, что главная цель Турции в войне с Россией — уничтожить русские крепости на границах Крымского ханства и вновь запретить русским выход в Черное море — была достигнута дипломатическим путем, а воевать за интересы Швеции турки вовсе не собирались.

Турецкое командование дружелюбно относилось к представителям России. Так, уже на следующий день после заключения мира П. П. Шафиров доносил Петру I из ставки великого визиря: «Зело турки с нами ласково обоходятся, и, знатно, сей мир им угоден»⁹⁵. Великий визирь прислал в русский лагерь в качестве личного подарка продовольствие, в том числе 1200 повозок с хлебом и рисом. Таким образом, Турция не меньше России была заинтересована в мире. Война с Россией была не популярна в стране, и в Стамбуле вздохнули с облегчением, когда с берегов Прута была получена весть о заключении мира. В столице Порты по этому случаю несколько дней продолжались празднества. Уже в конце июля Ахмет III ратифицировал Прутский мирный договор.

После подписания мира вся русская армия с развернутыми знаменами и барабанным боем выступила из своего лагеря на север. Так закончился Прутский поход. Он показал мужество и стойкость русских солдат, офицеров и генералов, их высокую боевую выучку, наглядно продемонстрировал значительные преимущества регулярной армии над многочисленными, храбрыми, но недостаточно дисциплинированными турецкими войсками. В то же время он выявил ряд недочетов, допущенных при планировании похода. В частности, не была произведена тщательная разведка незнакомого театра военных действий. Отрицательную роль в исходе Прутского похода сыграли некоторые иностранные офицеры, подчас не выполнявшие боевые приказы. Поэтому после завершения похода Петр I уволил со службы из числа иностранцев 12 генералов, 14 полковников, 22 подполковника и 156 капитанов⁹⁶.

Заключение Прутского мирного договора явилось безуслов-

но большим успехом русской дипломатии. Была не только спасена армия, но и достигнута важная внешнеполитическая цель, ради достижения которой Петр I и предпринял поход. Турция была выведена из войны. Россия теперь смогла вновь сосредоточить все свои силы и ресурсы на продолжении борьбы со Швецией. 15 (26) июля 1711 г. Петр I отмечал, что «ныне мы всею армеею празны», и хотя «не без печали есть лишитца сих мест, где столько труда и убытков положено, но, аднакож, чаю сим лишением другой стороне великое укрепление, которая не сравнительною прибылью нам есть»⁹⁷.

* * *

После разгрома армии Карла XII под Полтавой шведский корпус генерала Крассау, находившийся в Польше, отступил в Померанию. Петр I понимал необходимость разгрома этой крупной части неприятельских войск. Однако сложная политическая обстановка затрудняла решение указанной задачи. Державы Великого союза — Англия, Голландия и Австрия — не были заинтересованы в расширении границ театра Северной войны. 20 (31) марта 1710 г. в Гааге был подписан акт о северном нейтралитете. Участники Северного союза обязывались не отзывать свои войска, находившиеся на службе Великого союза, и не предпринимать наступательных действий против корпуса Крассау. Страны, входившие в Великий союз, в свою очередь, давали гарантию, что шведский корпус не будет увеличиваться количеством и не станет вести атак против войск Северного союза. Текст трактата гласил: «Шведам в Померании сил своих не умножать, а неприятельских действий противу Польши, Саксонии и России не производить, а в противном случае северные союзники предоставили себе право вступить с войсками своими против них в Померанию»⁹⁸. 22 июля (2 августа) 1710 г. в Гааге была подписана конвенция, которая предусматривала создание специального международного корпуса из английских, голландских и австрийских войск (15,5 тыс. пехоты и 3 тыс. конницы), предназначенного для наблюдения за сохранением нейтралитета⁹⁹.

Карл XII отказался признать северный нейтралитет. Это означало, что 18-тысячный корпус Крассау мог в любой момент выступить против союзных держав. Такая опасность стала реальной во время Прутского похода 1711 г., когда главные силы русской армии были заняты в войне с Турцией. В мае 1711 г. английской королеве был передан мемориал русского правительства. В нем говорилось, что поскольку Карл XII не намерен сохранять нейтралитет и шведские войска, находящиеся в Померании, ждут лишь сигнала, чтобы вторгнуться в Польшу или Саксонию, то желательно соединить силы членов Великого союза и Северного союза для совместных действий. Если члены Великого союза не согласны с этим предложением, то, как было сказано в мемориале, пусть они «не за зло примут» действия России и ее союзников против шведов в этих областях. 3 (14) августа 1711 г.

морские державы подписали соглашение, которым обязывались не препятствовать вступлению войск северных союзников в Померанию. Дания и Саксония, в свою очередь, должны были не отзывать свои войска, находившиеся на службе у Великого союза¹⁰⁰.

В августе 1711 г. датская армия, состоявшая из 18 тыс. человек пехоты и 9 тыс. человек кавалерии, вступила в Померанию. 5-тысячный отряд кавалерии был направлен для осады Висмара. Остальные датские войска двинулись к Штральзунду. Одновременно в Померанию вступил Август II во главе 10-тысячного отряда саксонской кавалерии и 6-тысячного отряда русских драгун. 6 (17) сентября союзники соединились под Штральзундом и обложили его. В течение осени велись осадные работы. Были построены батареи для осадной артиллерии, которую намечалось привезти из Дании. Осада затянулась. Успешному ходу военных действий мешали разногласия между союзниками. Август II и Фредерик IV больше думали о личной выгоде, чем об общем деле. Датчане были заинтересованы в захвате Висмара, саксонцы — о. Рюгена. Положение союзных армий становилось тяжелым. Не хватало продовольствия. Особенно в тяжелом положении оказались русские войска, с которыми саксонцы не хотели делить своих припасов. Петр I писал Августу II о необходимости улучшить снабжение русских солдат и офицеров. «Ежели изволите их еще иметь, — указывал он, — то чтоб оным мясо и соль против саксонцов давано было, или их, ежели сего дать им не изволишь, отпустить в службу короля датскаго, или к Штетину, ибо не сытые солдаты служить не могут»¹⁰¹. Положение союзников осложнилось и тем, что датский флот, vezний артиллерию, был рассеян поднявшейся бурей и кораблям пришлось вернуться назад. Напротив, шведам удалось на судах перебросить в Померанию дополнительно 6-тысячный корпус. Не имея осадной артиллерии, союзники не решились на зиму оставаться под Штральзундом. Было решено снять осаду. Саксонские и датские войска ушли из Померании. Лишь под Висмаром был оставлен 6-тысячный отряд датчан.

Таким образом, кампании 1711 г. в Померании существенных результатов не дала. Действия союзников характеризовались нерешительностью. Отрицательную роль играло отсутствие единства между ними. Нехватка осадной артиллерии не позволила предпринять штурм Штральзунда.

Главные силы русской армии были заняты войной с Турцией, в результате чего их вступление в Померанию произошло с запозданием.

По плану кампании 1712 г. военные действия против Швеции предполагалось вести одновременно в Померании силами русских, датских и саксонских войск и в Финляндии — русскими войсками и флотом. Главный удар предполагалось нанести со стороны Померании, откуда союзники при помощи датского флота должны были высадить десант на территорию Швеции. Русские вой-

ска в Финляндии должны были произвести диверсию, отвлечь на себя часть шведских сил с целью обеспечить направление главного удара по противнику. Ввиду непрочности отношений с Турцией для безопасности южных границ страны русская армия (79 тыс. человек) под командованием Б. П. Шереметева была оставлена на Украине¹⁰².

В Померании шведы имели около 22 тыс. человек¹⁰³. Силы союзников составляли около 85 тыс. человек, из них 10 тыс. саксонцев и 27 тыс. датчан¹⁰⁴. Командующим всеми русскими войсками в Померании был назначен А. Д. Меншиков.

С начала 1712 г. и до начала кампании между союзниками велись переговоры о плане предстоявших военных действий. При этом обнаружились разногласия. Союзники не могли составить единого плана действий. Было предложено несколько вариантов.

31 марта (11 апреля) в Кольдинге удалось, наконец, согласовать план военных действий, по которому было решено высадить десант на о. Рюген, осадить Штральзунд¹⁰⁵. Русское командование, чтобы не разрывая тыловые коммуникации, было заинтересовано в первую очередь во взятии Штеттина (Щецина). Русское правительство, желавшее привлечь к союзу против Швеции Пруссию, гарантировало, что после захвата Штеттина будет передан ей. Петр I заверял Пруссию, что вступление русских войск в Померанию преследует единственную цель — «принудить короля шведского к полезному миру». Далее Петр продолжал: «Мы декларовать восхотели, что понеже может быть мы вскоре осаду города и крепости Штетина предвоспринимать будем; и ежели оную вскоре, или по несколько времени, или чрез оружие к сдаче принудим, мы никакою претензии на нее чинить и наши войска в оную вводить не будем, но отдастся оная ... вечно Его Прусскому Величеству»¹⁰⁶. В сентябре 1712 г. Петр I заключил договор об уступке Штеттина Пруссии. Тогда же было заключено и соглашение с Августом II о передаче саксонцам Эльбинга, захваченного русскими войсками¹⁰⁷.

Петр попытался изменить принятый план. Он писал своим союзникам, что «хотя правда есть, что Стральзунт и Риген» являются ключом Померании, но Штральзунд хорошо укреплен, его гарнизон насчитывает 11 тыс. человек; десант, высаженный на о. Рюген, может задержаться там на всю зиму при условии, если летом не удастся захватить Штральзунд. Поэтому, «дабы лутче комуникацию с Полшею иметь», целесообразнее осадить сперва Штеттин, обороняемый 3-тысячным гарнизоном, блокировать Висмар датским флотом, а затем уже, имея свободный тыл и обеспечив войска продовольствием, осадить Штральзунд и с помощью датского флота высадить десант на о. Рюген¹⁰⁸.

Б. И. Куракин писал, что Петр I решил осаждать сначала Штеттин «для многих причин: впервых, для безопасности своих войск и лучшей коммуникации с Польшею, — по взятые же того, и прусской двор мог бы к лучшему к нам прийти; другое, ар-

гиллерия на Стральзунд есть недостаточна, а транспорта чинить невозможно за учиненными на ней крепостями. Под тот же час шведы господами стали на море и датский флот отогнали, и недостаток судов к тому многим был. А король польский осаживать Штеттин не похотел от желюзии (жалости.— *Авт.*) к прусскому двору, а датский артиллерии не дал для той осады. И того для все те дела продолжались аж до прихода Штейнбока с транспортом шведским»¹⁰⁹.

Однако союзники не поддержали Петра I, а на военном совете в Вольгасте 17 (28) августа, несмотря на все доводы русских, они не изменили своего плана¹¹⁰. Решено было осадить Штеттин и в то же время высадить десант на о. Рюген и овладеть им. Затем следовало приступить к бомбардировке Штральзунда. Для усиления союзной армии под Штральзундом русские должны были дополнительно прислать еще 6 тыс. человек¹¹¹.

В июне 1712 г. русская армия сосредоточилась в Померании. Расположение союзных войск было следующим. Русские войска под командованием А. Д. Меншикова (корпуса Р. Х. Боура и А. И. Репнина) блокировали Штеттин; русско-польско-саксонские части под командованием Л.-Н. Аларта окружили Штральзунд. Датский корпус генерала Ранцау обложил Висмар, основная же часть датской армии (12 тыс. человек) осаждала Штаде (около Бремена). В этой кампании датчанам удалось захватить Штаде, Бремен и Верден.

Русские войска, находившиеся в Померании, испытывали острый недостаток продовольствия. Так, в июне 1712 г. Меншиков писал Петру I: «В провианте какая здесь нужда, о том надеюсь, что вашей милости уже известно. А ныне она от часу умножается, а наипаче под Стральзунтом, где уже кореньем питатца начинают»¹¹².

Союзники затягивали ведение активных боевых действий против неприятеля. «Ни единого образа к начинанию действ не являетца», — писал Меншиков Петру и высказывал опасение, «чтоб нам напрасно время не потерять и войска от недостатка провианта не раззорить»¹¹³.

Русские войска в Померании ввиду дальности расстояния не имели осадной артиллерии, без которой нельзя было вести осаду Штеттина. Артиллерию под Штеттин должны были прислать датчане. «Артиллерии в Померанию никаким образом за дальностью прислать невозможно. А ежели датцкая прислана не будет, российские войска никаких действ в Померании без артиллерии чинить не могут, разве добывать Штеттин артиллерию саксонскою, которую король польской сам мне изволил сказать, что рано весною под Штеттин прислать может...» — писал русский посол в Дании В. Л. Долгорукий Петру I¹¹⁴. Однако вскоре выяснилось, что датчане отказываются прислать ее, ссылаясь на то, что саксонцы не прислали им артиллерии к Штаде. Прибыв к Штеттину в конце июля, Петр не нашел там артиллерии. «Понеже по прибытии нашем сюда, — писал царь, — великую печаль

имеем, что артиллерии нет и бог знает будет ли она за спорами датчан с саксонцами»¹¹⁵. «Зело жаль, что время проходит в сих спорах!» — писал Петр I¹¹⁶. Так и не получив артиллерии, русские войска, оставив под Штеттином 4-тысячный отряд, отошли к Штральзунду¹¹⁷.

Намеченная союзниками высадка десант на о. Рюген не была осуществлена. Датский флот (17 линейных кораблей и 5 фрегатов), стоявший перед Рюгеном, пропустил шведский флот (24 линейных корабля)¹¹⁸. Петр I писал в сентябре 1712 г. Апраксину: «...датский флот не так действует против шведов, как про него сказывали, ибо ныне транспорт шведский пропустили в 10 000 человек, а шведы только тремя кораблями их сильнее были»¹¹⁹. 13 (24) сентября шведы высадили на о. Рюген войска, состоявшие из 10 тыс. человек пехоты и 1800 кавалерии, под командованием Стенбока. С прибытием этого десантного корпуса силы гарнизона Штральзунда значительно усилились. Это заставило союзников отказаться от атаки Штральзунда и ограничиться его блокадой. Союзники рассчитывали на недостаток продовольственных запасов осажденных, что вскоре оправдалось.

В конце октября главнокомандующий шведской армией Стенбок, оставя в крепости гарнизон в 2 тыс. человек, выступил из Штральзунда и начал продвигаться к Мекленбургу. Главные силы шведской армии (10 600 человек пехоты и 6600 кавалерии) заняли Дамгартен¹²⁰. Стоявшие здесь 4 полка саксонской кавалерии и около 400 человек датской пехоты при приближении шведских войск отступили.

3 (14) ноября войска Стенбока овладели Ростоком. Меншиков сообщал Петру I из Померании, что «Штейнбок со всем войском из Померании марш свой восприял в Мекленбургскую землю чрез зело крепкий пас, который держали саксонцы, которые оставя оный ушли»¹²¹.

При вступлении войск Стенбока в Мекленбург датчане сняли осаду Висмара и отступили к Траве. К концу ноября армия Стенбока сосредоточилась в окрестностях Швана. Союзники расположились следующим образом: русские — за реками Небель и Реквиц, датчане — у Гадебуша, саксонцы — у Гюстрова.

Саксонский главнокомандующий Я.-Г. Флемминг (без согласия Петра I) заключил со шведами перемирие на 15 дней. Стенбок надеялся, что за это время придет второе подкрепление из Швеции. Создавшееся положение было чревато большими опасностями для союзников. Что касается морских держав, и в первую очередь Англии, то они старались ослабить совместные действия союзников, расколоть Северный союз. Так, русский посол в Дании В. Л. Долгорукий писал в августе 1712 г., что ему стало известно, что «угрозы королевы английской королю дацкому не перестают» и что Англия, Швеция и Франция хотят послать соединенную эскадру в Балтийское море, чтобы принудить Данию к сепаратному миру¹²².

Союзники России в свою очередь вели закулисные переговоры

о заключении сепаратного мира со Швецией. Так, Август II в случае отказа Ст. Лещинского от польской короны обещал порвать союз с Россией.

Русскому правительству пришлось приложить немало сил, чтобы убедить датского короля Фредерика IV выступить против Стенбока, указывая на возможность иноземного вторжения в Данию. Кроме того, существовала опасность движения Стенбока в Польшу для соединения с Карлом XII.

Стенбок решил предупредить противников и 4 (15) декабря (как только кончился срок перемирия) с 19 батальонами и 48 эскадронами¹²³ выступил из Швана и двинулся на Шверин и Гирсов. Русское командование, получив известие об этом 7 (18) декабря, тотчас же послало войска на помощь датчанам. Саксонцы под командованием фельдмаршала Флемминга (2 батальона и 32 эскадрона) также пошли на помощь датчанам и соединились с ними¹²⁴. Силы датчан достигали теперь 29 батальонов и 79 эскадронов.

Петр I неоднократно посылал курьеров к Фредерику IV, советуя до подхода русских войск уклоняться от сражения. Однако тот, рассчитывая на превосходство в силах, решил принять бой, не дожидаясь русских, «ибо хотели одни славу одержать»¹²⁵.

9 (20) декабря шведские и датско-саксонские войска сошлись у Гадебуша. Союзники расположились на возвышенности. Их позиция с фронта и левого фланга была прикрыта болотистой долиной р. Радегаст, с правого — густым лесом.

Утром 9 декабря Стенбок двинулся против правого фланга союзников. Заметив это, они заняли прикрытую болотистым ручьем позицию у деревни Валкенштет. После ожесточенного 2-часового боя датско-саксонские войска были разбиты. Стенбок преследовал противника и захватил всю датскую артиллерию и около 4 тыс. пленных. Кроме того, союзники потеряли 2 тыс. человек убитыми и столько же ранеными. Шведы потеряли около 500 человек¹²⁶. Остатки разбитой армии датчан и саксонцев отошли к Ольдеслоу и Любеку.

Узнав о поражении союзников, Петр I писал Апраксину: «...господа датчане, имея ревность не по разуму, которых... просили, чтоб не вступать в бой, пока мы будем со всею пехотою к ним, и пришли уже мы за четыре мили: но они не дожидаясь нас в бой вступили и баталию потеряли. Но уже славим бога, что не великой урон, а именно 1500 убито их на месте, где и неприятелей более легко; только в полон взято более 2000 пехоты, а конница почитай вся цела, понеже левое крыло скоро побежало»¹²⁷.

Русская армия, спешившая на помощь датчанам, отошла на Силоу и Гистров. Стенбок расположил свои войска по квартирам между Висмаром и Любеком. 19 декабря русская армия выступила из Гистрова к р. Стеру. На состоявшемся в конце декабря военном совете было принято решение преследовать Стенбока, двинувшегося к Гамбургу, всеми соединенными силами — русскими, саксонскими и датскими¹²⁸.

Военные действия в Померании в 1712 г. были закончены. План кампании не был выполнен. Дважды готовившийся десант в Швецию из-за несогласованных действий союзников так и не был осуществлен. Успехи союзников ограничились лишь захватом Штаде и Бремена.

* * *

В 1713 г. военные действия были перенесены в Голштинию, куда вступили русские войска, преследуя шведскую армию Стенбока. В начале января они расположились в окрестностях Гамбурга, Стенбок находился в Пиннеберге. Имея у себя в тылу сильную датскую крепость Рендсбург, Стенбок не решился вступить в бой и отошел из Пиннеберга к Фридрихштадту. 12 (23) января в Рендсбурге собралась вся союзная армия. Она состояла из 42 русских батальонов и 29 эскадронов, 9 датских батальонов и 31 эскадрона и 3 саксонских батальонов и 23 эскадронов¹²⁹. В конце января русская армия достигла Гузума и стала напротив неприятеля. Шведская армия стояла в Эйдерштеде.

Стенбок расположил свои войска следующим образом: 1 тыс. человек — в Ульвесбюле, в Фридрихштадте — 4 полка пехоты и 4 тыс. кавалерии. Другие пехотные отряды защищали проходы, сделанные в плотинах, ведущих в Эйдерштед.

Шведская армия занимала сильную позицию. Она находилась вблизи моря, была окружена непроходимыми в условиях распутицы болотами и каналами. Подойти к ней можно было только двумя узкими плотинами, «укрепленными перекопами и батареями»¹³⁰. Петр предложил союзникам атаковать неприятеля объединенными силами, но те, считая позицию шведов неприступной, отказались принимать участие в операции. Кроме того, датский король не соглашался оставаться в Гузуме, если не получит в подкрепление несколько русских полков. В итоге было принято решение датско-саксонским войскам, подкрепленным четырьмя полками русской пехоты, остаться в Гузуме «дабы, — как писал Петр, — неприятеля чрез дам лежащий к Гузуму не пропустить; а достальным российским войскам ити к местечку Швабстеду, от которого лежит другой дам к Фридрихштату (укрепленный перекопами и батареями от неприятеля)»¹³¹.

31 января (11 февраля) русские двинулись по дамбам двумя колоннами: пехотой командовал Петр, а кавалерией, следовавшей по другой дамбе, Меншиков. Шведы, обнаружив наступление русских, побросав в воду пушки, отступили. Ненастное время года и плохие дороги затруднили преследование неприятеля, которого «догнать было не возможно; понеже такая была вязкая грязь, что не только со всех солдат обувь стащило, но у многих лошадей подковы выдрало»¹³². Шведы в этом бою потеряли 300 человек пленными и 13 убитыми, потери русских составили 2 человека убитых и 5 раненых¹³³.

Под Фридрихштадтом русская армия нанесла решающее поражение Стенбоку. От окончательного уничтожения шведов спас-

ло только то, что голштинский герцог-администратор, нарушив свой нейтралитет в Северной войне, впустил Стенбока в крепость Тоннинген. Укрывшись здесь, Стенбок надеялся на поддержку западных держав, и в первую очередь Англии. Ходили упорные слухи, что шведам на помощь идет английская эскадра, курсировавшая неподалеку. В связи с этим Петр I 13 (24) февраля направил английской королеве грамоту, в которой писал, что «ежели помянутая молва... основание имеет и Ваше Величество себя в пользу шведов против нас объявите оным действительно помогать, или прямо против нас, или против кого из наших союзников, что неприятельского начинать и тако на нас наступать будете, то... мы тогда принуждены будем в нашей правде со всеми силами, купно с нашими союзниками всем тем, которые на нас таким несправедливым образом наступать будут, противиться и борониться искать будем, употребляя к этому все оные способы, которые нам случай подаст»¹³⁴.

Англия не решилась послать свою эскадру в Зунд, так как это вызвало бы разрыв русско-английских торговых отношений. В результате военные действия против Стенбока возобновились. 3 (14) марта на военном совете в Гузуме было принято решение русско-датско-саксонским войскам приготовиться к блокаде и атаке Тоннингена, «к чему повелено изготовить немедленно 60 000 фашин и 1000 шуров, и оное приготовление началось... с 6 числа»¹³⁵.

Союзники с суши и со стороны моря осадили крепость. Петр, поручив осаду Меншикову, отбыл в Россию. Верховное командование союзными войсками принял на себя датский король. Были вырыты траншеи, строились мортирные батареи. Положение осажденных было тяжелым: в городе не хватало продовольствия, пресной воды. Датские корабли стояли в устье реки Эйдера и не давали возможности подвезти в крепость съестные припасы. Так, ими было захвачено 15 шведских судов с продовольствием, обмундированием и дровами, которые шли к Тоннингену¹³⁶. В результате лишений в городе разразилась эпидемия, которая унесла более 4 тыс. человек. Видя бесполезность дальнейшего сопротивления, Стенбок вынужден был капитулировать. 4 (15) мая была подписана капитуляция, согласно которой Стенбок сдался в плен со всем своим войском (11 485 человек)¹³⁷, оружием и знаменами. В донесении русский посол В. Л. Долгорукий так описывал это событие: «По капитуляции, учиненной с фельтмаршалком швецким Штейнбоком, о которой прежними моими письмами я вам доносил, вчера первая и сего дня другая бригады ис Тонинга вышли и положила знамена и ружье перед войски их союзных величеств пошли в путь свой на квартиры, которые им определены от датчан»¹³⁸.

Шведская армия Стенбока перестала существовать. После капитуляции Стенбока военные действия в Голштинии были закончены, русские и саксонские войска возвратились в Померанию, датские войска остались в Голштинии.

В июне на военном совете в Ванцбеке союзниками было принято решение силами саксонских и русских войск осадить Штральзунд, захватить о. Рюген, русские войска должны были осадить также Штеттин «чтобы оную Штеттинскую крепость одними российскими войсками доставать». Август II обещал поставить артиллерию¹³⁹.

4 (15) июля русско-саксонские войска численностью 17 тыс. человек овладели о. Рюген¹⁴⁰.

В июле 24-тысячная русская армия под командованием Меншикова блокировала Штеттин. В крепости находился 5-тысячный гарнизон и 4 тыс. вооруженных жителей. С прибытием 17 (28) сентября саксонской артиллерии (70 пушек, 2 гаубицы и 30 мортир)¹⁴¹ началась бомбардировка Штеттина. В городе возникли сильные пожары. На следующий день гарнизон крепости капитулировал. Потери русских при осаде Штеттина составили 184 человека убитыми и 365 человек ранеными¹⁴².

После взятия Штеттина он был передан в секвестр¹⁴³ Пруссии. Тем самым она становилась на сторону Северного союза. Позднее, в июне 1714 г., между Россией и Пруссией был подписан договор, по которому Штеттин должен был навсегда остаться во владении Пруссии, а за Россией оставались Ингрия, Карелия с городами Выборгом и Нарвой, Эстляндия с Ревелем¹⁴⁴.

С падением Штеттина военные действия в Померании закончились. Меншикову был дан приказ с армией в 26 тыс. человек идти через Польшу к русским границам, «не чиня отнюдь никаких обид и отягощений обывателям польским, а довольствовались бы токмо одним провиантом определенным...»¹⁴⁵. В Померании русских войск было оставлено 6 тыс. человек¹⁴⁶.

Военные действия в Померании и Голштинии, продолжавшиеся несколько лет, хотя и не оправдали возлагавшихся на них надежд, однако привели к уничтожению шведской армии Стенбока. Достигнутое на поле Полтавского боя было закреплено в Померании и Голштинии.

* * *

Поскольку военные действия в Померании принимали затяжной характер, русское командование, ввиду того что «войне еще не видать, когда конец будет», решило одновременно предпринять самостоятельное наступление со стороны Финляндии. Овладению Финляндией Петр придавал большое значение. Занятие Финляндии и выход русской армии на побережье Ботнического залива создавали непосредственную угрозу территории Швеции. Через Аландские острова на ее земли мог быть высажен десант, что представляло непосредственную опасность Стокгольму. Кроме того, лишившись Финляндии, Швеция теряла один из источников снабжения, а Россия получила залог при ведении мирных переговоров.

О значении Финляндии Петр писал осенью 1712 г.: «Сие глав-

ное дело, чтоб в будущую кампанию как возможно сильныя действия с помощи божиею показат и итить не для разарения а чтоб овладеть хотя она нам не нужна вовсе удерживать но двух ради причин главнейших первое, былоб что при мире уступить... другое что сия провинция сут теткою Швеции ...: нетолко что мяса и протче но дрова оттол и ежели бог допустит летом до Абова то шведская шея мягче гнуца станет»¹⁴⁷.

План кампании 1713 г. в Финляндии предусматривал совместные действия сухопутных войск, галерного и корабельного флотов. Сухопутным войскам (до 5 тыс. человек) ставилась задача наступать вдоль побережья, от Выборга к Гельсингфорсу, освобождая Финляндию от шведских войск. Галерный флот с десантом и продовольствием должен был сразу же при взламывании льда идти от Кроншлота к Гельсингфорсу и, поддерживая наступающую сухопутную армию, овладеть этой крепостью. Затем предполагалось захватить Або¹⁴⁸. Корабельный флот должен был прикрывать действия галерного флота со стороны Финского залива.

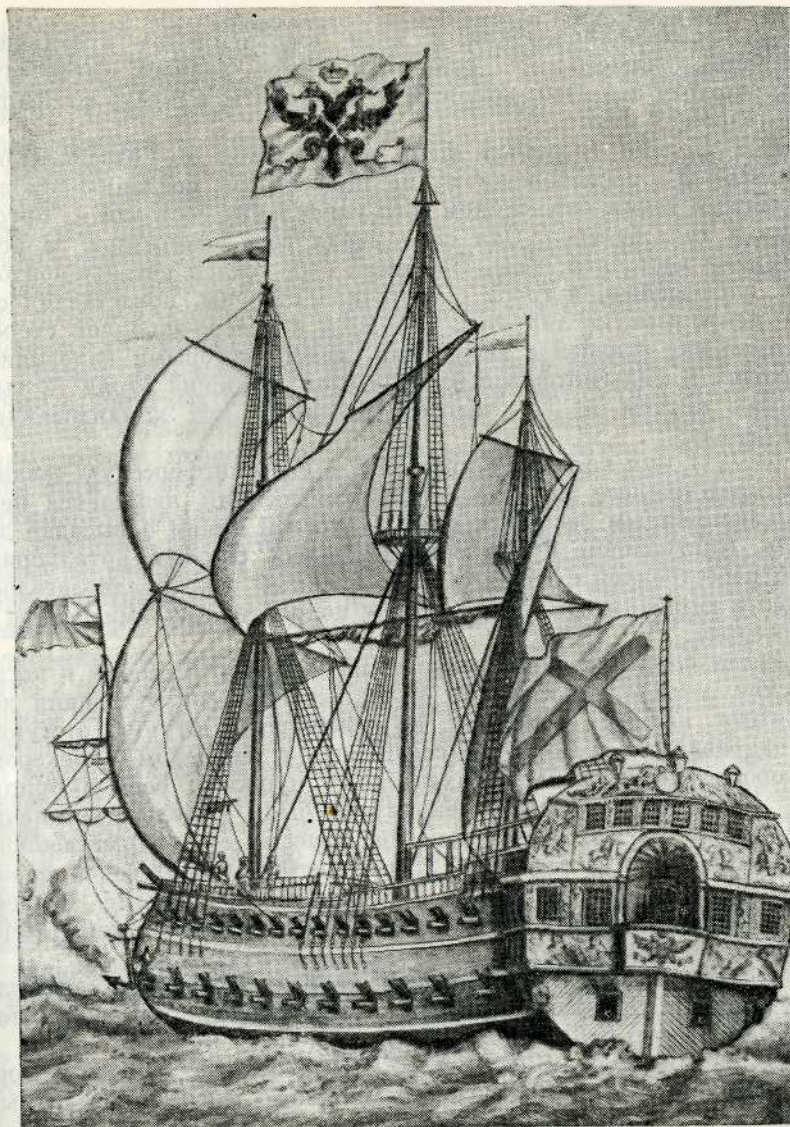
При ведении военных действий в Финляндии указывалось не разорять страну, а довольствоваться контрибуцией, налагаемой на местных жителей. Предполагалось подготовить прочную продовольственную базу в Выборге. Продовольствие приказывалось запасать «в то место, где шхеры начинаются», и оттуда доставлять на бригантинах по всему берегу, где не могут помешать большие шведские корабли¹⁴⁹.

Большую роль в проведении кампании 1713 г. должен был играть флот. Кроме гребного флота, способного действовать в финских шхерах, необходим был сильный корабельный флот. Без такого флота шведы продолжали господствовать на Балтике. Кроме того, без него невозможно было перенести военные действия на территорию Швеции.

Русское командование, понимая важную роль корабельного флота, принимало меры к его увеличению. Кроме постройки судов на отечественных верфях, пришлось обратиться к покупке их за границей. В итоге в 1713 г. в Финском заливе русские имели 13 кораблей и фрегатов, т. е. в 3 раза больше, чем в 1712 г.¹⁵⁰

Большое внимание уделялось усилению и организации галерного флота. В течение зимы 1712/13 г. было построено 90 бригантин, 50 скамповей, 3 прама, которые к началу апреля прибыли в Петербург¹⁵¹. Галерный флот получил строгую организацию. В него входили 3 дивизии, каждая из которых имела 1 полугалеру, 20 скамповей, 10 бригантин, 20 карбасов и экипаж пехоты в 5400 человек¹⁵².

В конце апреля русский галерный флот в составе 204 судов с десантом в 16 050 человек прибыл из Петербурга в Кроншлот, где соединился с корабельным флотом (4 линейных корабля, 2 фрегата, бомбардирский корабль и 2 шнявы)¹⁵³. 2 (13) мая соединенный флот направился к Гельсингфорсу. Корабельный флот, к которому присоединились 3 линейных корабля и 2 фре-

ПЕРВЫЙ ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ
РУССКОГО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА «ПОЛТАВА».
1712 г.

гата из Ревеля, сопровождал галерный флот до Березовых островов, где флоты разошлись. Галерный флот отправился шхерами вдоль берегов Финляндии, а корабельный должен был крейсировать в районе Березовых островов. Последнему приказыва-

лось в случае появления в море «сильнейшего» противника отступать, равного по силе или более слабого — атаковать, к Кроншлоту без необходимости не подходить, а ждать возвращения галерного флота¹⁵⁴.

8 (19) мая галерный флот приблизился к Гельсингфорсу (Хельсинки), расположенному на полуострове, соединяющемся с материком узким перешейком. Его укрепления состояли из брустверов и трех батарей. Они опоясывали весь полуостров, за исключением восточной косы. Перешеек был усилен ретрашементом. Вал, опоясывающий город с восточной стороны, представлял собой непрерывную линию. С западной и северо-западной сторон он имел вид флешей с выступами, между которыми находились проходы. В Гельсингфорсе располагался шведский отряд (2 тыс. человек пехоты и 300 человек конницы) под командованием Армфельда¹⁵⁵.

10 (21) мая весь флот двинулся в Гельсингфорскую гавань. Для предстоящего боя была отдана диспозиция, явившаяся первым письменным распоряжением в русской армии о высадке десанта. Наступление флота сопровождалось сильной артиллерийской перестрелкой с обеих сторон. Главный удар предполагалось нанести юго-западнее города с тылу неприятеля силами центра и арьергарда.

Артиллерийская перестрелка вызвала пожар в городе, и когда русские высадили десант, то он не встретил сопротивления неприятеля. Генерал Армфельд, не дождавшись штурма, отступил по направлению к Борго на соединение с генералом Либекером. В городе русскими было захвачено 4 пушки и боевые припасы¹⁵⁶. Для преследования неприятеля были выделены незначительные силы, которые не могли нанести ему существенного вреда. Несмотря на численное превосходство русских войск, отряд Армфельда не был уничтожен. Причинами этого явились медленность высадки десанта, неудачный выбор места высадки, потеря времени на перестрелку.

Апраксин в письме к Крюйсу писал: «Правда происходило нам незнание ситуации того места: ежели б подлинно знали, тоб могли всех тамо поймать без великаго труда»¹⁵⁷.

Армия Либекера (около 15 тыс. человек), стоявшая у Борго, оказалась в тылу у русского галерного флота и десантных войск и угрожала их коммуникациям. Кроме того, со стороны моря в любой момент мог подойти шведский флот.

Учитывая сложившуюся обстановку, русское командование приняло решение оставить Гельсингфорс, занять Борго, отбросив от него шведские войска. 11 (22) мая русские войска, погрузившись на суда, двинулись к Борго. На другой же день на Гельсингфорсский рейд пришел шведский корабельный флот. Это подтвердило правильность принятого решения.

К вечеру 11 мая русская галерная эскадра подошла к Борго. Для высадки десанта и атаки войск Либекера была дана диспозиция. В ней указывалось о выделении передового отряда, кото-

рый должен был обозначить назначенные для высадки места для авангарда, центра и арьергарда. Либекер, не оказав сопротивления высадившемуся 14 мая десанту, отошел к деревне Мензала¹⁵⁸. Было решено создать временную базу для русских войск недалеко от Борго на о. Форсё.

В конце мая армия и галерный флот сосредоточились у Форсё. Сюда же подошел и 7-тысячный отряд кавалерии под начальством генерал-майора А. Г. Волконского. 30 скамшавей под командованием Бописа пошли к Гельсингфорсу для наблюдения за шведской эскадрой вице-адмирала Лиллье в составе 8 линейных кораблей, 1 фрегата, 1 шнявы и отряда транспортных судов, стоявших на Гельсингфорском рейде¹⁵⁹.

Русское командование приняло решение совместными действиями сухопутных войск, корабельного и галерного флотов вновь захватить Гельсингфорс и уничтожить эскадру Лиллье. Заняв Гельсингфорс, предполагалось укрепить его. Затем ставилась задача идти к Або и захватить его. В случае, если неприятель займет сильную позицию и не пропустит сухопутные войска к городу, галерный флот должен был обойти его шхерами и разбить. После закрепления в Або галерный флот должен был контролировать Ботнический залив и не пропускать подвоз запасов из Финляндии в Швецию. Войскам предписывалось в случае встречи с неприятелем, превосходящим русские силы, в сражение не вступать, а оставаться в крепостях; бой принимать лишь тогда, когда можно рассчитывать на успех. Однако план, задуманный русским командованием, полностью выполнить не удалось. В частности, не была уничтожена эскадра вице-адмирала Лиллье. На пути в Ревель 11 (22) июля эскадра корабельного флота под командованием адмирала Крюйса в составе 7 линейных кораблей, 4 фрегатов, 2 шняв неожиданно встретила три шведских корабля из эскадры Лиллье, посланных на разведку¹⁶⁰. Во время погони и завязавшегося боя три русских корабля, в том числе и флагманский корабль Крюйса, сели на мель, а остальные прекратили бой и дали возможность неприятелю уйти. Два корабля были сняты с мели, а третий был оставлен экипажем и сожжен¹⁶¹.

Этот случай показал слабую подготовку русского корабельного флота, поэтому командование было вынуждено отказаться от его использования при взятии Гельсингфорса. Корабельный флот возвратился в Кроншлот.

12 (23) июля русская армия и гребной флот под командованием Ф. М. Апраксина сосредоточились у Гельсингфорса. Неприятель имел здесь 16 кораблей, несколько судов с провиантом из эскадры Лиллье. Кроме того, недалеко от Гельсингфорса находилось еще 7 шведских судов (5 кораблей, фрегат и шнява)¹⁶². Несмотря на значительные силы, шведские суда без боя оставили Гельсингфорс и заняли позицию у Тверминне, преграждая путь гребному флоту в Або-Аландский район.

15 (26) июля русские войска вторично заняли Гельсингфорс. Это имело большое стратегическое значение. Неприятель лишил-

ся своей последней базы в Финском заливе. Взятие Гельсингфорса также было важно для развития наступательных действий в Финляндии. Петр I так оценивал взятие Гельсингфорса: «Неприятельская эскадра под командой вице-адмирала Лиллье из Финского моря выбита... и тако — неприятелю ныне нет ближе гавани, как Готланд и Эланд»¹⁶³.

Захватив Гельсингфорс, русские приступили к его укреплению. Были возведены батареи, построены редуты, проходы между островами, кроме одного¹⁶⁴, завалены камнями, началась постройка новой крепости, в Гельсингфорсе устроен магазин для снабжения армии и флота.

17 (28) августа русская армия выступила из Гельсингфорса к Або. Сухопутный отряд численностью 10—12 тыс. человек под командованием М. М. Голицына двигался вдоль берега, галерная эскадра под командованием Боциса в составе 29 скампов с десантом, всего около 4 тыс. человек, шла к Або шхерами. В Гельсингфорсе был оставлен гарнизон в 3 тыс. человек, в Форсби — около 1 тыс. человек; команда тыловых транспортов имела около 800 человек¹⁶⁵.

28 августа (8 сентября) русские войска, разбив арьергард противника, заняли Або. Либекер с войском отошел к Тавастгусу. Эскадра Лиллье, стоявшая у Тверминне, преграждала проход к Або русскому галерному отряду. Это лишало русские войска в Або помощи флота, а также возможности получать продовольствие морским путем.

Невозможность держать крупные силы в Або, затруднения с продовольствием и фуражом, а также опасение быть отрезанными от Гельсингфорса заставили русское командование принять решение отступить на зиму из Або в Гельсингфорс. Сюда же должен был вернуться и галерный флот. В Або был оставлен незначительный гарнизон.

Закончить кампанию 1713 г. планировалось ударом по корпусу Либекера.

В конце сентября русская армия численностью 14—16 тыс. человек пехоты и конницы под начальством Ф. М. Апраксина подошла к Тавастгусу. Шведы, узнав о приближении русских, «пометав пушки», которые в крепости были, в воду, оставили крепость и отошли от Тавастгуса на расстояние 4 мили¹⁶⁶.

Генерал Армфельд, назначенный вместо Либекера¹⁶⁷, с войсками (около 11 тыс. человек) занял сильную позицию у р. Пелкина. Эта позиция прикрывала направление на Васу и угрожала русским сообщениям с Гельсингфорсом. В тактическом отношении позиция шведов, расположенная между озерами Маллас-Веси и Пелькяне-Веси, была недоступна с фронта и хорошо защищена с флангов. Фронт шведской позиции, усиленный укреплениями и прикрытый рекой Пелкина, тянулся на 1,5 км. 2 октября русская армия подошла к шведской позиции. Проведенная рекогносцировка показала, что атаковать неприятеля с фронта невозможно и обойти с тыла также нельзя. Апраксин принял

решение нанести удар десантом в тылу противнику, построив для этого плоты, и одновременно произвести демонстративную атаку с фронта через р. Пелкина.

Для обхода был выделен десантный отряд силой в 6 тыс. человек под начальством генерал-лейтенанта М. М. Голицына. Отряду была отдана диспозиция, явившаяся первым в русской военной истории документом для атаки десантом в озерных условиях.

На рассвете 6 (17) октября 1713 г. десантный отряд совершил переправу на плотях через озеро Маллас-Веси. Поднявшийся туман способствовал успешной высадке. Шведы, обнаружив русских, направили туда конницу. Завязались перестрелка. Положение головных частей десанта стало еще более тяжелым, когда подошли два пехотных шведских полка. В то время, когда авангард десанта упорно сражался, высадились остальные силы десанта и ударили во фланг шведов. Одновременно с десантом тремя колоннами начали форсирование р. Пелкина войска под командованием Апраксина, стоявшие перед фронтом. Конница Волконского перешла реку вброд и ударила с тыла по правому крылу неприятеля. Пехотные полки Головина и Брюса (4 тыс. человек) переправились на плотях и ударили в центр неприятеля. Бой шел по всему фронту и в тылу противника. Разбитые шведы отступили. «И тако ... по трех часном бою от озера и чрез реку из всех крепостей неприятеля выбили, и полную викторию получили»¹⁶⁸. В этом бою шведы потеряли около 577 человек убитыми, свыше 233 человек пленными, 6 пушек, 2 гаубицы и 8 знамен. Потери русских составили 673 человека убитыми и ранеными¹⁶⁹. В бою при р. Пелкина русские войска применили новые для того времени способы ведения боя: сочетание фронтального удара с обходом фланга противника путем высадки десанта, решительный штыковой удар, атака колонной.

После поражения на р. Пелкине шведские войска отошли в район Васы. Русские войска (15 тыс. человек) под командованием М. М. Голицына¹⁷⁰ расположились на зимние квартиры в районе Бьёрнеборга, в 120 км к северу от Або.

В ходе кампании 1713 г. русскими войсками была занята большая часть Финляндии. Русские утвердились на побережье Ботнического залива и могли угрожать Швеции высадкой десанта на ее территорию. Однако хотя русскими войсками и был захвачен Або, но закрепиться там и создать продовольственную базу они не смогли. Этому помешал шведский флот, стоявший в Тверминне, в силу чего было нарушено взаимодействие сухопутной армии и флота.

К 1714 г. сухопутная мощь Швеции была уничтожена, однако она еще оставалась сильной на море. Решающего успеха в войне можно было добиться, только разгромив военно-морские силы Швеции. После того как Дания отказалась участвовать в кампании 1714 г. и оказать помощь России своим флотом, план кампании был изменен. России пришлось рассчитывать только на

свои силы. Русским командованием было принято решение продолжать наступление в Финляндии.

В 1714 г. планировались совместные действия флота и сухопутных сил. Главный удар намечалось нанести в районе Або, куда должен был подойти русский галерный флот с десантом, артиллерией, боеприпасами и продовольствием. После захвата Або необходимо было занять Аландские острова и развернуть военные действия на территории Швеции. Корабельный флот должен был прикрывать галерный флот, двигавшийся в Финляндию, до входа его в шхеры, после чего ему следовало отойти к Ревелю и не допускать неприятеля в Финский залив. В случае необходимости он должен был оказать помощь галерному флоту. Сухопутным войскам под командованием М. М. Голицына была поставлена задача развернуть наступление в Финляндии, разбить шведские войска К. Армфельда и, если представится возможность, «оного выгнать с берега через море, то б зело изрядно; буде же с берегу сбить невозможно, то загнать от Вазы к Торну», очистить от шведов Ботническое побережье между Умео и Васой.

К началу весенней кампании 1714 г. Россия имела большой галерный флот, который состоял из 186 судов с 870 орудиями, а ее корабельный флот состоял из 17 линейных кораблей, 4 фрегатов, 5 шняв и 902 орудий¹⁷¹.

Шведский флот к началу кампании 1714 г. состоял из двух эскадр и насчитывал в своем составе до 30 линейных кораблей. По плану шведского командования, одна эскадра должна была действовать в южной части Балтийского моря против датского флота. Другая эскадра, под командованием адмирала Ватранга, — против русских у берегов Финляндии.

В конце апреля эскадра под командованием Ватранга в составе 17 линейных кораблей, 5 фрегатов, 2 бомбардирских кораблей, 2 бригантин, 1 брандера и 6 галер¹⁷² заняла позицию у мыса Гангут. Кроме того, шведский галерный отряд в составе одиннадцати галер и нескольких шхерботов под командой шаутбенахта Таубе занял позицию у о. Аланд¹⁷³.

В начале февраля М. М. Голицын с отрядом в 5588 человек пехоты и 2907 человек конницы выступил к Васе¹⁷⁴, где у деревни Лаппола стояли шведские войска Армфельда (12—14 тыс. человек). Узнав о движении русских войск, Армфельд решил дать сражение. 16 (27) февраля у деревни Лаппола на обоих берегах замерзшей реки Киро шведские войска построились в две линии. В центре стояла пехота, на флангах конница. Позади второй линии пехоты располагался резерв (финское ополчение). Шведы в этой позиции три дня ждали подхода русских войск. Узнав расположение главных сил неприятеля, Голицын принял решение, прикрывшись частью кавалерии с фронта, основными силами совершить обходный маневр и нанести удар по левому флангу и тылу шведов.

В ночь на 19 февраля (2 марта) русские войска пошли в обход позиции шведов и вышли во фланг неприятеля. Обнаружив

обход русских, шведы успели перестроить боевой порядок в две растянутые линии фронтом на север: пехота — в центре, кавалерия — на флангах. Голицын построил свои войска не по правилам линейного боевого порядка, принятым на Западе. Пехота была выстроена в две линии развернутых батальонов. Позади нее в две линии колоннами стояла кавалерия. Артиллерия была расположена по флангам. Такое построение войск создавало большую глубину боевого порядка, сосредоточение же артиллерии на флангах обеспечивало их от возможности охвата. Одновременно Голицын направил три драгунских полка в обход по левому берегу озера Кюро.

Когда шведы пошли на русских, то те, подпустив их на близкое расстояние, открыли сильный огонь. Шведская пехота ударила в штыки. Это заставило русскую пехоту податься назад. Однако шведская кавалерия, не поддержав свою пехоту, отступила к Веро. Голицын воспользовался этим. Русская пехота атаковала противника, охватывая его с обоих флангов, а спешенные четыре драгунских полка ударили в тыл неприятеля. После 3-часового боя шведы были разгромлены. Потери шведских войск составили 5133 человека убитыми и 534 пленными, 7 пушек, 1 гаубица, 20 знамен. Русские потери составили 421 человек убитыми и 1047 ранеными¹⁷⁵.

Успех сражения был достигнут благодаря тщательной разведке, правильному выбору направления атаки, взаимодействию пехоты и кавалерии. Новым моментом в военном искусстве явилось глубокое построение боевого порядка (в четыре линии) вместо двухлинейного, а также сосредоточение артиллерии на флангах вместо равномерного распределения по фронту. Победа при Лаппола имела и большое стратегическое значение. После поражения остатки корпуса Армфельда отступили на север Финляндии. В руках неприятеля оставалась крепость Нейшлот. Русским командованием было принято решение выбить оттуда шведов.

Нейшлот являлся сильной крепостью. Ее окружала каменная стена неправильной треугольной формы. Западный и северный фронты крепости усиливались казематированными пристройками. Более слабыми укреплениями являлись южные и юго-восточные¹⁷⁶. С южной стороны непосредственно к Нейшлоту подступало Сайминское озеро. Крепость соединялась со страной двумя дорогами: к Кексгольму и Лаппстранду. В ней находился шведский гарнизон силой в 561 человек¹⁷⁷. Артиллерийское вооружение состояло из 31 орудия¹⁷⁸.

Проверенная русскими рекогносцировка крепости показала, что для ее обложения необходимо было участие сухопутных сил и речного флота.

Для осады Нейшлота русским командованием был сформирован осадный отряд в 1686 человек с 30 орудиями¹⁷⁹ под началом Выборгского коменданта полковника И. Шувалова. В особой инструкции от 21 мая (1 июня)¹⁸⁰ Шувалову было приказано сдать командование Выборгской крепостью, следовать к Нейшлоту

и после присоединения к отряду конницы блокировать крепость. После возведения осадных сооружений Шувалов приказывалось начать артиллерийский обстрел крепости. Штурм разрешался лишь как крайнее средство и при условии, что он не будет сопровождаться большими потерями. «Буде ж крепость не в таком слабом состоянии, чтоб ее без урону своих людей и без великой тягости достать или неприятеля к сдаче на дискрецию принудить, то принуждать на какую возможно капитуляцию, а именно легче того капитуляции не чинить чтоб, крепость приняв, гарнизон отпустить, куда похотят»¹⁸¹. Для наблюдения за полевыми войсками неприятеля предписывалось высылать разъезды.

Выполняя указания командования, Шувалов 19 (30) июня с отрядом подошел к Нейшлоту. Крепость оказалась блокированной как с суши, так и со стороны Сайминского озера, куда подошли речные суда русских.

Главная инженерная атака была направлена на западный фронт крепости. Здесь русские провели первую линию траншей и установили на ней две батареи. Вторая линия траншей длиною около 150 саженей проходила непосредственно по берегу озера. Она охватывала крепостную стену с севера и была удалена от нее на 80—120 саженей. На ней, как и на первой, также были установлены две батареи. Для обеспечения правого фланга у острова Сталгольм было построено сомкнутое укрепление в виде редута. На речных судах по Сайминскому озеру была доставлена часть отряда для проведения вспомогательной атаки против северного фронта. Здесь осаждающие заложили траншеи и возвели две батареи.

Около месяца длились окопные работы. После отказа коменданта сдать крепость русские открыли по ней артиллерийский обстрел, продолжавшийся пять суток. 29 июля (9 августа) крепость капитулировала. Гарнизон получил свободный выход и был отпущен в Куопио. В крепости русские нашли 13 пушек¹⁸². Оставив в Нейшлоте гарнизон в 515 человек пехоты и 318 человек конницы, русская пехота и речные суда выступили к Выборгу, конница отошла к Кексгольму.

Осада Нейшлота была единственной инженерной атакой, проведенной русской регулярной армией на территории Финляндии.

* * *

В кампании 1714 г. большие задачи стояли перед флотом. 9 (20) мая русский гребной флот под командованием генерал-адмирала Ф. М. Апраксина (99 судов с 15-тысячным десантом) вышел из Петербурга к Кроншлоту. В дальнейшем он должен был взаимодействовать с войсками Голицына. В середине мая гребной флот под прикрытием парусного флота (9 линейных кораблей, 5 фрегатов, 3 шнявы и др.) под командованием Петра I направился к Гельсингфорсу. Достигнув Выборга, флоты разошлись: корабельный пошел в Ревель, галерный — в Гельсингфорс.

Из Гельсингфорса галерный флот перешел к Тверминне. Даль-

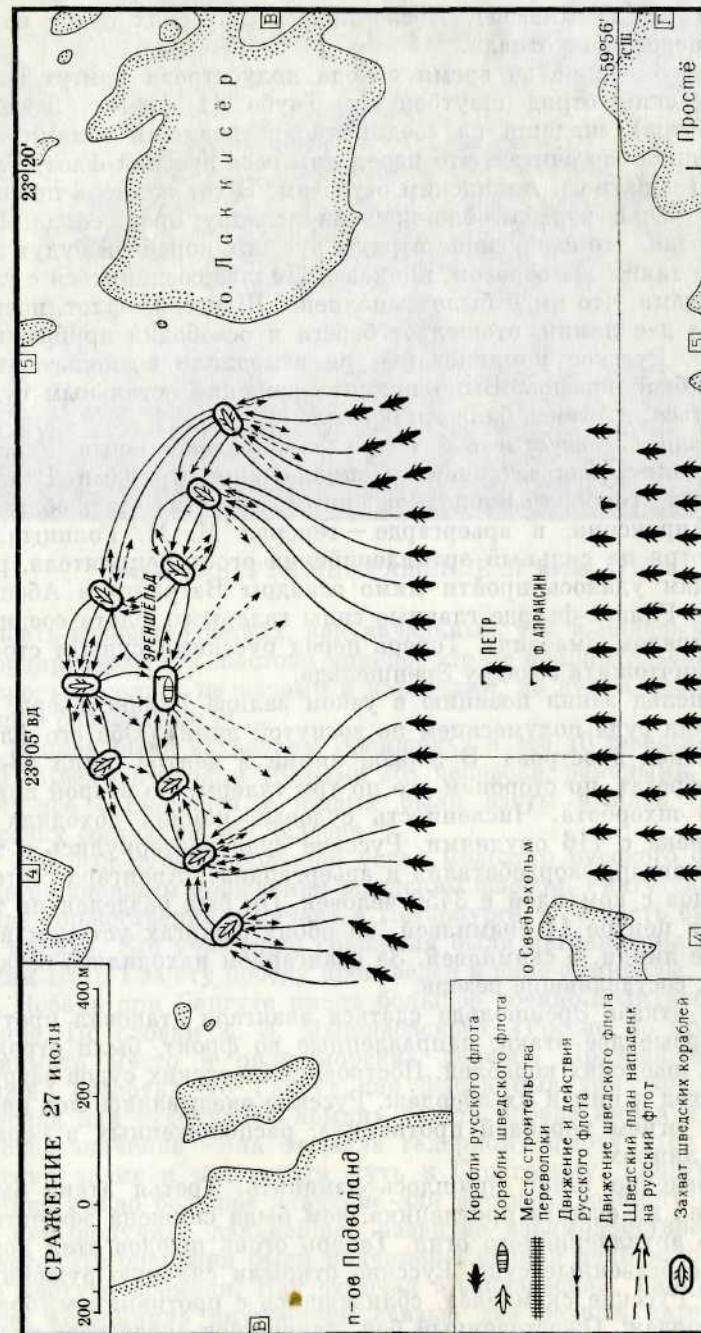
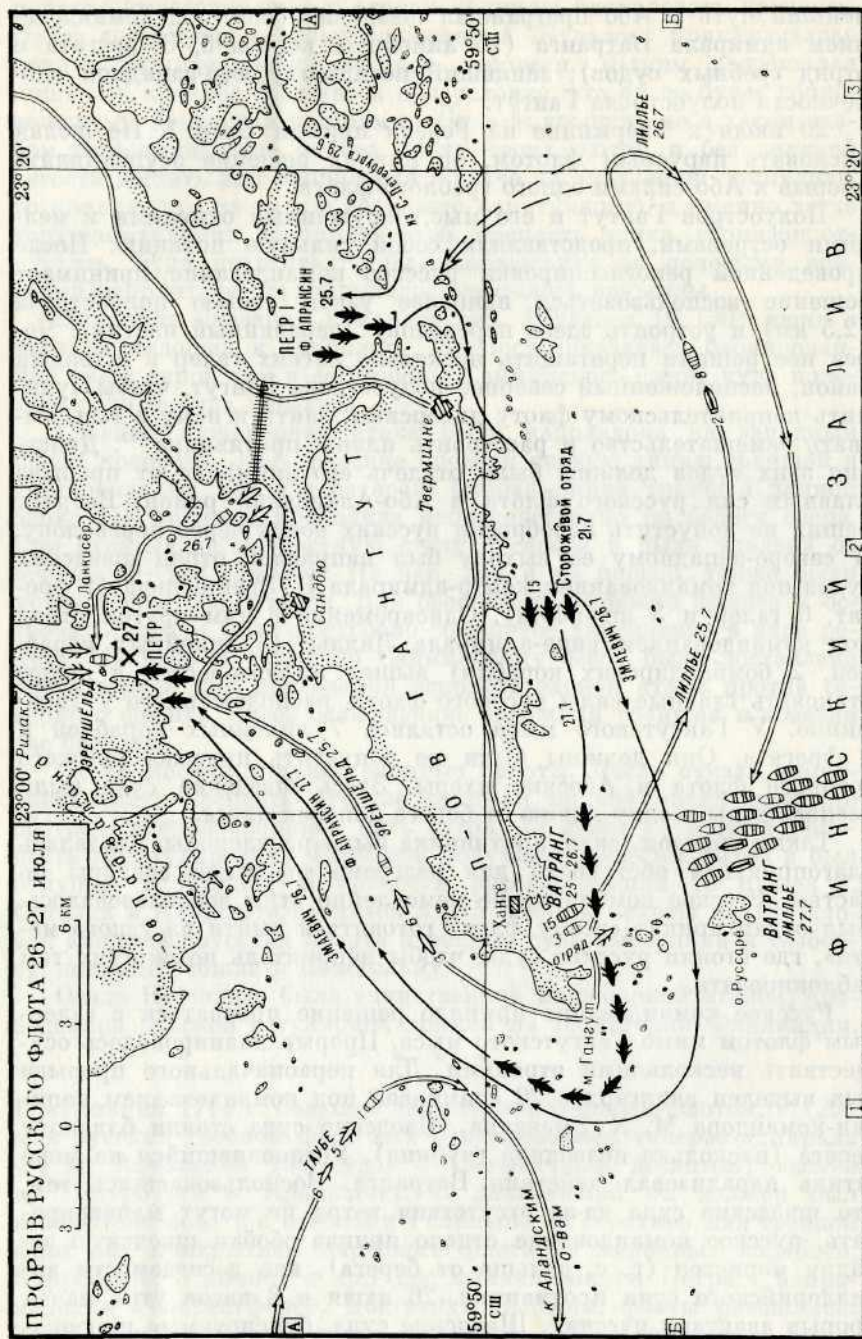
нейший путь к Або преграждал шведский флот под командованием адмирала Ватранга (15 линейных кораблей, 3 фрегата и отряд гребных судов), занявший позицию у юго-западной оконечности полуострова Гангут.

20 июля к Тверминне из Ревеля прибыл Петр I. Не желая рисковать парусным флотом, он принял решение осуществлять прорыв к Або силами одного гребного флота.

Полуостров Гангут и его мыс, окруженный отмелями и мелкими островами, представляли собой сильную позицию. После проведенной рекогносцировки русское командование принимает решение воспользоваться наиболее узкой частью полуострова (2,5 км) и устроить здесь переволоку (деревянный настил). Через нее решили перетащить несколько легких галер в шхерный район, расположенный севернее полуострова Гангут, чтобы «учинить неприятельскому флоту диверсию», зайти к нему в тыл, вызвать замешательство и расстроить планы противника¹⁸³. Действия этих судов должны были отвлечь его внимание от прорыва главных сил русского флота в Або-Аландский район. Ватранг решил не допустить переброски русских войск через переволоку. К северо-западному ее выходу был направлен отряд шведских судов под командованием контр-адмирала Н. Эреншёльда (1 фрегат, 6 галер и 3 шхербота). Одновременно с ним другой отряд под командованием вице-адмирала Лиллье (8 линейных кораблей, 2 бомбардирских корабля) вышел на юго-восток с целью атаковать главные силы русского флота, расположенного у Тверминне. У Гангутского мыса остались 7 линейных кораблей и 2 фрегата. Они должны были не допустить прорыва русского гребного флота в Абоские шхеры. Здесь шведские суда были расположены в одну линию от берега поперек плеса.

Таким образом, силы противника были расчленены. Создалась благоприятная обстановка для разгрома шведской эскадры по частям. Русское командование немедленно этим воспользовалось. Был отдан приказ «всему флоту готовиться выйти из узкого места», где стояли русские суда, чтобы неприятель не смог их там заблокировать.

Русское командование приняло решение прорваться с галерным флотом мимо Гангутского мыса. Прорыв планировалось осуществить несколькими отрядами. Для первоначального прорыва был выделен авангард в 20 скампов под командованием капитан-командора М. Х. Змаевича. Шведские суда стояли близко у берега (насколько позволяла глубина). Установившийся на море штиль парализовал действия Ватранга. Воспользовавшись тем, что шведские суда из-за отсутствия ветра не могут маневрировать, русское командование отдало приказ обойти шведскую эскадру мористее (т. е. дальше от берега), вне досягаемости артиллерийского огня противника. 26 июля в 8 часов утра начал прорыв авангард русских. Шведские суда, буксируемые шлюпками, очень медленно двинулись к месту прорыва. Сильный огонь с вражеских судов не причинил вреда прорвавшемуся авангарду

ГАНГУТСКОЕ МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ 26-27 ИЮЛЯ 1714 Г.

Змаевича. Вслед за ним осуществил прорыв и сторожевой отряд Лефорта (15 скамповей). После прорыва русских судов надобность в переволоке отпала.

Отряд Змаевича во время обхода полуострова Гангут встретил шведский отряд шаутбенахта Таубе (1 фрегат, 5 галер, 6 шхерботов), шедший на соединение с главными силами Ватранга. Ошибочно считая, что перед ним весь русский флот, Таубе повернул обратно к Аландским островам. В тот же день прорвавшиеся русские корабли блокировали эскадру Эреншельда. Ватранг, считая, что следующие отряды русских кораблей будут прорываться таким же образом, приказал Лиллье соединиться с главными силами, что им и было выполнено. Шведский флот, построившись в две линии, отошел от берега и освободил прибрежный фарватер. Русское командование не замедлило воспользоваться этой ошибкой шведов. Было принято решение остальным судам прорываться, двигаясь ближе к берегу.

27 июля (7 августа) в 4 часа утра начался прорыв. Русские суда двигались кильватерной колонной тремя отрядами. В авангарде шел генерал Вейде, за ним следовала кордебаталия Ф. М. Апраксина, в арьергарде — генерал М. М. Голицын.

Несмотря на сильный артиллерийский огонь неприятеля, русским судам удалось пройти мимо эскадры Ватранга в Абоские шхеры. В Рилакс-фьерде главные силы галерного флота соединились с отрядом Змаевича. Теперь перед русскими судами стояла задача уничтожить эскадру Эреншельда.

Эреншельд занял позицию в узком заливе Рилакс-фьерд. Он расположил суда полумесяцем по вогнутой линии. Оба его фланга упирались в острова. В первой линии в центре стоял 18-пушечный фрегат, по сторонам его по три галеры. Во второй линии стояли 3 шхербота. Численность судовых команд доходила до 941 человека с 116 орудиями. Русские суда развернулись в три линии (авангард, кордебаталия и арьергардия). Авангард состоял из 23 судов с командой в 3450 человек. Он был разделен на три группы: в центре 11 скамповей, на обоих флангах уступом вперед, в две линии, 6 скамповей. За авангардом находились остальные суда, составлявшие резерв.

После отказа Эреншельда сдаться авангард атаковал противника. Первые две атаки, направленные во фронт, были отражены огнем шведских кораблей. Построение шведских судов затрудняло подход к ним и их абсордаж. Русские оказывались под перекрестным огнем кораблей противника, расположенных в первой и второй линиях.

Направление атаки пришлось изменить. Третья атака была направлена на фланг противника, чем была снижена эффективность его артиллерийского огня. Теперь огонь шведов стал поражать их собственные суда. Русские открыли сильную ружейную стрельбу. Русские скамповей, сблизившись с противником, брали его на абсордаж. Ожесточенный бой, длившийся около трех часов, закончился победой. «Воистинну, — отмечал Петр I, — нельзя

Бакуа. ГАНГУТСКОЕ СРАЖЕНИЕ 27 июля 1714 г.

описать мужество наших, как начальных, так и рядовых, понеже абсордированье так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым от пушек разорваны»¹⁸⁴.

В плен были захвачены Эреншельд и все 10 шведских кораблей. Шведы потеряли убитыми 361 человека, ранеными 350 человек; все оставшиеся в живых были взяты в плен¹⁸⁵. Потери русских составили 468 человек¹⁸⁶.

Это был первый большой успех молодого русского флота над еще не знавшим поражения шведским флотом. Гангутская победа была торжественно отмечена в Петербурге, в ее честь была выбита медаль. Все участники сражения были награждены медалями, а сам Петр I за эту победу произведен в вице-адмиралы.

Победа при Гангуте имела большое военно-политическое значение. По словам А. З. Мышлаевского, «Россия по праву стала занимать место в ряду морских держав. Проводя параллель, можно сказать, что Гангут для флота был тем же, чем была Лесная для сухопутной армии»¹⁸⁷. Эта победа имела и стратегическое значение — она открыла галерному флоту вход в Ботнический залив и тем самым путь к Стокгольму. Гангутское сражение имело большое значение для русского военного искусства. В нем получило дальнейшее развитие взаимодействие армии и флота. Их операции были подчинены единой цели и согласованы по месту и времени. Как отмечал Мышлаевский, Гангутская победа «соединила внутренней связью две разные категории наших вооруженных сил, связала их узлами боевого крещения и

упрочила то единение, отражение которого встречается в дальнейших судьбах русских военных сил»¹⁸⁸.

Победа при Гангуте произвела большое впечатление как на Швецию, так и на другие европейские страны. Были приняты срочные меры по защите Стокгольма и шведского побережья: возводились укрепления, стягивались войска. Флоту была поставлена задача прикрывать подступы к Швеции. Эскадры Ватранга и Лиллье отошли к Стокгольму. Отряд шведских судов под командованием Таубе после прорыва русских у Гангута оставил Аландские острова и вернулся в Швецию.

Русский галерный флот занял Або и Аландские острова. Было принято решение укрепить Аландские острова, а главные силы галерного флота с десантом направить к Васе. Флот должен был действовать совместно с кавалерией, выступившей из Тавастгуса. Ставилась задача разбить войска генерала Армфельда, находившегося на севере Финляндии (6 тыс. человек в Брагештадте, 600 человек кавалерии в Нью-Карлеби). Отряд гребных судов под командованием генерал-майора Головина должен был отправиться к берегам Швеции.

В сентябре русский галерный флот прибыл в Васу. При приближении русских шведы без боя оставили Нью-Карлеби и Гамле-Карлеби. Войска Армфельда отступили в Торнио. Вся Финляндия, кроме северо-восточных районов, была занята русскими.

К осени 1714 г. все восточное побережье Ботнического залива было захвачено русскими. Стало возможным осуществить высадку десанта на шведское побережье. В сентябре отряд под командованием Головина (9 скампавей, 1 тыс. человек десанта) вышел из Васы и направился к берегам Швеции. Высадка десанта была осуществлена у города Умео. Не приняв боя, шведы отступили из города. Недостаток продовольствия, ненастная погода заставили русских закончить операции 1714 г. В середине октября отряд Головина присоединился к главным силам русского флота.

¹ Возгрин В. Е. Заключение русско-датского союзного договора 1709 г. // Ист. зап., 1974. Т. 93. С. 310.

² Болдырев В. Осада и взятие Риги Русскими войсками в 1709—10 гг. // Военный сб., 1910. № 7. С. 48.

³ Журнал или Поденная записка... СПб., 1770. Ч. 1. С. 256.

⁴ Там же. С. 260.

⁵ Там же. С. 241.

⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1956. Т. 10. С. 45.

⁷ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 260—261.

⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 177.

⁹ Там же. С. 198.

¹⁰ Там же. С. 213—214.

¹¹ Там же. С. 215.

¹² Там же. С. 627.

¹³ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 263.

¹⁴ Болдырев В. Указ. соч. С. 75.

¹⁵ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 263.

¹⁶ Там же. С. 263—266.

¹⁷ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. С. 435.

¹⁸ Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861. Ч. 2. С. 314.

¹⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 646.

²⁰ Ласковский Ф. Ф. Указ. соч. Ч. 2. С. 315.

²¹ Болдырев В. Указ. соч. С. 73.

²² Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. С. 438.

²³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 229.

²⁴ Книга Марсова... СПб., 1766. С. 133.

²⁵ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 291.

²⁶ Книга Марсова... С. 134—135.

²⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 229.

²⁸ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 292—294.

²⁹ Там же. С. 294.

³⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 286.

³¹ Там же. С. 31.

³² Васильев М. В. Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 г. М., 1953. С. 39.

³³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 57.

³⁴ Там же. С. 56.

³⁵ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом, 1709—1711 гг. М., 1900. С. 176.

³⁶ Васильев М. В. Указ. соч. С. 50.

³⁷ Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1893. Вып. 5. С. 89.

³⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 142.

³⁹ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 244.

⁴⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 120.

⁴¹ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 245—246.

⁴² Сборник военно-исторических материалов. Вып. 5. С. 101.

⁴³ Васильев М. В. Указ. соч. С. 73.

⁴⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 190, 191, 192, 193, 194.

⁴⁵ Там же. С. 193.

⁴⁶ Мышлаевский А. З. Россия и Турция перед Прутским походом // Военный сб., 1901. № 1. С. 15.

⁴⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1952. Т. 9, вып. 2. С. 978.

⁴⁸ Мышлаевский А. З. Указ. соч. С. 16.

⁴⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 35.

⁵⁰ Там же. С. 508.

⁵¹ Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 70—71.

⁵² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 662.

⁵³ Там же. С. 235.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 384.

⁵⁶ Там же. С. 769.

⁵⁷ Там же. С. 444.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. М., 1962. Т. 11, вып. 1. С. 24—25.

⁶⁰ Там же. Т. 10. С. 445.

⁶¹ Там же. Т. 11, вып. 1. С. 19.

⁶² Шереметев Б. П. Военно-походный журнал 1711—1712 гг. СПб., 1898. С. 9.

⁶³ Орешкова С. Ф. Указ. соч. С. 94.

⁶⁴ Мышлаевский А. З. Указ. соч. // Военный сб., 1901. № 2. С. 39—47.

⁶⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11, вып. 1. С. 20, 23.

⁶⁶ Петр Великий на берегах Прута // Журнал министерства народного просвещения, 1847. Ч. 53, № 1. С. 47—49.

⁶⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11, вып. 1. С. 177.

⁶⁸ Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1898. Вып. 12. Война с Турцией 1711 года: Прутская операция. С. 250.

⁶⁹ Кириченко Н. П. К вопросу об участии молдавского народа в Прутском походе русской армии 1711 г. // Ученые зап. Книнева. гос. пед. ин-та, 1957. Т. 8. С. 24.

⁷⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11, вып. 1. С. 278.

⁷¹ Шереметев Б. П. Указ. соч. С. 40.

⁷² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11, вып. 1. С. 546.

⁷³ Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1. Прил. 1. С. 22.

⁷⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 8. С. 197.

⁷⁵ Орешкова С. Ф. Указ. соч. С. 120—121.

⁷⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11, вып. 1. С. 312.

⁷⁷ Там же. С. 567.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

- ⁸⁰ Там же. С. 569.
- ⁸¹ Там же. Т. 11, вып. 2. С. 12.
- ⁸² Орешкова С. Ф. Указ. соч. С. 123—124.
- ⁸³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11, вып. 1. С. 313.
- ⁸⁴ Шереметев Б. П. Указ. соч. С. 54.
- ⁸⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11, вып. 1. С. 571.
- ⁸⁶ Записки бригадира Моро-де-Бразе // Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 8. С. 391—392.
- ⁸⁷ Водарский Я. Е. По поводу работы турецкого историка о Прутском походе 1711 г. // История СССР, 1963. № 6. С. 210.
- ⁸⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11, вып. 1. С. 580.
- ⁸⁹ Шереметев Б. П. Указ. соч. С. 54.
- ⁹⁰ Шереметев Б. П. Указ. соч. С. 55.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11, вып. 1. С. 581.
- ⁹³ Там же. С. 583.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же. Т. 11, вып. 2. С. 354.
- ⁹⁶ Записки бригадира Моро-де-Бразе. С. 396—397.
- ⁹⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11, вып. 2. С. 11—12.
- ⁹⁸ Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1792. Т. 9. С. 63.
- ⁹⁹ Крылова Т. К. Полтавская победа и русская дипломатия // Петр Великий: Сб. статей. М.; Л., 1947. С. 164.
- ¹⁰⁰ Крылова Т. К. Дипломатическая подготовка вступления русской армии в Померанию в 1711 г. // Ист. зап., 1946. Т. 19. С. 58—59.
- ¹⁰¹ Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. Т. 9. С. 143.
- ¹⁰² Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в.: Преобразования Петра I. М., 1954. С. 545.
- ¹⁰³ Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 годах. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896. С. 21.
- ¹⁰⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. С. 545.
- ¹⁰⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1975. Т. 12, вып. 1. С. 305.
- ¹⁰⁶ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. 2-е изд. М., 1838. Т. 4. С. 132.
- ¹⁰⁷ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 343.
- ¹⁰⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12, вып. 2. С. 37—39.
- ¹⁰⁹ Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1894. Кн. 5. С. 124—125.
- ¹¹⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12, вып. 2. С. 57—58.
- ¹¹¹ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 340.
- ¹¹² Цит. по: Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М., 1981. С. 64.
- ¹¹³ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1975, Т. 12, вып. 1. С. 529.
- ¹¹⁴ Там же. Т. 12, вып. 2. С. 311.
- ¹¹⁵ Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. Т. 9. С. 244.
- ¹¹⁶ Голиков И. И. Деяния Петра Великого... Т. 4. С. 122.
- ¹¹⁷ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 341.
- ¹¹⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12, вып. 2. С. 315, 358.
- ¹¹⁹ Материалы для истории русского флота. СПб., 1865. Ч. 1. С. 323.
- ¹²⁰ Бутурлин Д. П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1820. Ч. 1, т. 2. С. 526—527.
- ¹²¹ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 345.
- ¹²² Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 99.
- ¹²³ Бутурлин Д. П. Указ. соч. Ч. 1, т. 2. С. 536.
- ¹²⁴ Там же. С. 535—536.
- ¹²⁵ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 347.
- ¹²⁶ Бутурлин Д. П. Указ. соч. Ч. 1, т. 2. С. 537.
- ¹²⁷ Голиков И. И. Деяния Петра Великого... Т. 4. С. 166—167.
- ¹²⁸ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 348.
- ¹²⁹ Бутурлин Д. П. Указ. соч. Ч. 1, т. 2. С. 543.
- ¹³⁰ Голиков И. И. Деяния Петра Великого... Т. 4. С. 182.
- ¹³¹ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 351.
- ¹³² Там же. С. 353.
- ¹³³ Там же. С. 353—354.
- ¹³⁴ Голиков И. И. Деяния Петра Великого. Т. 4. С. 191, 193.
- ¹³⁵ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 362.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 69.
- ¹³⁸ Цит. по: Крылова Т. К. Гузунские переговоры о Северном мире и капитуляция второй шведской армии Стенбока в мае 1713 г. // Полтавская победа. М., 1959. С. 206.
- ¹³⁹ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 380.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ Бутурлин Д. П. Указ. соч. Ч. 1, т. 2. С. 586.
- ¹⁴² Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 393.
- ¹⁴³ Т. е. во владение до окончания Северной войны.
- ¹⁴⁴ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 396.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 396.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 397.
- ¹⁴⁷ Сборник военно-исторических материалов. Вып. 5. С. 175.
- ¹⁴⁸ Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. Т. 9. С. 333.
- ¹⁴⁹ Материалы для истории русского флота. Ч. 1. С. 303.
- ¹⁵⁰ Мышлаевский А. В. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 годах. С. 155.
- ¹⁵¹ Там же. С. 156—157.
- ¹⁵² Порфирьев Е. И. Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952. С. 236.
- ¹⁵³ Веселаго Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1. С. 224—225.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 225.
- ¹⁵⁵ Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 годах. С. 178.
- ¹⁵⁶ Материалы для истории русского флота. Ч. 1. С. 373.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 373, 375.
- ¹⁵⁹ Новиков Н. В. Гангут: Кампания 1713 и 1714 гг. на Финляндском театре: Гангутская операция и бой 27 июля 1714 г. М., 1944. С. 12.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 13.
- ¹⁶¹ За этот случай адмирал Крюйс был отдан под суд и приговорен к смертной казни, которая была заменена ссылкой.
- ¹⁶² Веселаго Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 237—238.
- ¹⁶³ Цит. по: Новиков Н. В. Указ. соч. С. 13—14.
- ¹⁶⁴ Этот проход был доступен лишь для небольших судов.
- ¹⁶⁵ Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 годах. С. 237.
- ¹⁶⁶ Материалы для истории Гангутской операции. Пг., 1914. Вып. 1, ч. 1. С. 70.
- ¹⁶⁷ Либекера обвиняли в пассивности действий, потере южной Финляндии.
- ¹⁶⁸ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 377.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 377—379.
- ¹⁷⁰ Ф. М. Апраксин в октябре 1713 г., передав командование войсками М. М. Голицыну, возвратился в Петербург.
- ¹⁷¹ Материалы для истории русского флота. Ч. 1. С. 478—479.
- ¹⁷² Новиков Н. В. Указ. соч. С. 27—28.
- ¹⁷³ Там же. С. 28.
- ¹⁷⁴ Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 годах. С. 294—295.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 311.
- ¹⁷⁶ Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 2. С. 332.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 334.
- ¹⁷⁸ Сборник военно-исторических материалов. Вып. 5. С. 228.
- ¹⁷⁹ Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 годах. С. 361.
- ¹⁸⁰ Сборник военно-исторических материалов. Вып. 5. С. 289—290.
- ¹⁸¹ Там же. С. 290.
- ¹⁸² Бутурлин Д. П. Указ. соч. Ч. 1, т. 2. С. 648.
- ¹⁸³ Материалы для истории русского флота. Ч. 1. С. 516—517.
- ¹⁸⁴ Материалы для истории Гангутской операции. Пг., 1914. Вып. 3. С. 35.
- ¹⁸⁵ Новиков Н. В. Указ. соч. С. 72.
- ¹⁸⁶ Сборник военно-исторических материалов. Вып. 5. С. 408—409.
- ¹⁸⁷ Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 годах. С. 415.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 419.

ПОСЛЕДНИЕ СРАЖЕНИЯ И ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЙНЫ

После Гангута.—Аландский конгресс.—Высадка русских десантов на побережье Швеции.—Морское сражение при Гренгаме.—Ништадтский мир.

После победы под Гангутом русское командование развернуло активные боевые действия на Балтике. В марте 1715 г. произошло столкновение русских кораблей со шведским флотом у Курляндских берегов. Русские захватили 3 капера и 157 человек команды. В конце мая 13 шведских судов подошли к Ревелю и обстреляли город, но были отбиты. В июле к Ревелю подошли корабельный и галерный флоты русских. Отсюда корабельный флот отправился в Рогервик, а галерный — в Либаву, где и остался зимовать.

Тем временем в Померании прусские, саксонские и датские войска (60 тыс. человек) 19 (30) октября, не дожидаясь подхода русских, осадили Штральзунд, который оборонял 12-тысячный шведский корпус во главе с Карлом XII. Союзникам, несмотря на отчаянное сопротивление шведов, удалось захватить укрепленный лагерь перед Штральзундом, овладеть внешними строениями крепости. Видя бесполезность дальнейшего сопротивления, Карл XII на одном из кораблей отплыл к берегам Швеции. 11 (22) декабря 1715 г. Штральзунд пал. Теперь в руках шведов оставался только Висмар.

Победы русской армии и флота высоко подняли международный авторитет страны. Россия добилась крупных внешнеполитических успехов. Расширилось количество членов Северного союза. В него вошли Пруссия, Ганновер. Северному союзу стали оказывать поддержку Англия и Голландия. Но при этом они преследовали корыстную цель — обеспечение своего торгового судоходства на Балтийском море. В апреле 1716 г. был заключен союзный договор между Россией и Мекленбургом. Швеция оказалась почти в полной изоляции.

В кампанию 1716 г. союзники ставили задачей овладеть Висмаром. Русские войска совместно с датскими под прикрытием объединенного флота четырех держав (России, Англии, Голландии и Дании) должны были совершить вторжение в южную Швецию (Сконию). Для поддержки этой операции русскому галерному флоту с десантом под командованием генерал-адмирала Ф. М. Апраксина при поддержке датского флота надлежало сде-

лать высадку на территорию Швеции со стороны о. Аланд. Для высадки в южной Швеции предназначались войска под командованием Шереметева, находившиеся в Мекленбург-Шверине.

Военные действия в Померании развивались успешно. 7 (18) апреля г. Висмар с 4-тысячным шведским гарнизоном, обложенный 15-тысячной союзной армией, капитулировал.

Для подготовки операции по высадке десанта в Швеции Петр I в начале июля прибыл в Копенгаген. Здесь же были сосредоточены эскадра русского корабельного флота, отряд галерного флота, суда, купленные за границей. Всего русских кораблей, сосредоточенных у Копенгагена, не считая галер, было 22. 14 (25) июля в Копенгаген прибыла и англо-голландская эскадра. Общее командование союзным флотом (русским, английским, голландским, датским), состоявшим из 83 судов, принял Петр I.

Однако союзники России не выполнили своих обязательств. Они медлили. Подготовка десанта задерживалась. «Бог ведает, что за мученье с ними,— писал Петр I Апраксину,— самое надобное время упускают и как будто чужое дело делают»¹.

Задержка позволила шведам подготовиться, укрепить берега редутами и батареями. Петр I, проводивший рекогносцировку местности, убедился, что шведские берега сильно укреплены, а в намечавшихся местах высадки сосредоточено 20 тыс. человек во главе с Карлом XII. Кроме того, выяснилось, что датчане не обеспечили десант продовольствием.

Диверсия галерного флота со стороны о. Аланда также не была осуществлена. Апраксин с галерным флотом согласно плану кампании в июле встал у о. Аланд. Простояв до конца сентября и так и не дождавшись обещанного датчанами флота, он вынужден был возвратиться в Або. В походном журнале Петра I записано: «Многokrатно о походе флота говорено... но к скорому походу склонить не могли; також представлено, чтоб учинить десант от флота всех соединенных к Аланту для проходу наших галер; но датчане своей части дать не хотели»².

Все это заставило Петра I отказаться от высадки десанта в Швецию, намеченной на 1716 г. Было принято решение «десанту не быть, понеже время позднее; людей всех не перевезли, диверсия от Аланта не учинена»³. Таким образом, план кампании, кроме взятия Висмара, не был выполнен.

Рост могущества России, успехи ее оружия, бурное развитие Балтийского флота — все это стало вызывать враждебное отношение к ней со стороны Англии, Ганновера, Дании. Английской дипломатии удалось расколоть Северный союз. В 1717 г. Дания и Ганновер отказались вместе с Россией вести военные действия против Швеции. Отказалась от совместных действий с Россией и Англия.

Учитывая сложившуюся обстановку, Россия пошла на сближение с Пруссией и Францией. 15 (26) августа 1717 г. в Амстердаме был заключен договор между этими странами. Договор лишил Швецию ее последнего союзника — Франции. Правящие

круги Швеции понимали, что продолжать войну с Россией один на один им было не под силу. Нужен был союзник. Но когда Англия предложила ей свои условия союза, то проанглийские настроения в Швеции были сильно поколеблены. Слишком амбициозными оказались требования английской дипломатии, не менее настойчив был Карл XII в своем желании вернуть и сохранить завоевания на Европейском континенте и в Скандинавии. Карл XII проводил политику каперства, сильно нарушавшую торговые интересы Англии и особенно Голландии. Он претендовал на земли ганноверского курфюрста (Верден и Бремен), ставшего английским королем Георгом I. Не отказывался шведский король и от завоевательных планов в Дании.

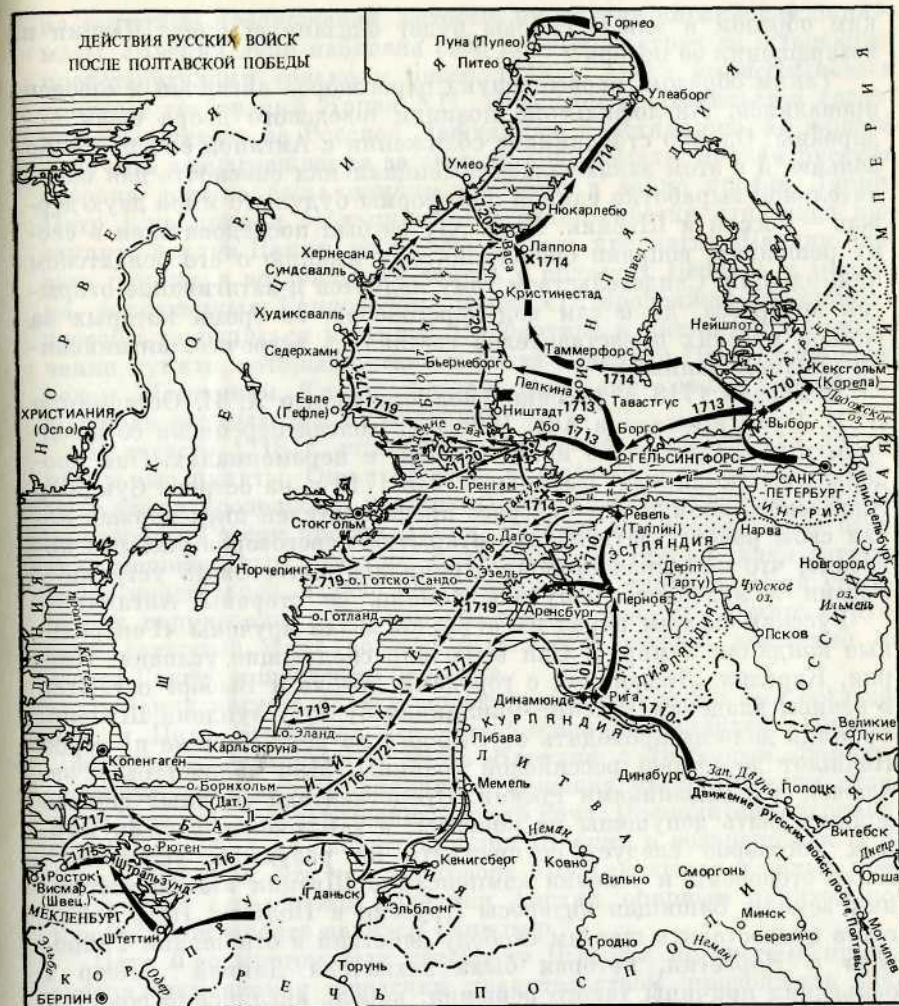
Накануне намечавшихся русско-шведских переговоров англичане требовали от шведов возмещения убытков от каперства, обеспечения безопасного торгового мореплавания, отказа от завоевания Норвегии и датских островов и, кроме того, прекращения поддержки эмигрантского представительства якобитов, сторонников претендента на английскую корону Якова III Стюарта. До ответа шведского короля английская сторона воздерживалась от оказания помощи Швеции⁴.

Эти требования были отвергнуты Карлом XII. Более того, шведские дипломаты попытались исправить положение своего государства не лучшим способом. Они решили вмешаться во внутренние дела Англии, задумав восстановить на английском престоле эмигранта Якова III Стюарта⁵. Главную роль в начавшейся интриге играл барон Георг Генрих Герц, неглупый, но неразборчивый в средствах советник Карла XII. Барон Герц многое сделал для возвращения шведского короля из Турции после поражения под Полтавой. Лишенный дипломатической изворотливости Карл XII восторгался своим помощником. Со свойственной ему прямолинейностью он говорил о Герце: «С тремя людьми, подобными ему, я обманул бы весь мир»⁶.

Герц связывал свержение ганноверской династии в Англии с получением субсидий для разоренной Швеции от будущего английского короля. Поправив финансы, по мнению Герца, Карл XII смог бы восстановить свои позиции в германских княжествах. В своих замыслах Герц шел еще дальше. Он рассчитывал заключить сепаратный союз с Россией, а оставшейся в одиночестве Дании нанести сокрушающий удар⁷. Таковы были истоки намечавшихся русско-шведских переговоров и разногласий шведских и английских дипломатов.

* * *

Англичане упорно стремились сорвать русско-шведские переговоры. В начале 1718 г., когда русские уполномоченные отправились на Аландские острова, в Стокгольм прибыли представители английского короля для ведения переговоров, но они вернулись ни с чем. Б. И. Куракину удалось узнать, что английский король обещал шведам «корабли и деньги и прежние альянсы (союзы),

- ДЕЙСТВИЯ РУССКИХ ВОЙСК ПОСЛЕ ПОЛТАВСКОЙ ПОБЕДЫ
- ➔ Направления действий русских войск и флота в 1710-1721 гг.
 - ✦ Крепости, взятые русскими войсками и флотом в 1710 г.
 - ✕ Места важнейших сражений и боев (с указанием дат)
 - 🚩 Место заключения мирного договора 1721 г.
 - ▨ Земли, присоединенные к России по Ништадтскому договору 1721 г.
 - Границы государств после Северной войны (в 1721 г.)

учиненные с Англией возобновить»⁸. Взамен Георг I предлагал, чтобы Швеция отказалась от Вердена и Бремена в пользу Ганновера. Карл XII не только не соглашался на уступки, но в свою очередь требовал, чтобы англичане прекратили торговые связи с портами, занятыми врагами Швеции⁹. Карл XII также выразил свое сомнение в обещаемой помощи англичан. Он просил передать английскому королю, чтобы тот «велел учинить проект, ка-

ким образом и какою силою» будет оказана помощь Швеции в возвращении ее потерь¹⁰.

Таким образом, первый раунд переговоров англичан и шведов провалился. Англофильские позиции шведского двора были подорваны. Однако сторонников сближения с Англией было гораздо больше, и в этом заключалась потенциальная опасность для окончательной выработки единой платформы будущего мира двух держав — России и Швеции. Карл XII не был последователен в своих решениях, вопреки общепринятому мнению о его солдатском прямотии. Свидетельством тому является и затягивание открытия конгресса, да и сам ход переговоров, во время которых за спиной русских представителей состоялись встречи с английскими уполномоченными.

В январе 1718 г. русские уполномоченные А. И. Остерман и Я. В. Брюс выехали в Або. Началась долгая переписка со шведским правительством о месте встречи и церемониалах. Она продолжалась до апреля. Наконец, в мае 1718 г. на острове Сундшер Аландского архипелага конгресс представителей двух держав начал свою работу. Затягивание открытия переговоров еще раз показало, что шведская сторона стремилась выторговать уступки у России и надеялась получить помощь со стороны Англии.

Русским послам перед их отъездом были вручены «Генеральные кондиции к миру». Они включали следующие условия: Ингрия, Карелия, Лифляндия с городами Ревель и Выборг остаются в вечном владении России. Финляндия будет уступлена Швеции. Граница должна проходить от Выборга по реке Кюмене на город Нейшлот до старой российской границы. Мир должен быть заключен и с союзниками России. Представители союзных держав должны быть допущены на конгресс, а заключение с ними мирных договоров следует осуществить на разумных условиях¹¹. Были оговорены и условия компенсации Швеции взамен утеранных земель. Защищая интересы Пруссии и Польши, Петр I был готов предоставить шведам свободу действий в отношении Ганновера и Норвегии, которая была захвачена Данией¹². Петр I разъяснял причины такого решения: король английский обманул Россию, уверяя ее в своей дружбе, в то же время много обещал шведам, желая сохранить владения в Центральной Европе, но «народ английской не захочет за его партикулярный немецкий интерес с нами дружбы и коммерции потерять, что мы тому народу давно уже объявили»¹³. Дания, оказавшаяся под влиянием англо-ганноверской дипломатии, еще в 1716 г. сорвала намечавшийся десант в Швецию и практически расколола Северный союз¹⁴. По образному высказыванию П. Шафирова, «оба приятеля наши (Дания и Ганновер.— Авт.) своею студеностию и с противностью заслужили то»¹⁵.

Переговоры шли крайне вяло. Г. Герц много раз покидал конгресс и отправлялся за новыми инструкциями к Карлу XII. Условия шведской стороны неоднократно менялись и уточнялись. В ходе переговоров шведские представители постоянно намекали

на выгодные предложения, которые им делали английские дипломаты. Швеция явно набивала себе цену. Из встреч со шведскими представителями только к июлю 1718 г. стали вырисовываться контуры требований Карла XII. Шведское правительство соглашалось оставить за Россией Лифляндию и Эстляндию, но желало получить вознаграждение за счет датских земель, причем русская сторона должна была помочь войсками в войне против Дании. Петр I не принял этот пункт. Он категорически отказался выступить против Дании, но в свою очередь предлагал Швеции оказать помощь в возвращении земель в областях Вердена и Бремена, захваченных Ганновером. Карл XII продолжал изыскивать способы закрепиться в южной Прибалтике и настаивал на включении пункта, который оставлял бы за Швецией Померанию с городом Штеттином. Таким образом, шведский король приобретал контроль над выходом из Балтики.

В августе 1718 г. шведское правительство выдвинуло дополнительные пункты. Оно требовало возвращения города Кексгольма и снова продолжало настаивать на оказании военной помощи со стороны России против Дании. Русские уполномоченные ответили решительным отказом. Правительство России, видя затягивание переговоров, издало инструкцию. Она гласила: «Для устрашения неприятеля, дабы тем его скорее склонить к миру», русский галерный флот должен быть готов начать движение от «мыса Гангут к шведским берегам».

К концу августа 1718 г. проект договора все же был согласован, и Петр I одобрил его. За Россией закреплялась Ингрия, Лифляндия, Эстляндия и часть Карелии с Выборгом. Занятая русскими войсками Финляндия и большая часть Карелии отходили Швеции. Государственный строй Речи Посполитой сохранялся. Россия обещала оказать помощь Швеции в возвращении Вердена и Бремена. Эта часть договора была включена с целью нейтрализации агрессивной политики Англии, опорным пунктом которой на континенте являлся Ганновер¹⁶.

Петр I во многом шел навстречу Швеции, но система проволок, применяемая шведским правительством, продолжала действовать. В ноябре 1718 г. оно снова требовало прямого участия России в действиях против Дании. Этот пункт, как и раньше, встретил возражения Петра I. Тем не менее 16 (27) ноября 1718 г. Петр I в рескрипте к А. И. Остерману указал на ряд изменений в одобренном им ранее проекте и настаивал на продолжении переговоров. Швеции предоставлялось право заставить Данию вернуть Шлезвиг и Померанию или вознаградить себя за счет земель Норвегии, занятой Данией. Обе стороны пришли к соглашению о помощи с целью возвращения Швеции Вердена и Бремена, но с существенной оговоркой — спустя три года после заключения договора¹⁷.

Таким образом, Петр I, даже зная о враждебных действиях английской дипломатии по отношению к России, не желал быть втянутым в новую войну на Европейском континенте. Он не хо-

тел ни войны, ни каких-либо территориальных приобретений в Европе, вопреки утверждениям некоторых буржуазных историков¹⁸. Заклчить мир со Швецией — вот основная цель политики Петра I в период переговоров на Аландском конгрессе. Россия проявляла самое горячее желание прекратить войну и предлагала мирные инициативы государству, которому мир был необходим как никогда. Достаточно провести далеко не полный сравнительный анализ военных потенциалов России и Швеции, чтобы понять, насколько они различались по своим возможностям.

Прежде всего, война отразилась на населении Швеции, особенно на мужском. Военные жертвы составили, по подсчетам, свыше 100 тыс. человек наиболее трудоспособного контингента населения. Недостаток рабочих рук отразился как на промышленном, так и сельскохозяйственном производстве. Наблюдался застой в горной и металлургической промышленности. По сравнению с довоенным уровнем упало производство железа, пороха, столь необходимых для ведения боевых действий. Так, в 1718 г. добыча даже медной руды упала вдвое и составляла 480 т. Ввиду этого работало ограниченное число оружейных и пушечных заводов¹⁹. Сельское хозяйство находилось в крайне запущенном состоянии. Рекрутские наборы, принудительная поставка съестных припасов, а также неурожай 1717 г. поставили население Швеции в самое бедственное положение. Прибалтийские провинции, богатые хлебом, были под контролем России. Южная провинция Скония — «хлебная корзинка» — еле обеспечивала шведские войска, расквартированные там в большом количестве из-за боязни вторжения. Расстройство экономики привело Швецию к огромному государственному долгу. Война нанесла удар и по внешней торговле Швеции — в 1718 г. осталось всего 209 судов из 800, имевшихся накануне 1700 г.; вывоз железа в Англию упал до 0,5% от обычного объема²⁰.

Карл XII предпринимал все усилия для создания многочисленной шведской армии. В 1718 г. ему удалось набрать армию в 60 тыс. человек²¹. Однако это было достигнуто за счет ополчений, создаваемых из мужского населения по месту жительства. Всего же солдат регулярной армии, которыми реально мог располагать шведский король, было не более 36 тыс. человек. Из них на границе с Финляндией и в Эвле находилось 6,5 тыс. солдат, в Сконии — 7,5 тыс.²². Несмотря на это, Карл XII планировал вести наступательную кампанию против Дании, стремясь компенсировать потери Швеции в Прибалтике и Померании. Для выполнения этой цели ему с трудом удалось сколотить армию в 20 тыс. солдат, оставив в Швеции небольшие гарнизоны численностью 10 тыс. человек²³. Шведский флот хотя и насчитывал в своем составе свыше 27 линейных кораблей, но более половины из них обветшали и требовали «великой починки»²⁴.

Россия к моменту открытия мирных переговоров находилась в ином положении. Несмотря на то что война тормозила разви-

тие производительных сил страны, ее экономика неуклонно шла на подъем. Сказалось наличие огромных потенциальных возможностей государства, умело использованных русским правительством, — внушительные людские резервы, богатые природные ресурсы. В стране действовало около 200 фабрик и заводов — из них более чем по 30 в Москве и Петербурге²⁵. Металлургическая промышленность в России развивалась быстрыми темпами. Только на Урале работало 10 крупнейших заводов. Урал давал около трех четвертей общего количества металла. Выпуск чугуна приближался к 13 тыс. т, железа — 6 тыс. т, меди — 90,7 т²⁶. В целом отечественная промышленность обеспечивала потребности армии и флота.

Происходили заметные изменения и в сельском хозяйстве. Увеличивалась площадь распаханых земель. Запашка производилась как в центральных, так и на окраинных землях: в Среднем и Нижнем Поволжье, на Украине, в Сибири. Росло производство товарного хлеба, что позволило перейти к организации снабжения армии и флота продовольствием посредством государственных закупок, заменив ими систему натуральных поборов.

Увеличился оборот внешней торговли. Основным портом, связавшим Европу с Россией, стал Петербург. Россия вела активную торговлю почти со всеми странами Западной Европы — Голландией, Англией, Францией, Польшей, Данией, германскими государствами, что положительно отражалось на государственном бюджете страны²⁷.

Русская армия насчитывала в своем составе свыше 100 тыс. человек. Она была вооружена ружьями отечественного производства. Железные шомпола, введенные в русской армии в 1714—1716 гг., позволяли довести количество выстрелов до 2—3 в минуту. Изготавливаемые из отличной стали, ружейные стволы были долговечными. Ружья обладали большой убойной силой. Улучшилось качество пороха. В 1717 г. отмечалось, что новый порох «гораздо бьет сильнее» против прежнего. Русская артиллерия в последние годы войны по праву считалась одной из лучших в Европе. Особенно высокими боевыми качествами обладали длинные гаубицы и легкие полевые пушки, позволявшие маневрировать на поле боя²⁸.

Русский парусный флот состоял из 21 линейного корабля, не считая фрегатов и прочих судов. Мощным был и галерный флот — около 130 галер и 100 островских лодок. Это была грозная флотилия для ведения боевых действий в условиях акватории Балтийского моря, изобилующей шхерами и мелями²⁹.

Силы противоборствующих сторон были явно неравны. Карл XII сознавал, что хотя он в какой-то мере восстановил армию, но долго ее содержать не сможет. Дело шло к заключению мира. Карл XII настолько уверовал в положительный исход переговоров, что в сентябре 1718 г. двинул 21 тыс. солдат на границу с Норвегией, сняв даже половину стокогольмского гарнизона³⁰.

Пользуясь затишьем, он спешил поправить свои дела за счет датских владений.

Иностранцы и шведские дипломаты, которые возлагали надежды на переворот в России, связанный с делом царевича Алексея Петровича³¹, после ликвидации его в июле 1718 г. поняли, что только непредвиденный случай может сорвать заключение мира. И такой случай представился.

30 ноября (11 декабря) 1718 г. во время осмотра осадных траншей под крепостью Фредриксхаль Карл XII был убит. В Стокгольме многочисленные сторонники союза с Англией подняли головы. Барон Герц на пути к Карлу XII, о смерти которого он не знал, был задержан, отозван в столицу и впоследствии казнен. Русские уполномоченные А. Остерман и Я. Брюс, узнав о смерти шведского короля, высказались за немедленное возобновление военных действий значительными силами с целью заставить шведское правительство заключить мир³¹. Тем не менее Петр I занял выжидательную позицию. Оценивая возможности кампании 1718 г., Петр I впоследствии отмечал, что Россия могла бы вести военные действия против Швеции, где желала бы, поскольку шведский флот и войска были направлены в Норвегию. При этом он подчеркивал, что хотя мирный конгресс работал, перемирие не было подписано, но и военные действия не открывались: «Но не учинили для того, чтобы склонности не помешать королю шведскому, которую он имел к миру»³².

В феврале 1719 г. королева Швеции Ульрика-Элеонора, сестра Карла XII, предложила русскому правительству продолжить переговоры. Шведы делали все возможное, чтобы затянуть их открытие. Шведский уполномоченный барон И. Лилиенштет только в конце мая 1719 г. прибыл на Аланды. Такое поведение шведского правительства свидетельствовало о том, что оно было намерено, используя противоречия западных держав и России, добиться наиболее выгодного мира.

Новый раунд переговоров нового шведского правительства весьма беспокоил английских дипломатов. Среди них нашлись горячие головы, выступившие с авантюрным планом сорвать Аландский конгресс. Английский посланник в Петербурге Дж. Джефферис в письме от 16 (27) марта 1719 г. предлагал своему правительству послать на Аланды под русским флагом два фрегата с 500—600 солдатами и увести шведских и русских послов с целью затягивания переговоров. Для успешного выполнения задуманного Джефферис прилагал сведения о русских флагах. Верный принципам английской дипломатии Джефферис «любезно» уступал право умыкнуть послов датскому флоту³³, перекладывая тем самым всю ответственность за поступок на плечи датского правительства. Рискованный план Джеффериса в Лондоне приняли прохладно. Он мог привести к большим осложнениям и дать весьма мизерные результаты. Кроме того, выяснилось, что шведское правительство, имея в виду английские обещания, снова стремилось применить тактику проволочек.

В Петербурге знали, что Англия пытается создать антирусский блок и стремится вмешаться в русско-шведские переговоры. Стало известно, что 5 января 1719 г. в Вене был заключен союз между Георгом I, Августом II и австрийским императором, предусматривавший посылку английского флота в Балтику. Договором был оговорен отказ этих правителей пропускать русские войска в Польшу. Чтобы отнять у английского правительства всякий предлог оказывать помощь Швеции (особенно посылкой английского флота на Балтику), Петр I 17 (28) апреля 1719 г. опубликовал манифест, в котором разрешал торговлю со Швецией всеми товарами, за исключением контрабандных. Русское правительство делало все для успешного завершения мирных переговоров. Швеция не реагировала на предложения России. Наоборот, она разрешила торговое мореплавание в Балтийском море с существенным исключением. Суда, шедшие в русские или союзные с Россией порты, подлежали аресту и конфискации груза независимо от их принадлежности. В свою очередь, Петр I, зная о маневрах шведской и английской дипломатии, в конце февраля приказал к апрелю подготовить русский флот на Балтике к военной кампании 1719 г.³⁴ В дальнейшем политика проволочек и оттяжек подписания договора со стороны шведского правительства показала, что приготовления русской армии и флота были лишними.

* * *

Русская регулярная армия в составе 2 гвардейских (Преображенский и Семеновский), 5 гренадерских, 35 пехотных полков общей численностью 62 454 человека и 33 драгунских полков (43 824 человека) занимала Эстляндию, Лифляндию и Финляндию³⁵. Парусный флот, включавший 21 линейный корабль, базировался в Ревеле (девять 50-пушечных кораблей, пять 30-пушечных фрегатов, пинк, шнява, два гукора, прам и две почтовые бригантины), Санкт-Петербурге и Кроншлоте (двенадцать 48—90-пушечных кораблей, два прамы, два бомбардирских судна, гукор, шнява и бригантина). К концу мая 1719 г. русский флот на Балтике состоял (с учетом отремонтированных и вновь спущенных на воду судов) из 23 линейных кораблей, 6 фрегатов и 6 шняв³⁶. Экипаж флота насчитывал 10 711 человек, артиллерия — 1672 орудия³⁷.

Гребной флот базировался на Або и в Петербурге. В его составе находились 132 галеры и более 100 островских лодок. К галерному флоту был приписан мощный десант — регулярные войска численностью более 20 тыс. человек (в том числе Преображенский и Семеновский гвардейские полки).

Планом кампании 1719 г. намечалось перенести военные действия на территорию Швеции, чтобы подтолкнуть шведское правительство к скорейшему заключению мира. Парусный флот планировалось перебазировать на Аландские острова. Гребному флоту ставилась задача высадить десанты в районах городов Евле и

Норчёпинга. Действия парусного и гребного флотов должны были быть согласованы. Парусному флоту вменялось в обязанность производить разведку и прикрывать действия гребного флота. Русские десанты должны были двигаться к Стокгольму с юга и севера, разрушая военные и промышленные объекты, уничтожая запасы боеприпасов. Петр I не ограничился возможностью воздействовать на Швецию только военной силой. Планом предусматривалось и воздействие на общественное мнение страны. Петр I приказал командующему русским флотом генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину распространить среди шведского населения манифест, напечатанный на шведском и немецком языках. В манифесте разъяснялись причины возобновления военных действий. Россия, сообщалось в нем, всегда изъявляла готовность к миру, но вынуждена снова начать войну против своего желания. Покойный король (Карл XII) был также согласен прекратить войну, но нынешнее правительство желает ее продолжить. Россия не ищет новых завоеваний и согласна даже уступить Швеции занятые русскими территории. Настоящее вторжение в Швецию делается «единственно для того, чтобы желаемого замирения достигнуть можно было». В случае несогласия на мир вина всех бедствий шведского народа возлагалась на шведское правительство. Шведскому народу предлагалось оказать воздействие на правительство с целью предотвращения «приближающегося нападения».

А. И. Остерман привез в Швецию несколько сот экземпляров манифеста. О манифесте были извещены русские дипломаты, находившиеся в различных странах Западной Европы, чтобы они могли повлиять на общественное мнение этих стран и опровергнуть враждебные России лживые вымыслы³⁸.

Шведское правительство, затягивая переговоры, не теряло надежды на помощь западных держав — Англии или Франции. Вместе с тем оно готовилось к обороне. Основные силы (в том числе и войска, выведенные из Норвегии) были сосредоточены под Стокгольмом (24 тыс. человек), небольшая часть войск находилась в Сконии и на севере, на восточном побережье страны, ближе к границе с Финляндией³⁹.

Шведский флот, насчитывающий в своем составе 11 линейных кораблей, 8 фрегатов, 4 бомбардирских корабля и 2 бригантины, базировался в Карльскруне и Стокгольме. Из этого числа кораблей, реально готовая к боевым действиям одна эскадра в составе 5 линейных кораблей и одного фрегата была направлена в пролив Каттегат⁴⁰, что не способствовало усилению обороны побережья Швеции. Однако сама посылка эскадры свидетельствовала о недооценке русского парусного флота. Шведы не считали его опасным для своего опытного и обстрелянного в морских сражениях флота. Совсем иное мнение о русском флоте составили англичане.

Английский посланник в Петербурге Дж. Джефферис сообщил в Лондон сведения о русском флоте и просил, чтобы англий-

ское правительство отозвало своих корабельных мастеров из России с целью нарушения кораблестроения на русских верфях. «Если же не принять этой... меры, — предостерегал Джефферис, — против развития царского флота, нам придется раскаяться... Недавно царь открыто высказал в обществе, что его флот и флот Великобритании — два лучших в мире; если он сейчас ставит свой флот выше флотов Франции и Голландии, отчего же не предположить, что лет через несколько он признает свой флот равным нашему или даже лучше, чем наш? Короче — корабли строят здесь так же хорошо, как и где либо в Европе...», царь принимает всевозможные меры с целью изучить морскую науку и сделать из своих подданных настоящих моряков⁴¹.

В мае 1719 г. произошло событие, которое заставило шведов по-иному оценить возможности русского флота, а англичан — принять меры по нейтрализации его растущей мощи.

Поскольку переговоры откладывались до приезда шведских уполномоченных на Аланды, а шведский манифест о запрете торговли с Россией от апреля 1719 г. действовал, ревельской эскадре под командованием капитан-командора Я. фон Гофта (Фангофта) — трем линейным кораблям, трем фрегатам и пинку — было приказано провести поиск и обследование острова Эланд. Во время крейсирования было арестовано 13 шведских торговых судов. От пленного шведского шкипера русское командование узнало, что из Пиллау в Стокгольм направляются шведские военные корабли, предназначенные для охраны купеческого каравана.

Адмирал Ф. М. Апраксин приказал эскадре из четырех 52-пушечных кораблей и 18-пушечной шнявы («Портсмут», «Девоншир», «Ягудиил», «Рафаил» и шнява «Наталия»; корабли «Уриил» и «Вархаил» задержались на рейде) под командованием капитана второго ранга Наума Акимовича Синявина (Сенявина) выйти с ревельского рейда на поиск шведского отряда кораблей.

24 мая (4 июня) 1719 г. в 3 часа утра на траверзе острова Эзель шедшие впереди капитаны Синявин (корабль «Портсмут») и К. Н. Зотов (корабль «Девоншир») обнаружили шведские корабли. Не дожидаясь подхода всей русской эскадры, они начали преследование⁴². Заняв подветренную сторону, два русских корабля набрали ход и вскоре подошли, как они и предполагали, к шведам на пушечный выстрел. Дав два предупредительных выстрела по шведскому флагману, они заставили его поднять флаги. «Портсмут» решительно вступил с флагманом в артиллерийскую дуэль, стремясь отрезать его от шведского фрегата и бригантины. Дуэль продолжалась с 5 до 9 часов утра. Фрегат и бригантина направили свой огонь на «Портсмут», стремясь помочь флагману оторваться от русского корабля и выйти из боя. На «Портсмуте» были сбиты штанги и марселя, но он, развернувшись к нападавшим всем лагом, картечными залпами бортовых орудий нижней палубы (дека) заставил фрегат и бригантину спустить флаги.

Капитан Синявин приказал Зотову с кораблем «Девоншир» и шнявой «Наталия» остаться с плененными фрегатом и бригантиной, а капитанам Шапизо (корабль «Рафаил») и Деляпу (корабль «Ягудиил») преследовать уходивший флагман. Исправив повреждения на своем корабле, за ними пошел и сам Синявин. В двенадцатом часу дня русские настигли шведский флагман. «Рафаил» атаковал неприятельский корабль, но, имея больший ход, начал уходить вперед. «Ягудиил» подошел к шведскому кораблю на такое расстояние, которое позволяло бросать с марсов гранаты. Капитан Деляп решил брать неприятеля на абордаж, но шведские матросы изготовились к отражению атаки. Русский корабль изменил курс и произвел всей бортовой артиллерией залп. Развернувшись, «Рафаил» также открыл огонь. Шведский флагман потерял все мачты и опустил боевые флаги.

В плен были взяты 52-пушечный корабль «Вахмейстер», 32-пушечный фрегат «Карлус-Кронвапен» и 12-пушечная бригантина «Бернгардус», 376 рядовых чинов, 11 офицеров, в том числе капитан-командор А. Врангель. Неприятель потерял 50 человек убитыми и 14 ранеными. Русский флот потерял 3 офицеров и 6 матросов, 9 человек было ранено⁴³.

Эзельское морское сражение 1719 г. показало превосходные боевые качества русского морского флота. Капитаны Синявин и Зотов решительно вступили в бой с тремя шведскими кораблями. Умелое маневрирование и слаженность действий кораблей, мастерское ведение артиллерийского огня и организованное преследование принесли заслуженную победу русскому флоту. Петр I оценил это сражение как «добрый почин российского флота». В честь победы была учреждена памятная медаль.

Тем временем галерный флот и десантные войска приготовились к походу на шведское побережье. 26 июня (7 июля) — 28 июня (9 июля) 1719 г. был созван Генеральный совет, на котором были поставлены конкретные задачи для парусного и галерного флотов в предстоящей кампании. Прежде всего предписывалось произвести разведку проходов в шхерах. Парусный флот перемещался к Аландским островам, под его прикрытием галерный флот приступал к военным действиям против побережья Швеции. Он разделялся на «две партии». Одна из них начинала действовать в районе города Евле, чтобы отвлечь от Стокгольма неприятеля⁴⁴. После этого вторая партия галерного флота начинала действовать в окрестностях по обе стороны Стокгольма; если же столица будет не укреплена, то предписывалось «напасть на столичное место». Парусный флот выделял из своего состава два отряда. Один из них обязан был крейсировать от Дагерорта до Готланда и следить за шведской эскадрой в Карльскруне, другой отряд (9 линейных кораблей, 2 фрегата и мелкие суда) наблюдал за эскадрой в Стокгольме, предупреждая соединение шведских эскадр, находящихся в Стокгольме и Карльскруне⁴⁵. Некоторые коррективы в план кампании были внесены после разведки у берегов Швеции. Стало известно, что шведские

эскадры соединились: 19 линейных кораблей встали в шхерных проходах у крепости Ваксхольм на пути к Стокгольму. Русское командование отметило, что «ежели б так нарочитый флот был в состоянии в море дать баталию, то почто бы так глубоко внутрь заходить?» Был сделан вывод — шведский флот занял оборонительную позицию. Поэтому русскому парусному флоту предписывалось не становиться сразу в гавань у острова Лемланд, а подойти к шхерным проходам и лавировать на виду у неприятеля, чтобы тот «вышел на баталию». Если последний не выйдет, то, следовательно, он будет стоять в бездействии, охраняя шхерные проходы к Стокгольму⁴⁶.

Русский план кампании был составлен и подготовлен исключительно для активных действий флота и десанта. По этому плану предусматривалось начать кампанию с решительного морского сражения с флотом противника. В случае пассивности последнего предписывалось начать действовать галерным флотом и десантами с нанесением отвлекающего удара на севере и с последующей высадкой десантов в районе столицы Швеции⁴⁷.

В конце июня 1719 г. парусный и гребной флоты соединились у полуострова Гангут и направились к острову Лемланд, входящему в состав Аландского архипелага. 6 (17) июля 132 галеры, 100 лодок, на борту которых находилось 26 тыс. десанта, прибыли к Лемланду. 8 (19) июля парусный флот, в составе которого находился 21 линейный корабль общим вооружением в 1236 пушек, также прибыл к острову. На острове Лемланд была оборудована временная база флотов. К западу и югу от Аландских островов были высланы четыре русские дозорные корабли под командованием Н. А. Синявина, но шведский флот не показывался⁴⁸. Не зная, где будут действовать русские десанты, шведское правительство было вынуждено держать свой флот для охраны всего побережья. Оно с нетерпением ожидало прихода английского флота.

Петр I предусмотрел и эту возможную помощь со стороны Англии. 28 июня (9 июля) 1719 г. он издал еще одну декларацию, которая разрешала торговлю всеми товарами со странами в регионе Балтики, в том числе и со Швецией. Но в декларации был опубликован список товаров, считавшихся контрабандными. Он был невелик: «порох, свинец, селитра, пенька и все, что ко флоту надлежит; хлеб всякий и соль»⁴⁹. С одной стороны, декларация лишала Швецию жизненно важных для ведения войны припасов, с другой — Россия вновь выступила инициатором свободной торговли, чего не объявляла Швеция. Кроме того, русское правительство не конфисковывало контрабандные товары, а задерживало их в портах, что не давало Англии повода посылать свой флот на Балтику якобы для защиты своих торговых судов.

9 (20) июля 1719 г. на о. Лемланд состоялся военный совет, на котором было решено идти «на швецкую сторону для воинских действий». Перед походом Петр I выдал инструкцию командующему галерным флотом адмиралу Ф. М. Апраксину, в кото-

рой указывалось: уничтожить военно-промышленные объекты, а «людей не токмо не брать, но не грабить с них и ничем не досаждать, но внушать, что мы воюем для того, что сенат их не склонен к миру». Под страхом смертной казни запрещалось касаться церквей. Купеческие суда, кроме английских, голландских и французских, велено было приводить на Аланд, а старые сжигать. В инструкции предусматривалась атака и самого Стокгольма, но в случае трудностей приказывалось разделиться на два отряда и совершить набег на берег между Стокгольмом и Норчёпингом. Отрядам предписывалось двигаться навстречу друг другу: одному от Стокгольма, другому от Норчёпинга⁵⁰.

Русский соединенный флот 10 (21) июля двинулся к берегам Швеции, но штиль задержал парусный флот, и он вернулся на базу острова Лемланд. Галерному флоту предстояло действовать самостоятельно. Тем не менее 11 (22) июля с Лемланда была выслана в открытое море эскадра Н. Синявина в составе 7 кораблей следить за появлением неприятельского флота. И в дальнейшем постоянно крейсировал дозор из 4–5 кораблей, прикрывавшая действия гребного флота⁵¹.

Вскоре галерный флот приблизился к шведскому побережью, его увидели шведские посты, возвестившие сигнальными огнями о появлении русских.

Международная обстановка между тем накалялась. В конце июня 1719 г. английская эскадра адмирала Д. Норриса в составе двух 80-пушечных, двух 70-пушечных, трех 60-пушечных, трех 50-пушечных, одного 40-пушечного, одного 20-пушечного и двух легких кораблей прибыла в Зунд⁵².

Для выяснения намерений англичан 7 (18) июля 1719 г. Петр I послал к Д. Норрису поручика Н. Ф. Головина на фрегате «Самсон» (капитан К. Зотов) в сопровождении корабля «Ягудилл» и пинка «Принц Александр». За ними цепочкой шли несколько фрегатов и корабль «Перл». Таким образом, русский посланец был подстрахован от неожиданного захвата. Петр I мог своевременно получить информацию о действиях англичан и принять соответствующие обстоятельствам меры. Капитан К. Зотов передал адмиралу Норрису декларацию, в которой объявлялось, что Россия не препятствует коммерческому плаванью по Балтийскому морю, но с условием, чтобы на торговых судах не доставлялось шведам военной контрабанды⁵³. Петр I писал: «И притом принуждены мы вам объявить, что ежели вы нас о том о всем подлинно и через письменный... ответ и декларацию не уведомите, и не обнадежите, но приблизитесь без того объявления со своею эскадрою к нашему флоту или землям и местам, то мы принуждены то молчание ваше принять за знак противности и злого на нас умышляемого и вам повеленного намерения против нас и флота и земель наших, и принимать против того в безопасность свои надлежащие меры по воинскому разуму»⁵⁴.

Английский адмирал принял посланника и не замедлил с от-

ветом. В письме от 11 (22) июля он сообщал: «Я прибыл для оказания покровительства купечеству нашему и утверждения согласия с союзниками государя моего (т. е. английского)»⁵⁵. Адмирал двусмысленным ответом пытался скрыть истинные намерения английского правительства. Декларации, опубликованные русским правительством, не запрещали свободной торговли, а защищать английские купеческие суда столь сильным флотом (14 военных кораблей) не было необходимости. Неясно, о каких союзниках английского короля шла речь — ни Россия, ни Швеция не были в состоянии войны с Англией. Такой ответ не обманул русское правительство, и оно, естественно, расценило прибытие английской эскадры как помощь Швеции. Документы подтверждают враждебные намерения Англии.

Статс-секретарь Стенгоп в послании от 10 июля 1719 г. писал послу Д. Картрету в Стокгольм, чтобы тот поставил в известность шведское правительство о том, что английский король готов помочь Швеции на море. Секретным приказом Норрису предписывалось соединиться со шведским флотом и действовать совместно «таким образом, какой по вашему мнению является наиболее эффективным, чтобы уничтожить царский флот»⁵⁶.

Современные западные историки вынуждены признать этот факт, который тщательно вуалировался или замалчивался зарубежной историографией. Вместе с тем они отметили всю бесплодность попыток Англии силой помешать России вести войну со Швецией⁵⁷.

Появление английского флота в Балтийском море не повлияло на действия русского флота. Русское командование решительно приступило к исполнению задуманного плана. Галерный флот адмирала Ф. М. Апраксина 11 (22) июля стал на якорь у о. Капельшер, находившегося на стокгольмском фарватере от моря к матерiku. На другой день Апраксин направил отряд генерал-майора П. П. Ласси в составе 21 галеры и 12 островских лодок с 3,5 тыс. человек войска для разведки и высадки десанта севернее Стокгольма. По пути следования им были захвачены три шведа, в том числе лопман. Они срочно были доставлены в отряд Апраксина.

13 (24) июля главные силы гребного флота в составе 96 галер, 60 островских лодок, свыше 20 тыс. войска направились юго-восточнее корабельного фарватера. Этот путь имел свои выгоды. Идя вдоль стокгольмских шхер, русские галеры имели впереди открытый горизонт, а со стороны моря, защищаемые группой островов от попыток нападения шведского флота, могли осуществлять связь с русскими крейсерами. 15 (26) июля флот Апраксина стал на якорь в 3–4 милях от крепости Даларё, расположенной на материке в 30–35 км юго-восточнее столицы Швеции. От крепости к Стокгольму было два пути — берегом и водой, узким проливом. На совещании было решено послать берегом небольшой отряд казаков и 500 человек на островских лодках. Отряд на лодках должен был исследовать родной путь. Отрядам

приказывалось продвигаться к Стокгольму вплоть до пригородов, но в «азарт себя не давать», т. е. не увлекаться, а посеять панику, настолько это будет возможно⁵⁸.

Сухопутный отряд возвратился 16 (27) июля. По пути он встретил шведский заслон и захватил в плен 9 человек.

Отряд лодок обнаружил, что пролив заблокирован двумя затопленными судами и охраняется тремя галерами. Лодки вступили с ними в перестрелку и затем возвратились к основным силам русского гребного флота.

Выяснив обстановку, русский галерный флот под командованием Апраксина 19 (30) июля обошел крепость Даларё и между островами Орно и Утэ снова вышел на фарватер, которым дошел до маяка Ландсорт. Во время похода на островах были сожжены медеплавильные и металлургические заводы, взяты в плен купеческие суда. Островские лодки были отправлены в шхеры и к матерiku. Всего в 25—30 км от Стокгольма действовали поисковые отряды, высаживаемые с лодок. 24 июля (4 августа) 1719 г. галерный флот достиг г. Нечипенга, а через 6 дней — Норчёпинга. В их окрестностях были уничтожены литейные заводы. Немногочисленные шведские отряды разбежались при приближении русских поисковых отрядов.

У Норчёпинга 12 эскадронов шведской кавалерии поспешно отступили, затопив 27 купеческих судов. При отступлении шведы сами подожгли город, да так основательно, что русским солдатам, прибывшим к нему четыре часа спустя, «за великим запалением огня приступить было невозможно»⁵⁹. Шведы оставили огромное количество цветных металлов, купеческие суда и 300 чужинных пушек различного калибра.

Русский гребной флот 3 (14) августа снова пошел к мысу Ландсорт. По пути к нему присоединялись отряды русских десантов, производивших поиск по пути следования галерного флота. 5 (16) августа у острова Руней к флоту Апраксина присоединились суда бригадира Левашова (10 галер, 29 островских, 2278 человек десанта)⁶⁰, крейсировавшие у Аланда для захвата купеческих судов. Левашов арестовал 8 купеческих судов. Крепость Даларё была снова обойдена, но с нее был снят тщательный план.

В это время Апраксин получил от Петра I указание идти к Стокгольму и, выбрав удобное место для стоянки, производить высадку десантов с целью создания угрозы нападения на шведскую столицу, «дабы тем неприятелю отдыха не дать и не почаял бы, что конец кампании»⁶¹.

Ф. М. Апраксин предполагал поставить галеры в 30 км от столицы Швеции и, высадив войска, идти на Стокгольм сухопутным путем. Однако совет командиров и сам Петр I нашел этот план очень рискованным. Оставленные со слабым прикрытием галеры могли подвергнуться нападению шведского флота. Было решено, что в этом году следует ограничиться разведыванием фарватеров, ведущих к Стокгольму, и защищающих его крепо-

стей, чтобы в будущем году «уже ни за чем ни стоять». С этой целью к Апраксину были присланы инженеры и сведущие морские офицеры. Было выяснено, что к Стокгольму вели три пути в шхерах: Стекзунд, севернее крепости Даларе, — узкий пролив, в некоторых местах не более 30 м шириной и до 2 м глубиной; два пути северо-восточнее о. Капельшера и юго-восточнее маяка Корсё соединялись у крепости Ваксхольм, находившейся в 20 км к северо-востоку от Стокгольма. 13 (24) августа галерный флот Апраксина подошел к фарватеру Стекзунд, и на оба берега пролива были высажены отряды И. Барятинского и С. Стрекалова по 3 батальона пехоты каждый. На левом берегу отряд Барятинского, пройдя чуть более километра пути, наткнулся на передовой отряд шведов, состоящий из двух полков пехоты и одного полка кавалерии. Эти силы шведов входили в состав армии принца Ф. Гессен-Кассельского, предназначенной для защиты Стокгольма (всего около 17 тыс. солдат). Разгорелось настоящее сражение. Оно длилось полтора часа. Шведы не выдержали и обратились в бегство. Наступившая темнота избавила их от преследования.

На другой день для разведки был выслан небольшой отряд русских. Он обнаружил значительные силы шведов, а фарватер — перегороженным затопленными судами — карабасами (карбасами). После разведки было решено обследовать фарватер от о. Капельшера до Ваксхольма. Для рекогносцировки был послан отряд под командой штурбенахта М. Х. Змаевича и генерал-майора Дюпре на 21 галере и 21 лодке. Основные силы флота Апраксина с 15 (26) по 18 (29) августа стояли у островов Мейан, дожидаясь возвращения разведывательного отряда. Змаевич, не дойдя до крепости Ваксхольм 3 км, остановился и, несмотря на пушечную пальбу, обследовал на шлюпках крепость, с которой инженеры сняли план. Под крепостью было обнаружено 5 линейных кораблей и 5 правов. На одном из кораблей развевался адмиральский флаг. Фарватер к Стокгольму был перегорожен железными цепями. На обратном пути отряд Змаевича, невзирая на присутствие шведской пехоты и кавалерии, при поддержке огня с галер высадился на берег и сжег имение графа Вредена.

18 (29) августа отряд соединился с флотом Апраксина. На следующий день русский галерный флот двинулся к о. Лемланд, где в 10 часов вечера был встречен самим Петром I у вновь построенной батареи.

Столь же успешно севернее Стокгольма действовал отряд генерал-майора П. П. Ласси. Ласси шел северным фарватером вдоль берега, высаживая десанты в Эстхаммаре и Эрегрунде, уничтожая литейные заводы. 20 (31) июля 1719 г. у Капеля (в 7—8 км от г. Форсмарка) русский десантный отряд (1,4 тыс. человек) разбил равный по численности шведский отряд, который, оградив себя засеками (завалами), открыл огонь, но, не выдержав наступления русских, ушел с поля боя, бросив три пушки.

25 июля (5 августа) 1719 г. Ласси высадил 2400 человек десанта для уничтожения железоплавильного завода Леста-Брука. Путь им преградил шведский отряд численностью 300 человек регулярного войска и 500 ополченцев. Угрожая с фронта, Ласси вынудил шведов отступить к основным силам (1600 человек), укрепившим свои позиции в поле. Сковав шведский отряд с фронта, Ласси послал для обхода с флангов два русских отряда. Удар во фронт и с флангов вынудил шведов в панике отступить, оставив семь пушек победителям⁶². 4 (12) августа отряд Ласси подошел к городу Евле, где под начальством генералов Армфельда и Гамильтона было сосредоточено 3 тыс. солдат регулярного войска и 900 вооруженных жителей. Проход на город Евле был защищен 4-пушечной батареей. Из города Упсала двигалось подкрепление. Не «вдаваясь в азарт», отряд Ласси разрушил военные объекты в окрестностях города и двинулся в обратный путь. 16 (27) августа 1719 г. галерный флот и десантные войска Ласси пришли к о. Лемланд на базу русского парусного флота.

Экспедиция русского галерного флота была весьма успешной. Она нанесла шведской военной промышленности значительный урон посредством уничтожения большого количества металлургических заводов. Были обследованы пути в шхерах к столице Швеции. Моральное значение похода также велико. Шведское население было потрясено беззащитностью своей территории. В июле 1719 г. русский посланник на Аландах А. И. Остерман был принят королевой Швеции, которая в резких тонах высказалась о действиях русского галерного флота против шведского побережья. В своем ответе Остерман указал, что эти действия пока носят разведывательный характер, поскольку шведские представители не спешат с заключением мира и практически страны находятся в состоянии войны. Остерман напомнил шведскому правительству о жестокостях шведской армии, проявленных ею в русских пределах, «о чем еще как в землях... так и инде жалостные памяти и ныне явны».

Аудиенция показала, что шведы намеренно обостряют переговоры. Королева вручила Остерману новые условия мира, составленные с помощью английских дипломатов. Они носили провокационный характер. А. И. Остерман, ознакомившись с предложениями шведской стороны, заметил, что «они (королева и канцлер.— Авт.) тужить будут о том, что нынешние добрые депозиции... к миру пропустили...». Шведы требовали возвращения не только Финляндии, но и Эстляндии и Лифляндии. В августе 1719 г. Петр I узнал о новых условиях и приказал прервать переговоры, которые были практически сорваны при содействии английского правительства. Шведское правительство с нетерпением ожидало прибытия английского флота, надеясь с его помощью отбросить угрозу вторжения русских войск и успокоить шведское население, протестовавшее против разорительной войны.

В конце июля в Стокгольме наблюдались случаи возмущения народа против продолжения войны⁶³. Королева Ульрика-Элео-

нора, явно идя вразрез с истинными намерениями, просила русское правительство прекратить военные действия ввиду якобы намечавшегося заключения мира.

21 августа (1 сентября) русский галерный флот и десантные войска ушли в Або, а парусный — в Ревель. Успехам русского галерного флота содействовал парусный флот, находившийся у о. Лемланд. Он следил за безопасностью галерного флота, рассылая крейсера и постоянно поддерживал связь с командующим Ф. М. Апраксиным. Временная база флота была укреплена артиллерийскими батареями, защищавшими вход в бухту. Петр I из действий галерного флота сделал соответствующие выводы. Легкие русские суда проникали в самые недоступные места. Как выразился А. Д. Меншиков, «наши стерляди (галеры) везде прошли». Поэтому, готовясь к кампании 1720 г., Петр I решил создать такое количество судов, которое могло взять на борт 30 тыс. человек десанта. Для будущей кампании было приказано построить 10 конных галер, 12 шхерботов, увеличить количество до 150 островских лодок. Каждой галере придавалась шлюпка⁶⁴. Такая серьезная подготовка русских вооруженных сил диктовалась чрезвычайно усложнившейся международной обстановкой. Англия стремилась поддержать явно клонящуюся к упадку Швецию и нейтрализовать растущую мощь России на Балтике. Английский посланник в Швеции Д. Картрет дал шведам письменное обещание в помощи английского флота, и 11(22) сентября 1719 г. Швеция уступила Бремен и Верден Ганноверу, т. е. английскому королю Георгу I. Английская дипломатия пыталась создать союз «буферных государств» якобы с целью предотвратить «продвижение России на запад»⁶⁵, а на самом деле — заставить европейские государства Данию, Польшу, Пруссию отойти от союза с Россией и оставить ее в политической изоляции. 6(17) августа Картрет дал указание Норрису соединиться со шведским флотом с целью разгрома и уничтожения русского флота⁶⁶, 16(27) августа английский флот у о-ва Борнхольм соединился со шведским флотом. Швеция, ободренная помощью, заняла откровенно враждебную позицию на Аландском конгрессе⁶⁷. 4(15) сентября 1719 г. русские уполномоченные были отозваны с Аландского конгресса. Долгий конгресс прекратил действие, но шведское и английское правительства не добились желаемого успеха. Россия решительно приступила к подготовке завершения военных действий.

Остров Котлин и порт Ревель были дополнительно укреплены. Гавани оградили бонами, в некоторых местах надстроили стены и поставили дополнительные батареи. Для ускорения стрельбы орудий были приготовлены пергаментные картузы, применяя которые можно было не банить орудия, отпущены скорострельные трубки; предписано было стрелять ядрами с картечью и вернее целиться, «дабы действительно были выстрела, а не гром один»⁶⁸. По берегу размещались наблюдательные посты. Для защиты гавани Ревеля было установлено 300 орудий.

Галеры и лодки стояли в готовности с целью отражения неприятеля, если он высадит десант на шлюпках или мелких судах в обход фарватера. Русский флот готовился к зимовке и будущей кампании.

* * *

В 1719 г. Швеция ощутила всю опасность своего положения. Ее военный потенциал оказался настолько истощенным, что надежда отбиться собственными силами от русских десантов была ничтожна. За прошедшую кампанию было уничтожено свыше 20 заводов (металлургических, кожевенных и т. д.), увезено огромное количество железа и меди, потоплено и испорчено несколько тысяч ружей и пушек. Однако людей, не подымавших оружия, не трогали⁶⁹. Но не материальным уроном характеризовалась сложившаяся ситуация, а тем, что Швеция, надеясь на помощь, практически попала в прямую зависимость от другой державы — Англии. Под давлением английской дипломатии, обещавшей помощь, шведское правительство отказалось принять мирные инициативы России. Англия стремилась сколотить антирусский союз в Европе и заставить другие страны защищать английские интересы на Балтике. По замыслам ее дипломатов против России должны были сражаться не англичане, а шведы и привлеченные к войне новоявленные союзники.

21 января (1 февраля) 1720 г. Англия окончательно подписала союзный договор со Швецией. Его одиннадцатый параграф гласил, что король Великобритании пошлет сильную эскадру в распоряжение шведского правительства, чтобы отразить нападение «москвитов на Швецию». Кроме посылки эскадры, Англия обязывалась выплачивать Швеции субсидии вплоть до окончания войны с Россией⁷⁰. Но, заключая трактат, Англия не считала нужным связывать себе руки — в договоре указывалось, что посылка эскадры не означает, что Англия вступила в войну. В договоре отмечалось, что союз со Швецией не ограничивает торговлю английских подданных с Россией⁷¹.

Под давлением Англии 21 января (1 февраля) 1720 г. подписала договор со Швецией Пруссия, обязавшись не оказывать помощь России. Тем не менее прусский король Фридрих-Вильгельм не желал ссориться с Россией. В июне этого же года в специальной декларации он заявил, что не берет на себя никаких обязательств, направленных против русских интересов⁷².

Англия всеми мерами стремилась принудить и Данию заключить союз со Швецией. С октября 1719 г. по июль 1720 г. английские дипломаты принуждали датчан к союзу. Только 3(14) июля 1720 г. Дания была вынуждена принять английское посредничество и заключить договор со Швецией, но по настоянию Франции она потеряла земли, завоеванные у Швеции в ходе Северной войны с помощью России. Таким образом, Дания выпадала из числа надежных союзников⁷³. Как писал В. Л. Долгорукий из Копенгагена, «датчане не умолкают нарекают на короля англий-

ского за учинение мира, что дружба короля английского королю датскому не права»⁷⁴.

Попытки английских дипломатов привлечь к антирусской коалиции Австрию, Пруссию, Польшу, Голландию не увенчались успехом. Глубочайшие противоречия, которые существовали со времен борьбы за испанское наследство, и бывшие отзвуки территориальных притязаний по-прежнему оказывали влияние на взаимоотношения этих стран. Натянутые отношения сохранялись между Францией и Англией. Русское правительство было прекрасно осведомлено о существовавших противоречиях и сумело учесть их при подготовке к кампании 1720 г.

Заранее были предприняты конкретные меры с целью предотвращения слухов о каких-либо территориальных притязаниях России и устранения трений с правительствами Польши, Австрии и Ганновера, а также с государствами, сопредельными с акваторией Балтийского моря. В 1719 г. русские войска начали уходить из Мекленбурга и Польши. Они отводились в районы, прилегающие к Риге⁷⁵.

С целью нейтрализации возможных попыток военного вмешательства со стороны Англии и несмотря на откровенную враждебную политику английских дипломатов, Петр I 8 (19) апреля 1720 г. издал третью декларацию, разрешавшую англичанам торговать в России. Этим актом русское правительство затруднило разжигание враждебной России кампании в Англии⁷⁶. Тем не менее русское правительство не обольщалось относительно улучшения англо-русских отношений. Если общественное мнение Великобритании склонялось в пользу России, то ее правящие круги упорно продолжали готовиться к враждебным действиям. Русский посланник в Англии Ф. Веселовский сообщал в феврале 1720 г. в Петербург, что Англия вооружает эскадру на помощь Швеции. По его сведениям, она насчитывала 30 кораблей, экипаж которых превышал 9 тыс. человек⁷⁷.

Приготовления Англии не обескуражили Россию. Насколько принципиальной была ее позиция по отношению к другим странам, свидетельствовал следующий факт. Как только прервались переговоры со Швецией, в Данию направился отряд русских кораблей (две шнявы и пинк) под командой капитана третьего ранга Н. П. Вильбоа. В сентябре 1719 г. отряд прибыл в бухту и заблокировал свыше 100 английских и голландских судов, готовившихся перевезти хлеб в Швецию. 19(30) сентября 1719 г. на рейд Данцигской гавани прибыли 3 шведских корабля (линейный корабль, фрегат и пинк). Вильбоа сделал все приготовления к сражению и просил коменданта крепости Вексельмюнде, охранявшей гавань, содействовать ему. Опасаясь шведов, равно как и русских, комендант предложил Вильбоа посредничество с целью пропуска русского отряда в Ревель или Петербург. Вильбоа твердо ответил, что, пока царь Петр I не прикажет возвращаться, он будет «стоять здесь до последнего человека»⁷⁸.

В октябре 1719 г. Петр I приказал русской эскадре возвра-

щаться, но четыре шведских корабля заблокировали выход из гавани, и Вильбоа решил остаться, не допуская шведов в гавань. Петр I, понимая, что прекращение ввоза хлеба в Швецию ставит ее в тяжелейшее положение, был не против зимовки русского отряда в Данциге.

12 (23) апреля 1720 г. сильная шведская эскадра в составе трех линейных кораблей и четырех фрегатов была направлена из Карльскруны в Данциг⁷⁹. По вскрытии льда эскадра прибыла на рейд гавани, но шведская королева, зная о русской декларации от 8 (19) апреля 1720 г. и не желая кровопролитного конфликта, наказала командиру шведской эскадры выпустить отряд Вильбоа из бухты. Шведы предложили русским свободный выход и обещали в течение 24 часов не начинать преследования. Вильбоа согласился уйти с условием разрыва во времени в 48 часов. Получив согласие, русская эскадра благополучно прибыла в Ригу. Этот эпизод подтверждает, что шведское правительство после опубликования русского мемориала не было твердо уверено в посылке английского флота к берегам Швеции. Да и английскому правительству, несмотря на явное желание помочь Швеции военной силой, приходилось исполнять свои обязательства по отношению к ней в завуалированной форме. В начале апреля 1719 г. статс-секретарь Дж. Стенгоп заявил Ф. Веселовскому, что, дабы русское правительство не имело претензий к Англии, он сообщит русскому посланнику «список с трактату нашего со Швецией и с инструкций, которые мы дали адмиралу Норрису». Тем не менее ни копии англо-шведского договора, ни инструкции русскому послу вручены не были. В письменном виде лишь сообщалось, что английская эскадра идет в Балтийское море для защиты Швеции и содействия в заключении мира с Россией⁸⁰. Стенгоп просил довести содержание письма до сведения Петра I. Естественно, такая позиция Англии не могла не повлиять на подготовку вооруженных сил России к предстоящей кампании, которая началась заблаговременно — зимой 1720 г.

С наступлением весны и по вскрытии льда она активизировалась. Адмиралу Ф. М. Апраксину было предписано подготовить парусный флот⁸¹ и морские базы, а командующему сухопутными войсками генералу М. М. Голицыну приказывалось провести смотр войскам в Финляндии. В марте 1720 г. Апраксин дал инструкцию капитан-командору В. фон Гофту провести поиск у берегов Швеции с целью определения мест стоянок для русского флота. В ней было указано не входить в конфликт с иностранными торговыми судами, но с особой строгостью относиться к осмотру шведских торговых судов. Предписывалось внимательно следить за приходом английских военных кораблей в Балтику. С этой целью из эскадры выделялся корабль для крейсирования в районе Дагерорта. С появлением англичан эскадре Гофта было велено идти к Наргену и послать сообщение об английском флоте в Ревель⁸².

14 (25) апреля 1720 г. эскадра Гофта в составе 7 кораблей

и 1 фрегата вышла на поиск к берегам Швеции⁸³. Фрегат «Ландсдоу» под командой капитана П. Бенса был направлен из Ревеля с целью перехвата 11 торговых судов, на которых шведы намеревались из Голландии перевезти медные пушки. Фрегат Бенса, не обнаружив судов, прибыл в Копенгаген и остался в распоряжении посла Долгорукого до сентября 1720 г.

Петр I планировал начать военные действия зимой. Для этой цели выделялась партия казаков, которой предписывалось перейти по льду Ботнический залив из Васы в Умео и тревожить шведское побережье. Таким образом, несмотря на то что Англия подписала союзный договор со Швецией, русское правительство не отказалось от активных действий. Теплая зима и слабый ледовый покров залива вынудили русское командование отказаться от выполнения этого плана. Было решено отложить операцию до весны и выполнить ее галерным флотом с десантом. 4 (15) марта был выработан план действий. Им предписывалось послать треть галер к городу Васе, перейти Ботнический залив и действовать в районе шведского города Умео, нанеся отвлекающий удар. Главным силам галерного флота предстояло идти проливами Аландского архипелага к шведскому побережью в район города Гевле, «чтоб какой возможно убыток неприятеля учинить, дабы тем обнадеживание английское опровергнуть», но в «азарт себя не допускать, дабы ежели проиграем... более неприятелей самим на себя не подвигнуть». Ревельской эскадре под командованием Гофта надлежало «прикрыть флот галерный» и иметь надежную связь с командующим русским флотом Ф. М. Апраксиным, который находился в Ревеле⁸⁴.

22 апреля (3 мая) 1720 г. в Ревель был послан указ подполковнику П. М. Голицыну подготовить полки гвардии и галеры к походу⁸⁵. Три полка (Ингерманландский, Астраханский и Киевский) направлялись в Ревель для защиты от возможного нападения шведского десанта, который при помощи английского флота мог высадиться у Ревеля. Гавань на острове Котлин также была усилена устройством двух дополнительных батарей из ста и восьмидесяти 18—24-фунтовых пушек.

В конце апреля галерный флот из 105 галер (из них 19 конных), 110 островских лодок, 8 бригантин и десанта численностью в 24119 человек⁸⁶ вышел из Або по направлению к западным островам Аландского архипелага. Активным действиям русского десанта способствовало сообщение русских послов Б. Куракина из Гааги и В. Долгорукого из Копенгагена. В феврале—марте 1720 г. они писали русскому правительству о состоянии готовности шведов и англичан к предстоящей кампании. По их сведениям, шведы готовили десант и транспорт на 24 тыс. человек. К кампании на море вооружалось 17 военных кораблей. Шведское правительство ожидало помощи войсками от Ганновера, а из Англии — прихода военного флота. Русские послы также сообщали, что шведам будет трудно собрать войска из-за «малолюдства», английский флот задержится на месяц: англичане ссы-

лались на трудности перехода пролива Каттегат в темные ночи⁸⁷. Эти сведения были весьма своевременны и повлияли на планы кампании.

Русское командование решило действовать, опережая противника. Петр I уже 11 (22) апреля 1720 г. дал указание адмиралу Апраксину о подготовке десантов к боевым действиям: «Приход Норрисов не так чается быть скор, как разглашали, и для того писали мы к господину кн. Голицыну, ежели возможно до его (Норриса.— Авт.) прибытия делать, чтоб не опуская времени делали осмотр по тамошним случаям»⁸⁸. Пока английский флот в составе 21 линейного корабля и 10 фрегатов начал 16 (27) апреля свое движение к берегам Швеции, 24 апреля (5 мая) к неприятельскому побережью, как предписывалось планом, вышел из Або русский отряд под командованием бригадира Менгдена на 35 галерах (из них 9 конных) с 6282 солдатами десанта (в том числе 162 казаками)⁸⁹. Пройдя шхерами до Васы, русский отряд пересек Ботнический залив и приблизился к побережью Швеции в районе городов Старый и Новый Умео. Менгден высадил конных казаков, произвел разведку побережья и, углубившись более чем на 30 км, разорил неприятельские магазины, захватил торговые суда. 8 (19) мая его отряд благополучно вернулся в Васу.

Английский флот только 12(23) мая прибыл в Швецию и, соединившись со шведским флотом, двинулся к берегам России, не подозревая, что русские войска хозяйничают за его спиной на побережье Швеции. Результаты экспедиции Менгдена были оценены следующим образом: «Хотя сей поиск над неприятелем не может в велико почтен быть, ежели бы то в иной случай было учинено; но при сем случае, когда английский флот обещал их оборонить, пред которых очьми то учинено, за знатное дело почтен быть может»⁹⁰.

Экспедиция русского отряда показала шведскому правительству, что защита англичан не может избавить Швецию от десантов русского флота. Набег отряда вынудил шведское командование отказать от активных действий против русских военных портов.

В конце мая 1720 г. англо-шведский флот появился у Ревеля, где все было готово к защите. Помимо гарнизона, население города вооружилось не только ружьями, выданными губернатором, но и личным оружием. Вскоре англо-шведский флот приблизился и стал на якорь в трех милях от города⁹¹. Английский флот насчитывал в своем составе 18 линейных кораблей (от 50 до 90 пушек на каждом), 3 фрегата, 2 бомбардирских судна и 1 брандер. Шведский флот состоял из 7 линейных кораблей (от 64 до 70 пушек на каждом), пинка, бомбардирского судна и 2 брандеров⁹².

Адмиралу Норрису немедленно был послан запрос от командующего русским флотом Апраксина, с какой целью прибыл английский флот, и указывалось, что «такое выше приближение

к оборонам здешних мест принадлежащим, не иначе как за явной знак неприятства от нас принято быть может и мы принуждены будем в подлежащей осторожности того себя содержать»⁹³. Норрис написал ответ на имя Петра I, но Апраксин, не имея полномочий непосредственно принимать письма на имя царя, не взял его. Норрис был вынужден объясняться с русским адмиралом. В письме Апраксину он писал, что приход английского флота на Балтику совершен исключительно с целью посредничества в переговорах России и Швеции⁹⁴. Адмирал Апраксин в своем ответе напомнил Норрису о дипломатических правилах и указал, что если английский король желает что-либо предложить русскому царю, то он может прислать посланника или самого Норриса с полномочной грамотой, как это принято между государствами. Пока шла длительная переписка между адмиралами, англо-шведский флот занялся промерами глубин между Наргеном и Вульфом с целью выяснения возможности высадки десанта. Были предприняты и практические действия. Высадившись на острове Нарген, союзные силы сожгли «избу да баню, которые сделаны были для работных людей»⁹⁵. Совершив этот «подвиг», они не знали, что делать дальше. Адмирал Норрис убедился, что нападение на укрепленное русское побережье без достаточных сухопутных войск неосуществимо. Положение англо-шведского флота усугублялось и слабым знанием акватории этого района. Насколько неподготовленной оказалась эта экспедиция, свидетельствует и тот факт, что советником англичан был француз барон Сент-Илер, бывший директор русской Морской академии, уволенный с русской службы по несостоятельности. Сенатор А. А. Матвеев весьма точно определил знания французского барона. В декабре 1716 г. он писал: «С. Илер, во время пребывания своего в академии, ни одного кадета в дальнейшую науку не произвел, и успехов в самой меньшей науке свидетельствовать не может, не только не превосходит профессоров, но и навигаторской науки не знает»⁹⁶. В свое время один из проектов Сент-Илера заслужил от Петра I следующую резолюцию: «По сему мочно знать, что не много ума, понеже всех глупее себя ставить»⁹⁷. Англичане и сами дивились знаниям барона. «Зналок России» на карте револьского рейда, составленной им, указал речку Бригитовку (Пириту), якобы протекающую через гавань.

Пока союзники в течение трех дней маялись под Ревелем, адмирал Норрис 2 (13) июня получил неожиданное известие о нападении русского десанта под командованием Менгдена на шведское побережье. Союзный флот вынужден был спешно идти к Стокгольму⁹⁸. Норрис даже не дождался ответа Апраксина на свое второе письмо. Так бесплодно закончился поход англо-шведского флота.

Тем временем Петр I продолжал подготовку к действиям на море. Он произвел боевую проверку вновь спущенных судов русского флота. В 5 милях от крепости Кроншлот в течение нескольких дней 5 линейных кораблей проводили учения, которые

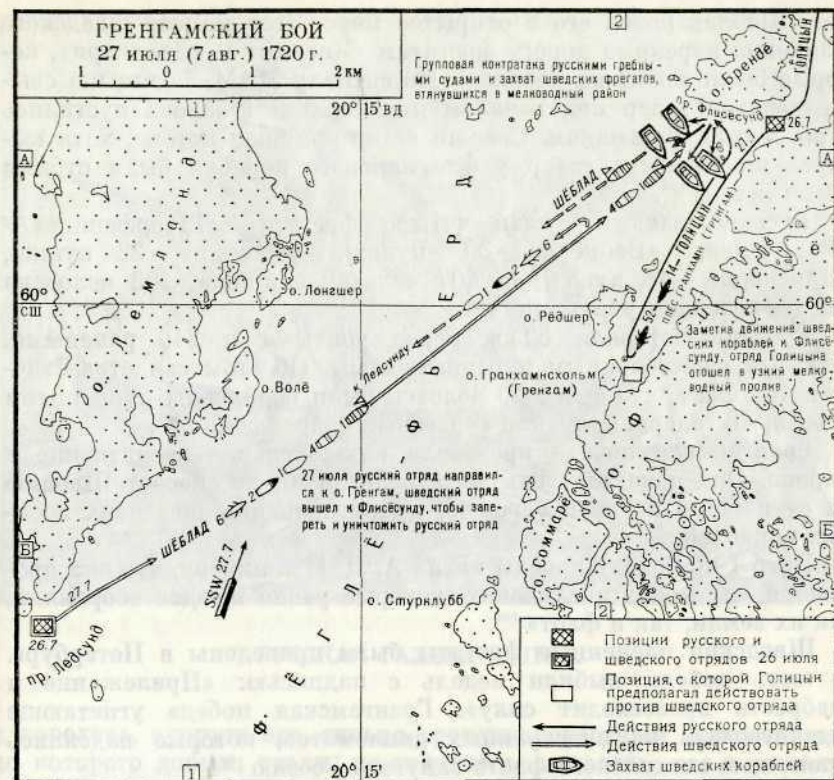
были признаны успешными⁹⁹. Присутствие английского флота на Балтике не повлияло на планы русского командования. Оно по-прежнему стремилось оказать давление на шведское правительство и посредством десантов вынудить его начать мирные переговоры.

12 (23) июня эскадра под командованием Гофта отошла от острова Котлин и приступила к крейсированию между Гангутом и Ровервиком. Галерный флот под командованием М. М. Голицына переместился из гавани острова Лемланд к финским берегам залива. Русское командование считало необходимым сосредоточить галерный флот и десантные войска в одном месте под прикрытием парусного флота впредь до выяснения направления дальнейших действий соединенного англо-шведского флота. Но это решение не означало отказа от активных действий. Гренгамское сражение явилось ярким свидетельством наступательного характера кампании 1720 г.

После ухода русского галерного флота от о-ва Лемланд там появились разведывательные шведские галеры. Петру I донесли, что три шведские галеры захватили одну из семи русских лодок, севшую на мель. Несмотря на то что из русских воинов никто не попал в плен, Петр I выразил недовольство потерей лодки. Он приказал М. М. Голицыну провести разведку и очистить Лемланд от неприятеля.

24 июля (4 августа) русская флотилия под командованием Голицына в составе 61 галеры, 29 лодок, на которых находилось 10 941 человек десанта¹⁰⁰, вышла к Або, намереваясь достичь Аландского архипелага. Там недалеко от о-ва Лемланд уже находились две шведские эскадры: под командованием К. Шёблада в составе 1 линейного корабля, 2 фрегатов, 2 галер, галиота и 2 шхерботов; вторая эскадра под командованием К. Вахмейстера насчитывала 3 линейных корабля, 12 фрегатов, 8 галер, 2 бригантины, 3 шхербота, галиот, шняву и брандер¹⁰¹.

26 июля (6 августа) русские галеры подошли к проливу близ Лемланда и у острова Фрисберг обнаружили эскадру Шёблада. Сильный ветер и большие волны помешали ее атаковать. Русские галеры стали на якорь у берега в затишье и выжидали удобного момента для атаки. Но ветер не стихал. На следующий день состоялся консилиум командиров русского флота, на котором было решено: отойти к удобной стоянке у острова Гренгам и, «когда погода будет тихая, а оные суда далече не отступят, чтоб абординовать». Как только русские галеры стали выходить из-под прикрытия острова Рёдшер с плеса Гренгама по направлению к проливу между островами Брендё и Флисе, эскадра вице-адмирала Шёблада, усиленная кораблями из другой эскадры (всего 14 выпелов: 1 линейный корабль, 4 фрегата, 3 галеры, шнява, галиот, бригантина и 3 шхербота), снялась с якоря и устремилась в погоню за русским гребным флотом¹⁰². Русские галеры втянулись в пролив между островами, изобилующий мелями и рифами. Четыре шведских фрегата, шедшие первыми, попав в уз-

кое место, с трудом лавировали и управлялись. М. М. Голицын приказал галерам остановиться и атаковать шведов. К. Шёблад, шедший на линейном корабле за фрегатами, дал сигнал своим кораблям построиться в боевой порядок — развернуться бортами к галерам, чтобы встретить их залпами бортовой артиллерии. Крупные и глубоко сидящие корабли шведов с большим радиусом циркуляции оказались беспомощными. Фрегаты «Венкерт» и «Шторфеникс», разворачиваясь, сели на мель и были окружены русскими галерами. Закинул упорный абордажный бой. Ни высокие борта, ни абордажные сетки не остановили порыв атакующих. Шведские корабли были взяты в плен. Два других фрегата, «Кискин» и «Данскерт», пытались вырваться из западни, но им помешал маневр командующего эскадрой вице-адмирала Шёблада. Увидев решительную атаку галерного флота, не обращавшего внимания на отчаянное сопротивление команд шведских кораблей, Шёблад попытался сделать фордевинд (поворот по ветру) и, поймав направление ветра, уйти в открытое море. Инерция хода, ограниченное время для переноса парусов до нужного угла неминуемо закончились бы пленением корабля. Шёблад приказал бросить якорь, не опуская парусов. Его корабль совершил поворот на месте, поймал ветер. Обрубив ка-

нат, Шёблад повел его в открытое море. Этот маневр шведского флагмана перекрыл дорогу фрегатам «Кискин» и «Данскерн», которые были взяты на абордаж. По сигналу М. М. Голицына свыше десятка галер под началом полковника Чубарова пустились в погоню за флагманом. Свежий ветер помешал погоне, хотя выстрелами пушек с галер у флагманского корабля были отбиты доски кормы¹⁰³.

Русские взяли в плен четыре фрегата («Шторфеникс» — 34 пушки, «Венкерн» — 30 пушек, «Кискин» — 22 пушки, «Данскерн» — 18 пушек) и 407 человек экипажа. 103 человека шведы потеряли убитыми¹⁰⁴.

Русские потеряли 82 человека убитыми и 246 ранеными. Бой был ожесточенным и решительным. Об этом свидетельствует и тот факт, что более 40 человек были обожжены пушечными газами, 43 галеры получили серьезные повреждения¹⁰⁵.

Гренгамская победа произвела внушительное впечатление в Европе. Она показала, что помощь англичан не спасает Швецию ни от набегов на ее побережье, ни от пленения шведских военных кораблей.

Петр I по поводу победы писал А. Д. Меншикову, что она произошла «при очах английских, которые равно шведов обороняли, как их земли, так и флот»¹⁰⁶.

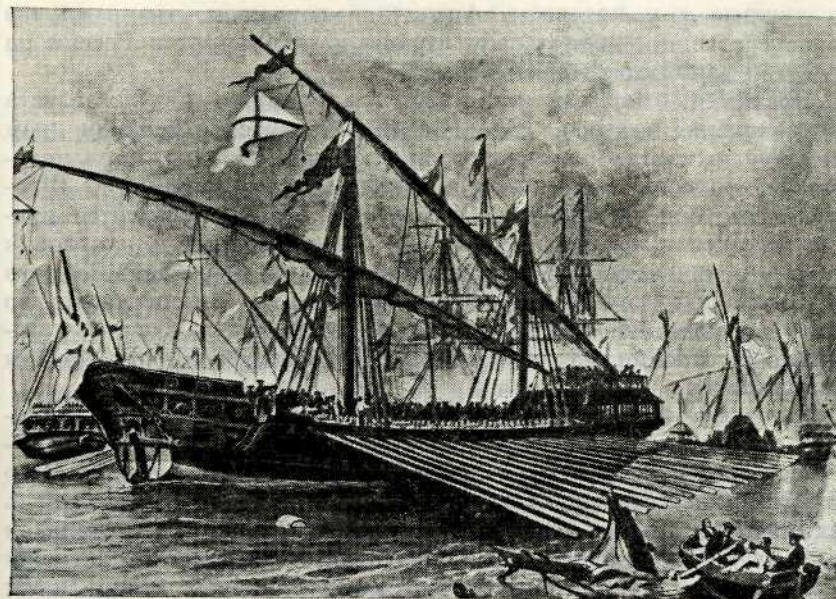
Шведские плененные фрегаты были приведены в Петербург. В честь победы выбили медаль с надписью: «Прилежание и храбрость превосходит силу». Гренгамская победа угнетающе подействовала на иностранных дипломатов, которые надеялись с помощью английского флота запугать Россию¹⁰⁷.

Успех Гренгамского сражения был достигнут благодаря тесному взаимодействию сухопутных войск и флота. Массовое и организованное применение галер отвечало условиям театра военных действий. Шхерные районы были заблаговременно хорошо изучены. Армейские десантные соединения и части отличались высокой степенью подготовки. Парусный флот вел разведку и охранение галер в открытом море. Победа при Гренгаме оказала большое влияние на ход войны.

После сражения русский корабельный флот возвратился на стоянку в Ревель и Котлинскую гавань. Галерный флот отошел на финские базы, обеспечивая безопасность побережья Финляндии. Главные силы сухопутных войск (15 полков) расположились в Або, а 5 полков — в Гельсингфорсе. Так завершилась военная кампания 1720 г. Теперь развернулась борьба на дипломатическом поприще, проходившая в обстановке возраставшей нервозности шведского правительства.

* * *

В июне 1720 г. новый король Швеции Фридрих I Гессен-Кассельский¹⁰⁸ заявил, что страна не может продолжать войну, если, кроме Англии, ей не окажут помощи Франция и Пруссия. Французский дипломат Г. Де-Лави сообщал: «Король шведский

РУССКАЯ ГАЛЕРЕ XVIII в.

и королева, супруга его, сильно тронуты горестным положением, до которого дошли, стали, по-видимому, сожалеть, что в начале первых переговоров о восстановлении мира на севере предпочли короля Великобритании царю. Они только поэтому согласились на все, сделанные ими в пользу этого государя, так и в пользу королей прусского и датского, уступки, что их уверили, будто за эти уступки им помогут возвратить все провинции, отнятые у Швеции царем; а между тем не только эти уверения не исполнились в действительности, но они увидели себя в необходимости купить мир с этим монархом путем еще новых уступок»¹⁰⁹.

После Гренгама в Швеции наступило отрезвление. Правительство было потрясено поражением своего флота. Вызывала недоумение пассивность флота английского. Правительство Великобритании много обещало, но ничего не предприняло для спасения Швеции. Англия воочию убедилась, что демонстрация силы не принесла ожидаемого результата, а к серьезному столкновению с Россией она не стремилась. Население, особенно купечество и парламентарии, осуждало какие-либо военные действия против России. Было ясно, что русское государство не позволит оказывать на себя ни политическое, ни военное давление. Политика короля Георга I, пытавшегося сколотить антирусскую коалицию, после Гренгамской битвы оказалась на грани провала. В дальнейшем по мере развития событий она потерпела полный крах. Как и предполагал Петр I, английский народ не желал воевать.

за чуждые ему интересы. Англичане понимали, что в случае непосредственного вступления страны в войну против России на успех нельзя было рассчитывать¹¹⁰.

Посланник Де-Лави в письме во Францию от 30 августа (10 сентября) указывал, что Россия становится с каждым днем все могущественнее и опаснее для соседей. Однако царь по-прежнему «расположение жить в мире... и примириться со Швецией... Англия нисколько не пугает его... Царь пользуется пребыванием своим в столице для улучшения зданий и каналов в городе, а также и для ускорения постройки кораблей. За лето спустили уже четыре линейных корабля и рассчитывают до зимы спустить еще два, а в будущем году шесть; здешнему государю постройки их обходятся гораздо дешевле, чем другим нациям...»¹¹¹.

В августе 1720 г. французское правительство, оценив ситуацию, предложило свое посредничество в переговорах между заинтересованными странами: Россией, Швецией и Англией. Оно надеялось нажить политический капитал, а заодно и ослабить влияние Англии в районе Балтийского моря¹¹². Английская дипломатия оказалась в затруднительном положении. Растущая мощь России и ее авторитет на международной арене могли способствовать образованию коалиции в составе России, Польши и Австрии, к которой могли примкнуть Дания и Пруссия¹¹³. Боясь оказаться в изоляции, английский советник решил поддержать идею мирных переговоров.

Англия отклонила просьбу шведского правительства оставить на зимовку несколько кораблей. Английский секретарь Д. Стенгоп в письме адмиралу Норрису от 1(12) октября 1720 г. указывал, что выполнение просьбы шведского короля об оставлении на зимовку кораблей с целью оказания помощи Швеции в начале 1721 г. не даст желаемого результата, поскольку в период замерзания моря они будут бесполезны¹¹⁴. Но истинные причины отказа раскрыл сам Георг I. Он писал Фридриху I: «Я закликаю ваше величество, как верный друг и союзник, не теряя времени, заключить мир с царем и устранить, поскольку это от вас зависит, неудобства и опасности, каким подвергает вас и ваше королевство теперешнее положение»¹¹⁵. Английский король советовал шведскому правительству заключить мир без его посредничества. Фактически это означало отказ от тех условий, которые он упорно отстаивал в течение 1719–1720 гг. Это был полный провал английской дипломатии, так много обещавшей Швеции, которая была поставлена на грань военного и экономического краха.

9 (20) августа 1720 г., когда по существу закончились военные действия, в Стокгольм был послан русский уполномоченный А. И. Румянцев с официальной миссией поздравления Фридриха I со вступлением на престол. Шведское правительство ожидало, что он привез условия мирного договора. Но их не оказалось. Было предложено только заключить временное перемирие

и обменяться пленными. Шведы были крайне разочарованы, поскольку многого ожидали от приезда Румянцева.

2 (13) мая, когда еще шли военные действия, Фридрих I отправил в Петербург своего генерал-адъютанта М. Виттенберга для извещения русского правительства о своем вступлении на престол. Петр I оказал исключительное внимание шведскому посланнику. Он показал ему Петербург и остров Котлин — русскую базу военного флота, заметив при этом: «Хотя и не обычай между воюющими показывать крепости неприятельскому офицеру, но зато теперь Швеции не надобно терять денег на шпионов, понеже посланник все видел»¹¹⁶. Шведы надеялись, что Петр I возьмет на себя инициативу начала переговоров. Но они ошиблись. Просить о мире русские не собирались, ибо ждали предложений от противника. В последние дни пребывания Румянцева в Стокгольме шведское правительство заявило о своем желании «для общего блага обоих государств и пресечения разлития крови» начать мирные переговоры.

12 (23) ноября А. И. Румянцев возвратился в Петербург и поставил в известность царя о том, что шведы желают мира. Петр I не замедлил с ответом. Он отправил письмо королю Швеции, в котором советовал «прямо приступить к переговорам о мире», и предложил место переговоров — финские города Ништадт или Раумо на выбор¹¹⁷. Местом переговоров был выбран Ништадт. Шведский король попросил французского посланника Я. Кампредона встретиться с русским правительством и высказать его позицию¹¹⁸. Он надеялся, что английские и французские дипломаты могут оказать ему помощь и избежать унизительных условий мира. Эта надежда возникла в результате решения английского правительства выслать русского посла М. Бестужева из Лондона, после того как он вручил английскому королю декларацию, в которой в открытой форме осуждались действия Великобритании по отношению к России.

23 ноября (4 декабря) 1720 г. Бестужев покинул Англию. Петра I это не удивило, так как он отлично понимал, что английское правительство вынуждено было хотя бы в дипломатической форме высказать свое отношение к России. Но реальной помощи Швеции оно уже не могло оказать. Русское правительство предвидело колебания Швеции и ее ожидание помощи со стороны крупных европейских государств, но этим надеждам не суждено было сбыться. В депеше от 27 декабря 1720 г. (7 января 1721 г.) французский посланник Г. Де-Лави сообщал: «Достоверно одно, что его царское величество отнюдь не намерен провести себя лживыми переговорами и весьма предусмотрительно старается обезопасить себя от всяких печальностей». С сожалением отмечалось, что теперь у русских столько агентов при иностранных дворах, что они знают все, что там делается¹¹⁹. Действительно, русское правительство готовилось во всеоружии встретить предстоящие переговоры. В этом убедился и Я. Кампредон, прибывший в феврале 1721 г. в Петербург.

Кампредон, согласно инструкции Фридриха I, попытался навязать России условия шведской стороны: русским предлагалось ограничиться Петербургом, Нарвой, Кексгольмом и землями Ингрии.

Русское правительство твердо стояло на позициях программы, которую оно выдвигало на Аландском конгрессе: к России должны были отойти Эстляндия с Ревелем, Лифляндия с Ригой, Ингерманландия, Выборг и Карелия. Как и прежде, Россия отказывалась от присоединения Финляндии. «Мы не хотим больше иметь столкновения со своими соседями,— заявил А. Д. Меншиков,— а для этого надо, чтобы нас разделяло море. Царь не уступит ни Ливонии, ни Эстонии, а с другой стороны, он не желает из собственного окна видеть землю соседа»¹²⁰. Русская сторона была согласна сделать еще некоторые уступки — заплатить денежную компенсацию за Лифляндию и не поддерживать притязаний голштинского герцога Карла-Фридриха на шведский престол¹²¹. На этом предварительные переговоры окончились. Кампредон увидел, что «шведы имеют самое ложное понятие о состоянии дел царя...». Пребывая в Петербург, он через надежных агентов собрал сведения о военном положении России. Ему сообщили, что русская армия насчитывает 115 тыс. человек регулярного войска и что русская пехота находится в превосходном состоянии. Солдаты и офицеры регулярно получают денежное пособие. Казна полна, открываются залежи железной руды, доходы растут. В Финляндии сосредоточено 25 тыс. солдат, и царь планирует переместить туда еще 15 тыс. человек, намереваясь создать 40-тысячный десант. Для этого готовы 200 галер. Русский флот насчитывает около 48 военных кораблей, не считая фрегатов. Всего же у него имеется в наличии 300 галер и более 1100 грузовых судов. Царю известно о бедственном положении в Швеции¹²². Эти сведения еще раз убедили Кампредона, что для спасения Швеции необходимо скорейшее согласие короля, с тем чтобы предотвратить готовящуюся кампанию русских. В конце марта 1721 г. Кампредон вернулся в Стокгольм с твердым намерением убедить короля согласиться заключить мир на условиях, предложенных русским правительством.

Петр I деятельно готовился к предстоящей кампании. У шведского правительства необходимо было отнять всякую надежду на затягивание мирных переговоров, открытие которых намечалось на апрель 1721 г. В последний год войны русские вооруженные силы находились в блестящем состоянии. Помимо регулярной армии, насчитывавшей свыше 100 тыс. человек пехоты и кавалерии, в России находились гарнизонные войска, состоявшие из 51 полка пехоты и 4 драгунских полков общей численностью в 71 339 человек. Иррегулярная конница (донские, украинские казаки, башкирские и калмыцкие конники) составляли контингент в 125 тыс. человек. Русская крепостная артиллерия насчитывала 8100 стволов. Особенно сильно был вооружен Петербург — 590 орудий¹²³.

Продолжал наращивать свою мощь и русский флот. В феврале — марте 1721 г. на воду в зимних условиях были спущены еще три корабля. Для этого во льду сделали проруби, заполнив их мелкими кусками льда. Спуск прошел благополучно. Парусный флот приводился в боевую готовность. К кампании 1721 г. готовили 29 линейных кораблей, 6 фрегатов, вооруженных 2128 орудиями. Экипаж флота насчитывал 16 121 человека¹²⁴. Галерный флот включал 171 галеру и 22 870 человек десанта¹²⁵.

В ином состоянии находились вооруженные силы Швеции. Страна была доведена почти до полного экономического краха. Войска даже не получали жалования. По сведениям агентов было выяснено, что к предстоящей кампании в окрестностях Стокгольма готовят лагерь на 20 тыс. человек солдат, но армия не надежна. Офицеры и солдаты недовольны ни королем, ни сенатом, ибо у них наполовину сокращено жалование. В войсках отмечалось брожение. В марте взбунтовался кирасирский полк. Он воспротивился реформированию в пехотный и направлению пешим порядком на защиту Стокгольма. В мае 1721 г. войска открыто заявили, что если им не будут платить жалованья, то при вступлении русских на берег Швеции они не станут обороняться и сложат оружие. Отмечалось, что моральное состояние населения Швеции сильно упало. «Вся Швеция,— писал М. Бестужев,— в великой бедности и в отчаянии, что больше войны не хотят и что все единогласны в том намерении, наипаче же и войска»¹²⁶.

Швеция намеревалась иметь к предстоящей кампании 18 линейных кораблей и сильный галерный флот. Но сделать это не было ни сил, ни средств. Удалось подготовить только 11 линейных кораблей, 3 фрегата, брандер и немногим более 30 галер¹²⁷. В целях дезинформации относительно своих реальных возможностей продолжать войну правящие круги Швеции стали распространять ложные сведения, будто на помощь к ним отправлено 20 тыс. австрийских, 20 тыс. французских, 10 тыс. датских и 16 тыс. английских войск¹²⁸.

Петр I внимательно следил за действиями шведского правительства. В замок Кронборг (близ Копенгагена) был послан лейб-гвардии урядник И. Толстой. В случае прибытия английского флота в Копенгаген ему надлежало пересчитать корабли и, наняв судно, срочно доложить об этом командующему русским Балтийским флотом Ф. М. Апраксину. Подобные же инструкции получили представители России в Голландии (Б. И. Куракин) и Дании (М. П. Бестужев).

Шведское командование планировало, как и в прежнюю кампанию, вести оборонительные действия. Большие надежды возлагались на помощь Англии. Король Георг I обещал послать английский флот на Балтику, а также содержать 15 тыс. шведского войска за свой счет. Он советовал шведам заключить перемирие до мая 1721 г. Важно было выиграть время для создания коалиции против России. И на этот раз шведское правительство

было введено в заблуждение. Оно снова ориентировалось на помощь извне без твердых гарантий ее получить.

24 апреля (5 мая) 1721 г. в Ништадт прибыли шведские уполномоченные И. Лилиенштет и О. Стремфельд. Через три дня туда приехал и русский уполномоченный Я. В. Брюс, а в мае — А. И. Остерман. Представители Швеции начали договариваться о мире и просили именем своего короля, чтобы воинские действия были остановлены. Но это миролюбие явилось результатом выжидательной тактики. Шведская сторона надеялась выяснить, какую позицию займет Англия и насколько действенной будет ее помощь.

Русское правительство самым пристальным образом следило за развитием событий. В апреле 1721 г. из Гааги от Б. И. Куракина пришло сообщение, что английский флот намерен отбыть к берегам Швеции. Его командующему адмиралу Норрису было приказано «только оборонять Швецию, а наступательного ничего не чинить»¹²⁹. Английское правительство уже не решалось на открытое вмешательство в военные действия на Балтике. Посланнику в Швеции У. Финчу указывалось, что Англия не в состоянии более поддерживать Швецию, ибо нет шансов пожать плоды, на которые шведский король рассчитывал от помощи Англии, и потому необходимо стремиться к миру.

13(24) апреля 1721 г. английский флот под командованием Д. Норриса отправился на Балтику. Он насчитывал в своем составе 25 линейных кораблей и 4 фрегата¹³⁰.

В конце апреля флот прошел мимо Копенгагена и встал у острова Борнхольм. 3(14) мая 1721 г. Петр I писал М. М. Голицыну, что «английский флот ... пошел в море и чаю его быть ныне в Зунде, того имейте осторожность»¹³¹. Русское командование приняло решение направить к берегам Швеции десантный отряд П. П. Ласси. Оно считало, что таким образом можно скорее заставить шведов заключить мир. Отряд Ласси состоял из 5 тыс. человек пехоты и около 400 казаков. Он располагался на 30 галерах, 9 лодках, 33 плюпках и 1 боте. Отряд благополучно прошел мимо мыса Гангут и взял курс на Аландский архипелаг. Затем он пересек Ботнический залив, 17(28) мая приблизился к крепости Евле и произвел высадку в 2 км севернее ее. Небольшие партии, выделенные из его состава, углублялись на несколько миль. Шведские войска серьезного сопротивления не оказывали. 8(19) июня 1721 г. десант Ласси дошел до Умео, где стояли два шведских полка (пехотный и кавалерийский), которые при приближении русских стали уходить в Питео. Отряд Ласси морем переместился в этот район. Оттеснив шведов, русский десант произвел высадку. Здесь Ласси получил приказ прекратить военные действия.

Выполнив поставленную задачу, отряд Ласси 17(28) июля вернулся в город Васа. Основным результатом похода десанта Ласси состоял в моральном воздействии на противника. П. П. Ласси рапортовал М. М. Голицыну: «В здешней земле великий страх

происходит, а войско, кроме двух полков, кои здесь в Вестерботе (район Умео—Питео.— Авт.), пошло все к Стокгольму...»¹³²

Швеция оказалась неспособной отразить небольшой русский десант. Правительство страны, опасаясь прямого нападения на столицу, стягивало войска к Стокгольму, оставив фактически без защиты все северо-восточное побережье. Шведские уполномоченные в Ништадте от имени короля обратились 30 мая (10 июня) к русским послам с просьбой прекратить военные действия. Брюс и Остерман выразили готовность это сделать. 7(18) июня 1721 г. шведы предложили заключить прелиминарный договор. Но Петр I справедливо усмотрел в этом попытку затянуть время, чтобы затем отказаться от подписания мирного договора. Русские уполномоченные, следуя указаниям Петра I, отклонили предложение подписать прелиминарный договор. Они настаивали на окончательном решении спорных вопросов. Главным условием мирного договора являлось обеспечение для России выхода к Балтийскому морю, закрепление за Россией ее исконных земель на побережье Финского залива, а также Эстляндии и Лифляндии.

Шведские уполномоченные, видя, что русское правительство выполнило их просьбу прекратить военные действия, снова начали тянуть время. Они вели долгую переписку со своим правительством, объясняя задержку ответов то непогодой, то длительным обсуждением вопросов в шведском сенате (Государственном совете).

30 июля (10 августа) М. М. Голицын получил из Петербурга приказ: со всем галерным флотом и десантом идти к Аландским островам и действовать по указаниям русских уполномоченных в Ништадте. В конце августа 1721 г. соединенный русский флот из 124 галер под командованием М. М. Голицына остановился у одного из островов Аландского архипелага. Затем он произвел разведку, готовясь начать активные военные действия против шведов. Единственным средством избежать вторжения русских десантов на шведскую территорию было теперь заключение мирного договора. Он был подписан 30 августа (10 сентября) 1721 г.

Петр I был доволен столь благополучным завершением. Он писал русским уполномоченным: «Скорая ведомость нас всех зело обрадовала и что сия трехвременная жестокая школа такой благой конец получила, понеже трактат так вашими трудами зделан, хотя б написав нам и толко для подписи послать шведам более бы того учинить нечего, за что вам зело благодарствуем. И что славное в свете сие дело ваше никогда забвению предатися не может, а особливо что николи наша Россия такого полезного мира не получала...»¹³³.

Между сторонами устанавливался «вечный истинный и ненарушимый мир на земле и на воде»¹³⁴. Швеция уступала России «в совершенное непрекословное вечное владение и собственность» Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с

Выборгским округом, города Рига, Пернов, Ревель, Дерпт, Нарва, острова Эзель и Даго и другие прибрежные территории.

Условия Ништадтского мира отвечали интересам России. Она получала возможность наладить культурное, экономическое и политическое общение со странами Запада, многие из которых, в свою очередь, были жизненно заинтересованы в развитии экономических, особенно торговых, связей с Россией. В результате заключения Ништадтского мира Россия возвратила себе берега Балтийского моря.

Для Швеции мир был крайне необходим. Война пагубно отразилась на состоянии шведской культуры и экономики. Она унесла тысячи человеческих жизней. Хозяйственная жизнь страны замерла. После окончания Северной войны экономика страны стала восстанавливаться. Для Швеции мир явился и освобождением ее внешнеполитического курса из-под влияния Англии.

В России заключение мира было отмечено большими празднествами. Петр I лично объявил народу и войскам о подписании мира. Карнавальные шествия сопровождалась пальбой из пушек Петропавловской крепости и фейерверком. Такими торжествами было отмечено рождение великой европейской державы — России.

Последний период Северной войны продемонстрировал высокие боевые качества русской армии и флота. Дипломатические усилия русского правительства постоянно поддерживались успехами русского оружия. Стратегическая задача искать «недруга в его земле» была выполнена. Шведское правительство, не выдержав серии сражений как на море, так и на собственной территории, вынуждено было подписать мир.

Последние сражения русских вооруженных сил свидетельствовали о продуманной стратегии командования. Активные наступательные действия русского флота и армии отличались большим разнообразием. Они были тщательно спланированы и подготовлены. Русское командование показало образцы стратегического руководства, что во многом способствовало победоносному завершению войны.

¹ Походный журнал 1716 года. СПб., 1855. С. 12.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 12.

⁴ Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 155.

⁵ British Diplomatic Instructions. L., 1922. Vol. 1. P. 82—89.

⁶ Бассевич Г. Ф. Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из вре-

мен царствования Петра Великого (1713—1725). М., 1865. С. 58.

⁷ Фейгина С. А. Указ. соч. С. 157, 183.

⁸ Цит. по: Сорина Х. Аландский конгресс // Вопр. истории, 1947. № 6. С. 53.

⁹ Никифоров Л. А. Русско-английские отношения в 1718—1719 гг. и Аландский конгресс // Ист. зап., 1949. Т. 30. С. 258.

¹⁰ Сорина Х. Указ. соч. С. 53.

¹¹ Фейгина С. А. Указ. соч. С. 200—201.

¹² Никифоров Л. А. Указ. соч. С. 261.

¹³ Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1892. Кн. 3. С. 60.

¹⁴ См.: Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в.: Преобразование Петра I. М., 1954.

¹⁵ Цит. по: Никифоров Л. А. Указ. соч. С. 262.

¹⁶ См.: Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. С. 579.

¹⁷ Никифоров Л. А. Указ. соч. С. 265—266.

¹⁸ Jonge A. Fire and Water: A Life of Peter the Great. L., 1979. P. 215.

¹⁹ История Швеции. М., 1974. С. 256; Heckscher E. F. An Economic History of Sweden. Cambridge, 1954. P. 92, 148, 172—179.

²⁰ Берендтс Э. Государственное хозяйство Швеции. СПб., 1890. Ч. 1. С. 421; Lindberg G. Svensk ekonomisk politik under Görtzka perioden. Lund, 1941. S. 353, 361.

²¹ Encyclopaedia Britannica. L., 1963. Vol. 16. P. 629.

²² Бутурлин Д. П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1820. Ч. 1, т. 2. С. 180.

²³ Кирхгоф Г. Влияние морской силы в Балтийском море на историю прибалтийских государств в XVII и XVIII столетия. СПб., 1908. С. 339—342.

²⁴ Там же. С. 367.

²⁵ Ламбин Н. П. История Петра Великого. СПб., 1843. С. 622.

²⁶ Морской атлас: Описание к картам. М., 1959. Т. 3. С. 240—241.

²⁷ Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. С. 143—144, 149.

²⁸ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 93—97.

²⁹ Веселаго Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1. С. 316.

³⁰ Banks J. A New History of the Life and Reign of the Czar Peter the Great. L., 1740. P. 317.

³¹ См.: Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. Приложение. С. 370—372; Сборник Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 34. С. 289—321. В апреле 1718 г. голландский президент Я. Де Биз

сообщал, что здоровье Петра I «шатко», и если в случае его кончины на престоле окажется Алексей Петрович, то «Россия будет подвергнута большим волнениям» (См.: Русский арх., 1907. № 7. С. 317—318).

^{31a} Журнал или Поденная записка... СПб., 1772. Ч. 2. С. 64—65.

³² Там же. С. 65.

³³ См.: Сборник Русского исторического общества. Т. 34. С. 506—509.

³⁴ Журнал или Поденная записка... Ч. 2. С. 73.

³⁵ Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1. С. 152—153.

³⁶ Материалы для истории русского флота. СПб., 1865. Ч. 2. С. 355—356, 365—367.

³⁷ Веселаго Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 316.

³⁸ Журнал или Поденная записка... Ч. 2. С. 91. Рескрипт Ф. П. Веселовскому, послан в Лондоне от 17(28) июля 1719 г.

³⁹ Материалы для истории русского флота. СПб., 1867. Ч. 4. С. 167.

⁴⁰ Морской атлас: Описание к картам. Т. 3. С. 225.

⁴¹ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1888. Т. 61. С. 536—537.

⁴² Походный журнал 1711—1720 гг. СПб., 1854. С. 26—27.

⁴³ Соколов А. Морские кампании, 1715—1721 // Морской сб., 1851. № 4.

⁴⁴ Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1859. Кн. 4. С. 61.

⁴⁵ Там же. С. 62.

⁴⁶ Материалы для истории русского флота. Ч. 2. С. 381.

⁴⁷ Там же. С. 381—382.

⁴⁸ Журнал или Поденная записка... СПб., 1770. Ч. 1. С. 90.

⁴⁹ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1892. Т. 9 (10). С. 41—43.

⁵⁰ Веселаго Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 320.

⁵¹ История российского флота в царствование Петра Великого: Пер. с англ. СПб., 1897. С. 56.

⁵² Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным. М., 1811. Ч. 2. С. 90.

⁵³ Веселаго Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 318.

⁵⁴ Материалы для истории русского флота. Ч. 4. С. 169.

- 55 Там же. С. 173.
- 56 British Diplomatic Instructions. Vol. 1. P. 113.
- 57 Sumner B. H. Peter the Great and Emergence of Russia. N. Y., 1962. P. 105; Jonge A. Op. cit. P. 217.
- 58 Материалы для истории русского флота. Ч. 2. С. 396.
- 59 Веселаго Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 323.
- 60 Материалы для истории русского флота. Ч. 2. С. 396.
- 61 Веселаго Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 324.
- 62 Бумаги императора Петра I. СПб., 1873. С. 390.
- 63 Походный журнал 1711—1720 гг. С. 74—75.
- 64 Веселаго Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 328.
- 65 Malcolm-Smith E. British Diplomacy in the Eighteenth Century, 1700—1790. L., 1937. P. 67.
- 66 British Diplomatic Instructions. Vol. 1. P. 119.
- 67 Материалы для истории русского флота. Ч. 4. С. 181.
- 68 Веселаго Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 333.
- 69 Письма Петра Великого, хранящиеся в Публичной библиотеке. СПб., 1872. С. 44—48.
- 70 Сборник Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 40. С. XV.
- 71 Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 215.
- 72 Полиевктов М. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721—1725 гг.). СПб., 1907. С. 91.
- 73 Никифоров Л. А. Указ. соч. С. 246.
- 74 Материалы для истории русского флота. Ч. 4. С. 177.
- 75 Журнал или Поденная записка... Ч. 2. С. 71—74.
- 76 Никифоров Л. А. Указ. соч. С. 249.
- 77 Там же. С. 250.
- 78 Веселаго Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 330.
- 79 Материалы для истории русского флота. Ч. 4. С. 200.
- 80 Там же. С. 197—198.
- 81 В Ревеле находились 11 линейных кораблей, не считая фрегатов и гукуров; в Котлинской гавани зимовало 18 линейных кораблей, фрегаты, прочие корабли и купеческие суда.
- 82 Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным. Ч. 2. С. 103—105.
- 83 Материалы для истории русского флота. Ч. 2. С. 466—467.
- 84 Там же. С. 452.
- 85 Карцев П. П. История лейб-гвардии Семеновского полка, 1603—1854. СПб., 1852. С. 142.
- 86 Материалы для истории русского флота. Ч. 2. С. 478.
- 87 Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным. Ч. 2. С. 113—115.
- 88 Копии с писем государя Петра Великого 1700 по 1725 год. М., 1882. С. 17.
- 89 Материалы для истории русского флота. Ч. 2. С. 478.
- 90 Журнал или Поденная записка... Ч. 2. С. 134.
- 91 Материалы для истории русского флота. Ч. 2. С. 500—501.
- 92 Веселаго Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 336.
- 93 Журнал или Поденная записка... Ч. 2. С. 671.
- 94 Там же. С. 672.
- 95 Там же. Ч. 1. С. 132.
- 96 Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 8. С. 541.
- 97 Цит. по: Веселаго Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 337.
- 98 Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 133.
- 99 История российского флота в царствование Петра Великого. С. 62.
- 100 Материалы для истории русского флота. Ч. 2. С. 506—508.
- 101 Dreiger S. Aland: Under Stora nordiska Kriget. Mariehamn, 1970. S. 118—120.
- 102 Ibid. S. 120.
- 103 Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 138.
- 104 Dreiger S. Op. Cit. S. 120—121.
- 105 Материалы для истории русского флота. Ч. 2. С. 510.
- 106 Там же. С. 512.
- 107 Сборник Русского исторического общества. Т. 40. С. 103—105.
- 108 Вступил на престол 24 марта (4 апреля) 1720 г.
- 109 Сборник Русского исторического общества. Т. 40. С. XXIV.
- 110 Massie R. K. Peter the Great: His Life and World. N. Y., 1981. P. 737.
- 111 Сборник Русского исторического общества. Т. 40. С. 105.
- 112 Malcolm-Smith E. Op. cit. P. 63.
- 113 British Diplomatic Instructions. Vol. 1. P. 148.
- 114 Ibid. P. 147.
- 115 Ibid. P. 150.
- 116 Журнал или Поденная записка... Ч. 2. С. 129.
- 117 Сборник Русского исторического общества. Т. 40. С. LI.
- 118 Там же. С. XLI.
- 119 Там же. С. 130.
- 120 Там же. С. 208.
- 121 Племянник Карла XII рос и воспитывался в Стокгольме; после смерти Карла XII считался основным претендентом на шведскую корону. В феврале 1721 г. он встречался с Петром I в Риге и просил помощи царя в возведении его на шведский трон.
- 122 Сборник Русского исторического общества. Т. 40. С. 183—185, 208—209, 214.
- 123 Ламбин Н. П. Указ. соч. С. 630.
- 124 Материалы для истории русского флота. Ч. 2. С. 548—549.
- 125 Там же. С. 544—545.
- 126 Там же. Ч. 4. С. 215, 224.
- 127 Веселаго Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 344.
- 128 Материалы для истории русского флота. Ч. 4. С. 213—215.
- 129 Там же. С. 218.
- 130 Там же. С. 218—219.
- 131 Там же. Ч. 2. С. 570—571.
- 132 Там же. С. 595.
- 133 Журнал или Поденная записка... Ч. 1. С. 177.
- 134 Там же.

Победа России в Северной войне 1700—1721 гг. имела огромное значение. Она укрепила международный авторитет страны, выдвинув ее в число крупнейших европейских держав. Внешним выражением этого было изменение ее названия: с 1721 г. она официально стала именоваться Российской империей. Большая заслуга в успешном завершении длительной борьбы за Балтийское побережье принадлежит Петру I. Это хорошо понимали современники. В дни торжеств по случаю заключения Ништадтского мира Сенат поднес ему титул «Отца отечества, императора Всероссийского, Петра Великого».

Выражая благодарность, Петр I обращал внимание своих сподвижников на необходимость не почитать на лаврах, а продолжать неустанно укреплять страну. «Надеясь на мир,— сказал он,— не надлежит ослабевать в воинском деле... надлежит трудиться о пользе и прибытке общем ... от чего облехчен будет народ»¹.

Северная война 1700—1721 гг. была тяжелым испытанием для России. Она потребовала громадных жертв и лишений, которые целиком легли на плечи трудящихся масс. На военные расходы уходило четыре пятых всего государственного бюджета. Население платило различные налоги, несло многочисленные повинности. Бесправное положение и усиление крепостнической эксплуатации вызывали вооруженные выступления трудящихся масс. В 1705—1706 гг. происходило Астраханское восстание, в 1705—1711 гг.—Башкирское восстание. Особенно мощным было крестьянское восстание под руководством К. А. Булавина 1707—1708 гг.

Война — сложное общественное явление. Она является продолжением политики иными, а именно насильственными, средствами. Такими средствами служат армия и флот. Их использование для достижения политических целей и приводит к вооруженной борьбе, составляющей главное содержание всякой войны. Исход этой борьбы во многом определяется способностью государства выставить достаточно мощные и хорошо подготовленные средства ведения военных действий.

Но наличия материальных средств еще недостаточно для победы на войне. Крайне важно также умело эти средства использовать. Огромную роль здесь играют полководцы. Их искусство — один из основных факторов достижения успеха в вооруженной борьбе. Наглядным примером тому служит полководческая деятельность Петра I. «Идея исторической необходимости,— писал В. И. Ленин,— ничуть не подрывает роли личности в истории:

история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей»².

В Северной войне раскрылись и получили всестороннее развитие замечательные дарования Петра I как политика и военного стратега. Он проявил глубокое понимание войны, правильно оценивал международную обстановку и ее влияние на вооруженную борьбу. Стратегия Петра I определялась государственной политикой и основывалась на мобилизации всех сил и средств страны для достижения поставленных задач. Победы русского оружия, связанные с именем Петра I,— одна из наиболее славных и героических страниц боевого прошлого нашей страны.

Стратегия Петра I носила решительный характер и была направлена главным образом на разгром живой силы врага. Основным средством уничтожения противника было сражение, к которому Петр I готовился тщательно и осмотрительно, считая его «зело опасным делом». Широко практиковался метод ликвидации неприятельских группировок по частям, а также действия подвижных летучих отрядов по тылам вражеских войск.

Петр I был противником кордонной системы ведения войны, господствовавшей тогда в странах Западной Европы. Он не разбрасывал свои войска, а умело сосредоточивал их на решающем направлении. В зависимости от обстановки применялись различные способы стратегических действий. Так, в первые годы Северной войны Петр I искусно осуществлял стратегическую оборону, рассчитанную на изматывание врага и выигрыш времени с целью создания благоприятных условий для перехода в наступление. В дальнейшем, когда были накоплены достаточные силы и получен необходимый боевой опыт, велось стратегическое наступление, которое завершилось блистательной победой русского оружия. Успешно проводились совместные действия сухопутных войск и военно-морского флота.

В прямой зависимости от стратегии находилась тактика русской армии. Пехота для боя строилась в две линии, каждая из которых имела четыре шеренги. Между этими линиями, составленными основой боевого порядка, иногда располагались дополнительные линии из гренадеров. Полковая артиллерия находилась в интервалах батальонов, с которыми и продвигалась во время боя. Полевая артиллерия часто занимала позиции впереди и на флангах боевого построения пехоты. Конница обычно выстраивалась на флангах поэскадронно двумя шеренгами в развернутом строю. Резервом служила третья линия. В его состав нередко включалась конница. Линейный боевой порядок, принятый в русской армии при Петре I, имел лишь внешнее сходство с линейным боевым порядком западноевропейских армий. Он имел резерв и частные линии (линии частных поддержек), что делало его более устойчивым. Полки и батальоны обладали относительной самостоятельностью, могли действовать как на ровной, так и на пересеченной местности.

Большое значение Петр I придавал рукопашному бою. Если

в западноевропейских армиях багинет, а потом штык применялись в интересах обороны, то в русской армии штык служил активным наступательным средством борьбы. Для пехоты стало правилом после залпа из ружей наносить штыковой удар. Пехотная атака была основана на умелом сочетании движения, огня и штыкового удара.

Огромные успехи были достигнуты в области военно-инженерного искусства. Русская армия умело осуществляла осаду крепостей, широко используя инженерные методы и массированный огонь артиллерии для подготовки последующего штурма. Высокое мастерство было проявлено и в организации обороны крепостей. Замечательным примером тому служит героическая оборона Полтавы. Большое развитие получила полевая и крепостная фортификация.

Боевой опыт, накопленный вооруженными силами России в годы Северной войны, нашел свое теоретическое обобщение в двух важнейших документах — Воинском уставе 1716 г. и Морском уставе 1720 г. 19(30) июля 1716 г. в Петербурге вышел в свет «Устав воинский». Этот документ, а также изданные годом раньше «Артикул воинский» и «Об экзерциции», объединенные вместе, и составили Воинский устав 1716 г. «Устав воинский» содержит положения об организации армии, легкого корпуса — корволанта, корпуса-резерва, дивизии и бригады, артиллерии и инженерного дела, о правах и обязанностях высших чинов полевого управления армии. Подробно рассматриваются вопросы, связанные с проведением походов, устройством лагерей, расквартированием войск и их снабжением, порядком несения гарнизонной и караульной служб.

«Артикул воинский» включает положения военного права. Он открывается указом Петра I с объявлением текста присяги, в которой подчеркнута мысль о высоком значении военной службы, призванной обеспечивать государственные интересы страны. Излагаются общие обязанности военнослужащих, виды воинских преступлений и наказаний. Специальный раздел составляют «Главы процессов», посвященные военному судопроизводству. Заключительный раздел устава, носящий название «Об экзерциции», рассматривает обучение войск, организацию маршей, права и обязанности должностных лиц полка.

Таким образом, Воинский устав 1716 г. охватывал почти все стороны жизни армии и утверждал порядок, основанный на соблюдении строгой воинской дисциплины. Все военнослужащие должны были хорошо знать свои обязанности и неуклонно выполнять требования устава. За нарушение уставных положений виновные подвергались суровым наказаниям. В то же время Петр I обращал внимание на необходимость проявлять разумную инициативу, действовать, исходя из конкретной обстановки, не придерживаться устава «яко слепой стены», «ибо там порядки писаны, а времен и случаев нет». В истории военного искусства петровский устав сыграл большую роль. Он закрепил организи-

онные основы русской регулярной армии, определил систему ее обучения и воспитания.

Не менее важное значение имел и Морской устав 1720 г. Его созданию предшествовала длительная работа по обобщению опыта строительства и боевой деятельности русского регулярного военно-морского флота. Первый русский военно-морской устав появился в 1668 г. Он состоял из 34 статей. В них излагались правила морской службы, регламентировались права и обязанности капитана и команды в бою. В 1696 г. Петр I написал инструкцию «О порядке морской службы». В ней особое место уделялось сплочению экипажа в одно целое, определялись действия флота при встрече с неприятелем, ведении боя, устанавливались необходимые сигналы. Инструкция предусматривала строгую согласованность в действиях, при быстром и точном исполнении всех приказов командующего флотом, требовала взаимовыручки и решительности действий в бою, мужественного исполнения своих обязанностей. В 1706 г. был издан «Артикул корабельный», который регулировал порядок повседневной службы и быта на корабле. Через четыре года вышла «Инструкция и артикулы военные Российскому флоту». Ее появлению предшествовал ряд побед русской армии и флота. Количественно возросший и все более усиливающийся морской флот на Балтике требовал четкой организации и определения прав и обязанностей морских чинов. В предисловии к «Инструкции» указывалось, что она издается для правильной организации управления флотом и ведения войны на море. 1714 г., ознаменованный знаменитой Гангутской победой, был богат указами и постановлениями, совершенствовавшими организацию флота и службу на кораблях. Как и предыдущие, все они послужили основой для создания полного Морского устава, работа над которым началась в 1715 г.

13(24) апреля 1720 г. вышел из печати Морской устав под названием «Книга Устав морской о всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море». В начале книги был помещен указ Петра I от 13(24) января 1720 г. о значении флота в системе вооруженных сил, где определялось назначение устава. В предисловии в сжатой форме излагались история русского флота и многовековой борьбы русского народа за выходы к морю.

Помимо уставных положений, инструкций и указов для работы единого Морского устава было использовано и то полезное для русского флота, что имелось в иностранных уставах. Однако сведения и материалы из иностранных источников не переписывались механически, а творчески перерабатывались в соответствии с теми задачами, которые стояли перед русским флотом. Русский Морской устав 1720 г. коренным образом отличался от заграничных уставов и не являлся механическим соединением иностранных морских уставов, как об этом заявлялось в зарубежных работах, да и в некоторых трудах русских дореволюционных историков флота³.

Текст устава 1720 г. состоял из пяти книг и прибавления о сигналах для корабельного и галерного флотов, прилагались две таблицы корабельных и сигнальных флагов и формы списков, которые должны вестись на корабле. В предисловии определялась цель устава: «И понеже сие дело (мореплавание) необходимо нужно есть государству (по оной пословице: что всякий potentat, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет. А который флот имеет, обе руки имеет), того ради сей воинской морской устав учинили дабы всякий знал свою должность и неведением никто б не отговаривался»⁴.

В статье первой книги первой выражалась основная идея устава — все служащие во флоте, от рядового матроса до адмирала, обязаны «со всяким тщанием и ревностью» охранять и защищать интересы государства. Особое место отводилось тактике эскадры в бою. Всячески подчеркивались инициативные решения в каждом конкретном случае, но при этом командующий флотом (адмирал-аншеф) не устранился от руководства боем. Для этой цели выделялись сигнальные фрегаты, которые должны были передавать сигналы командующего по всей боевой линии эскадры или флота. Сам командующий в случае потери или повреждения корабля был обязан перейти на другой боевой корабль.

Важное значение в уставе придавалось взаимовыручке. При серьезном повреждении предписывалось защищать корабль от неприятеля, а при невозможности оставить его на плаву команда снималась, а корабль сжигался, чтобы он не был пленен неприятелем. В уставе впервые формулировалась замечательная традиция русских моряков: действовать в сражении с максимальной самоотверженностью. Кораблям категорически запрещалось самовольно выходить из боя, они должны были ни перед кем не опускать флаги, вымпелы и марсели, предписывалось в бою ни в коем случае не отдавать корабль неприятелю. Храбрость в сражении являлась основным правилом поведения экипажа.

В системе боевого воспитания большое значение придавалось личному мужеству как матросов, так и офицеров всех рангов. В уставе от командующего флотом требовалось не только указывать «людей в добрый порядок приводить», но и личным примером показывать образец храбрости. Командующий обязан был сочетать требовательность и справедливость: «Ему надлежит к подчиненным быть яко отцу, песя о их довольстве, жалобы их слушать и в оный правый суд иметь. Также дела их накрепко смотреть, добрых похвалять и награждать, а злых наказывать». Капитан корабля в сражении должен был первым показывать пример: «Капитан или командующий кораблем не токмо сам мужественно против неприятеля бьется, но и людей к тому словами, а паче дая образ собою побуждать, дабы мужественно бились до последней возможности, и не должен корабля неприятелю отдавать ни в коем случае, под потеряннем живота и чести».

Русский Морской устав закрепил основы организации флота. Лишенный догматизма, требовавший самостоятельных решений, он

выгодно отличался от западноевропейских морских уставов. Это обеспечило ему большую жизнь. Устав действовал до замены парусного флота паровым.

Деятельность Петра I имела своей целью обеспечение государственных интересов страны. Во имя этого он не жалел ни себя, ни других. Его ум был устремлен в будущее. Он видел Россию великой и процветающей державой. Петр говорил: «Я предчувствую, что россияне когда-нибудь, а может быть и при жизни еще нашей, пристыдят самые просвещенные народы успехами своими в науках, неутомимостью в трудах и величеством твердой и громкой славы»⁵. Эти слова оказались пророческими.

Петр I вошел в историю как выдающийся государственный деятель России, преобразователь ее вооруженных сил, талантливый полководец и флотоводец. Он был создателем русской регулярной армии и военно-морского флота, одним из основоположников русского военного искусства. Петр I теоретически разработал и блестяще применил на практике передовые для своего времени способы ведения вооруженной борьбы, которые оказали огромное влияние на дальнейшее развитие военного дела и обеспечили русскому военному искусству ведущую роль на протяжении всего XVIII столетия.

⁴ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. С. 156.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 159.

³ См.: Зейдель. Очерк истории Морского устава Петра Великого // Морской сб., 1860. № 9, С. 510—529.

⁴ Книга Устав морской о всем, что касается доброму управлению, в бытность флота на море. СПб., 1720. С. 3.

⁵ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788. Т. 4. С. 374.

ТРУДЫ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К.* Восточная война // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 17—27.
- Маркс К.* Восточный вопрос.— Революция в Испании.— Мадридская печать // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 397—404.
- Маркс К.* Ретроспективный взгляд на Крымскую кампанию // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 584—589.
- Энгельс Ф.* Кронштадтская крепость // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 635—641.
- Энгельс Ф.* Крымская кампания // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 564—570.
- Энгельс Ф.* Армии Европы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 11. С. 433—507.
- Маркс К.* Экономический кризис в Европе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 50—54.
- Маркс К.* Об освобождении крестьян в России // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 692—701.
- Энгельс Ф.* Персия и Китай // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 218—224.
- Энгельс Ф.* Продвижение России в Средней Азии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 614—619.
- Маркс К.* «Господин Фогт» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 395—691.
- Энгельс Ф.* Армия // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 5—50.
- Энгельс Ф.* Артиллерия // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 196—221.
- Энгельс Ф.* Военно-морской флот // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 380—394.
- Энгельс Ф.* Пехота // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 352—379.
- Энгельс Ф.* Фортификация // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 326—351.
- Маркс К.* О Прудоне (письмо И. Б. Швейцера) // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 24—31.
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 5—338.
- Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 11—52.
- Маркс — Энгельсу,* 12 февраля 1856 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 6—10.
- Энгельс — Марксу,* 21 апреля 1863 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 281—283.
- Энгельс — Йозефу Блоху,* 21—22 сентября 1890 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 393—397.
- Маркс К.* Хронологические выписки. Северные и восточные государства Европы до середины XIV века // *Архив Маркса и Энгельса.* Т. 5. С. 328—352.
- Маркс К.* Хронологические выписки. Тетрадь IV. // *Архив Маркса и Энгельса.* Т. 8. С. 3—316.
- Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) // *Полн. собр. соч.* Т. 1. С. 125—346.
- Ленин В. И.* Военная программа пролетарской революции // *Полн. собр. соч.* Т. 30. С. 131—143.
- Ленин В. И.* Война и революция // *Полн. собр. соч.* Т. 32. С. 77—102.
- Ленин В. И.* О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // *Полн. собр. соч.* Т. 36. С. 283—314.

- Архив князя Ф. А. Куракина* // Под ред. М. И. Семевского, В. Н. Смольянинова. СПб.; М., 1890—1894. Кн. 1—5.
- Архив юго-западной России.* Киев, 1910. Ч. 2, т. 3.
- Б[артенев] П.* Дело царевича Алексея Петровича по известиям голландского резидента Де-Биз // *Русский арх.*, 1907. № 7.
- Бассевич Г. Ф.* Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого (1713—1725): Пер. с фр. М., 1865.
- Бернаже де.* Письма. Петр Великий во Франции // *Русская старина*, 1875. Май.
- Берггольц Ф. В.* Дневник (1721—1725). 3-е рус. изд. М., 1902—1903. Ч. 1—4.
- Библиотека Московского архива Государственной коллегии иностранных дел в 1748 г.* // *Сборник Московского главного архива министерства иностранных дел.* М., 1900. Вып. 7.
- Ведомости времени Петра Великого.* М., 1903. Вып. 1. 1703—1707 гг.; М., 1906. Вып. 2. 1708—1719 гг.
- Веселаго Ф. Ф.* Описание дел Морского архива за время с половины XVII до начала XIX столетия. СПб., 1877—1884. Т. 1—4.
- Военные уставы Петра Великого:* Сб. документов. М., 1946.
- Гилленкрюк А.* Современное сказание о походе Карла XII в Россию // *Воен. журн.*, 1844. № 6.
- Головин Ф. А.* Переписка фельдмаршалов Федора Алексеевича Головина и Бориса Петровича Шереметева в 1705 и 1706 годах. М., 1850.
- Гордон Патрик.* Дневник // *Русская старина*, 1916. Янв.—май, дек.; 1917. Февр.—сент.; 1918. Март—июнь, июль—сент.
- Декларация Петра Великого 1719 г., 17 апреля* // *Русский вестн.*, 1842. № 5/6.
- Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии:* (Донесения саксонского советника посольства при русском дворе И. Лефорта, 1721—1727 гг.) // *Сборник русского исторического общества.* СПб., 1868. Т. 3. Документы, относящиеся к деятель-
- ности графа Б. П. Шереметева, 1704—1722 гг. // *Сборник Русского исторического общества.* СПб., 1878. Т. 25.
- Донесение голландца фон дер-Хельста о Полтавской битве:* Из неизвестных материалов нидерландских архивов. Б. м., б. г.
- Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 по 1708 г.* // *Сб. Русского исторического общества.* СПб., 1884. Т. 39.
- Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта и секретаря его Вейсброта с 1708 по 1711 г.* // *Сборник Русского исторического общества.* СПб., 1886. Т. 50.
- Журнал, веденный одним из чиновников посольства, отправленного императором Петром Великим к разным европейским государствам.* М., 1830.
- Журнал генерал-фельдмаршала князя Н. Ю. Трубецкого, 1717—1763 гг.* // *Русская старина*, 1870. Янв.
- Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича* // *Русский вестн.*, 1841. № 5.
- Журнал или Поденная записка блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштадтского мира.* СПб., 1770—1772. Ч. 1—2.
- Журнал путешествия во Францию и пребывания в Париже Петра Великого в 1716 г.* // *Отечественные зап.*, 1822. Т. 12. № 31, 32.
- Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г.* СПб., 1840.
- Записки Я. К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и в 1716/17 гг.* Киев, 1904.
- Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711 гг.).* М., 1900.
- Иван Андреевич Толстой.* Письма к нему Петра Великого, 1703—1712 гг. // *Русская старина*, 1879. Май—июнь.
- Книга Марсова или Воинских дел от войск царского величества рос-*

сийских во взятии преславных фортификаций и на разных местах храбрых батальон учиненных над войски его королевского величества швейского. СПб., 1713; 2-е изд. СПб., 1766.

Копии его царского величества указов, опубликованных от 1714 года, с марта 17 дня по нынешний 1719 год. СПб., 1719.

Копии его царского величества указов, состоявшихся в 1719 и в 1720 годах. СПб., 1721.

Копии с писем государя Петра Великого 1700 по 1725 год. М., 1882.

Куракин Б. И. Семейная хроника и воспоминания // Киевская старина, 1884. Сент.—дек.

Лебедев В. И. Реформы Петра I: Сб. документов. М., 1937.

Маркевич Н. История Малороссии: Документы. М., 1842. Т. 4.

Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874—1902. Т. 1, 4, 5, 9(10), 13.

Материалы Военно-ученого архива Главного штаба/Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1871. Т. 1.

Материалы для истории Гангутской операции. Пг., 1914—1915. Вып. 1—3.

Материалы для истории русского флота. СПб., 1865—1867. Ч. 1—4.

Остерман А. И. Характеристика Карла XII // Русский вестн., 1842. № 4.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1867. Т. 8—9.

Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева, 1704—1722 гг. СПб., 1879.

Письма государя императора Петра Великого к Степану Андреевичу Колычеву и ответы его на оные. М., 1785.

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.; Пг.; М.; Л., 1887—1972. Т. 1—12.

Письма несчастного графа Ивана Рейнольда Паткуля, полководца и посланника Российского императора Петра Великого. М., 1806. Ч. 1—2.

Письма Петра Великого к графу Борису Петровичу Шереметеву. М., 1774.

Письма Петра Великого, хранящиеся в Публичной библиотеке / Изд. А. Ф. Бычковым. СПб., 1872.

Походные и путевые журналы императора Петра I. СПб., 1853—1916.

Прейс. Извлечение из донесений о пребывании Петра Великого в Голландии в 1716 и 1717 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1877. Кн. 2. Отдел 4.

Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1892. Вып. 1: Северная война: Документы 1705—1708 гг.; СПб., 1893. Вып. 3: Сборник документов, относящихся к разным эпохам, начиная от Петра I до Екатерины; СПб., 1893. Вып. 5: Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708—1714 г.: Документы Гос. архива; СПб., 1894. Вып. 9: Петр Великий: Военные законы и инструкции (изданы до 1715 года); СПб., 1898. Вып. 12: Война с Турцией 1711 года: Прутская операция.

Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 1—2.

Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1876—1879. Т. 1—2.

Сборник Русского исторического общества. СПб., 1873—1888. Т. 11, 25, 34, 39, 49, 50, 52, 61.

Смерть короля шведского Карла XII, 1718 г.: (Из бумаг семейного архива барона Кнудльбарса) // Русская старина, 1891. Окт.

Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные. СПб., 1829—1830. Ч. 1—4.

Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным. М., 1811. Ч. 1, 2.

Указы, письма и бумаги Петра Великого // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1873. Т. 11.

Шафиров П. П. Рассуждение, какие законные причины е. в. Петр Первый к началу войны против короля Карла XII Шведского 1700 году имел... 3-е изд. М., 1722.

Шереметев Б. П. Военно-походный журнал 1711—1712 гг. / Под ред. и с предисл. А. З. Мышлаевского. СПб., 1898.

Шереметев Б. П. Записка путешествия генерала фельдмаршала российских войск... графа Бориса Петровича Шереметева... в европей-

ские государства, в Краков, в Вену, в Рим и на Малтийский остров, изданная по подлинному описанию, находящемуся в библиотеке сына его... графа Петра Борисовича Шереметева. М., 1773.

Шербацев Ю. Н. Шесть документов,

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Автократов В. Н. Военный приказ: (К истории комплектования и формирования войск в России в начале XVIII в.) // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения: Сб. статей. М., 1959.

Автократов В. Н. Первые комиссариатские органы русской регулярной армии (1700—1710 гг.) // Ист. зап., 1961. Т. 68.

Адамович Б. В. Осада Выборга, 1710 год // Воен. сб., 1903. № 9.

Андерссон И. История Швеции: Пер. со швед. М., 1951.

Андреев В. Создание русского флота на Балтийском море и его боевые действия в Северную войну 1700—1721 гг. // Морской сб., 1938. № 9.

Андрианов П. М. Петр на Пруте: По поводу 200-летия. СПб., 1911.

Арсеньев Ю. А. К истории Оружейного приказа в XVII в. // Вестн. археологии и истории. СПб., 1904. Вып. 16.

Артамонов В. А. Русско-польский Союз в кампании 1708—1709 годов // Сов. славяноведение. 1972. № 4.

Базилевич К. В. Петр I — государственный деятель, преобразователь, полководец. М., 1946.

Базилевич К. В. Петр I — основоположник русского военного искусства // Большевик, 1945. № 11/12.

Баюв А. К. Курс истории русского военного искусства. СПб., 1909. Вып. 2.

Баюв А. К. Отзыв о сочинении Н. П. Волынского «Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне». Вып. 1, кн. 1—4. СПб., 1908 // Отчет о 56-м присуждении наград графа Уварова. Пг., 1918.

Балашова Ю. П. Из истории Великой Северной войны: (Начало Малой войны — зима 1700—1701 года) // Ученые зап. Моск.

касающихся пребывания Петра I в Дании. М., 1893.

Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке: Документы из советского архива. М.; Стокгольм, 1978.

обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1958. Т. 74, вып. 5.

Балашова Ю. П. Из истории Северной войны: («Генеральный поход» русских войск в Прибалтику, 1702 г.) // Ученые зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1963. Т. 127, вып. 7.

Бантыш-Каменский Д. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840—1841. Ч. 1—4.

Бантыш-Каменский Д. Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование Петра Великого. М., 1812—1813. Ч. 1—2.

Барер И. Внешняя политика Петра I и образование Российской империи // Ист. журн., 1938. № 6.

Баскаков В. И. Северная война 1700—1721 гг.: Кампания от Гродна до Полтавы 1706—1709 гг.: Критико-ист. исслед. СПб., 1890. Вып. 1.

Безбах С. А. Полтавское сражение (27 июня 1709 г.). М., 1939.

Берендтс Э. Государственное устройство Швеции. СПб., 1890. Ч. 1: История государственного хозяйства Швеции до 1809 г.

Берг В. Жизнеописание первых российских адмиралов или опыт истории русского флота. СПб., 1831—1836. Ч. 1—4.

Бескровный Л. Г. Производство вооружения и боеприпасов на русских заводах в первой половине XVIII в. // Ист. зап., 1951. Т. 36.

Бескровный Л. Г. Военные школы в России в первой половине XVIII в. // Ист. зап., 1953. Т. 42.

Бескровный Л. Г. Полтавская победа: (К 250-летию Полтавского сражения) // Вопр. истории, 1959. № 12.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958.

Бескровный Л. Г. Стратегия и тактика русской армии в полтавский период Северной войны // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения: Сб. статей. М., 1959.

- Беспяных Ю. Н. Россия и Финляндия во время Северной войны 1700—1721 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
- Беспяных Ю. Н. Северная война на территории Финляндии в исторической литературе // Вопросы политической истории СССР. М.; Л., 1977.
- Бестужев Н. А. Опыт истории Российского флота. Л., 1961.
- Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. СПб., 1887.
- Бобровский П. О. Завоевание Ингрии Петром Великим (1701—1703 гг.). СПб., 1891.
- Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1900—1904. Т. 1—2.
- Бобровский П. О. К двухсотлетию учреждения регулярных войск в России, 1699—1700 по 1899—1900: (По материалам для истории лейб-гвардии Преображенского полка) // Русский инвалид, 1899. № 250.
- Бобровский П. О. Переход России к регулярной армии. СПб., 1885.
- Бобровский П. О. Петр Великий в устье Невы: К 200-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 1903.
- Богданович М. И. Замечательнейшие походы Петра Великого и Суворова. СПб., 1846.
- Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. М., 1940—1948. Т. 1—4.
- Богословский М. М. Русско-датский союз 1699—1700 гг. // Ученые зап. Ин-та истории РАН ИОН. М., 1929. Т. 4.
- Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. // Под ред. Н. В. Новикова. М., 1948.
- Болдырев В. Г. Взятие Риги в 1710 году: К 200-летию годовщины, 1710—1910. Рига, 1910.
- Болдырев В. Г. Осада и взятие Риги русскими войсками в 1709—10 гг. // Военный сб., 1910. № 7.
- Бонч-Бруевич В. Д. Из неопубликованной переписки Петра Первого о союзе с Англией: (Эпизод из Северной войны) // Вопр. истории, 1946. № 8/9.
- Бонч-Бруевич В. Д. Из неопубликованной переписки Петра I с датским королем Фредериком IV // Ист. журн., 1943. № 11/12.
- Борисов В. Е. и др. Полтавская битва, 1709—27 июня 1909 г. СПб., 1909.
- Бородин М. М. Двухсотлетие взятия Выборга. СПб., 1910.
- Бранденбург Н. Русская артиллерия в Прутском походе 1711 года // Артиллерийский журн., 1897. № 1.
- Бутурлин Д. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1819—1823. Ч. 1—4.
- Вайнштейн О. Л. Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII в. // Ученые зап. Ленингр. ун-та им. А. А. Жданова. Сер. ист. наук, 1951. № 130, вып. 18.
- Васильев М. В. Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 г. М., 1953.
- Веретенников В. И. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.
- Верхоузов В. Д. Полководческое искусство Петра I. М., 1951.
- Веселаго Ф. Войны России за обладание Балтийским морем, политика Англии в отношении России и вступление английского флота в Балтийское море. М., 1855.
- Веселаго Ф. Краткие сведения о русских морских сражениях за два столетия с 1656 по 1856 г. СПб., 1871.
- Веселаго Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1.
- Вигилев А. П. «Почта в полки» // Вопр. истории, 1979. № 2.
- Витберг Ф. А. Мнения иностранцев-современников о Великой Северной войне // Русская старина, 1893. Авг.
- Водарский Я. Е. По поводу работы турецкого историка о Прутском походе 1711 г. // История СССР, 1963. № 6.
- Водарский Я. Е. Служилое дворянство в России в конце XVII — начале XVIII в. Вопросы военной истории России, XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969.
- Возгрин В. Е. Документы Датского государственного архива по истории России в годы Северной войны // Сов. арх., 1973. № 5.
- Возгрин В. Е. Заключение русско-датского союзного договора 1709 г. // Ист. зап., 1974. Т. 93.
- Возгрин В. Е. Петровская эпоха в новейшей скандинавской историографии // История СССР, 1981. № 3.
- Возгрин В. Е. Русско-датский союз в Великой Северной войне, 1697—1716: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- Возгрин В. Е. Травентальский договор 1700 г. и его значение в истории Северной войны // Скандинавский сб., Таллин, 1975. Т. 20.
- Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. СПб., 1912. Вып. 1—4.
- Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945.
- Выдрин В. М. К вопросу о формировании основ прогрессивной русской военной педагогики в XVIII в. и ее влияния на развитие русского военного искусства // Сборник докладов воен.-ист. секции Ленингр. дома ученых им. А. М. Горького. М.; Л., 1960. № 3.
- Гейсман П. А. Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века. СПб., 1894. Ч. 2.
- Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937.
- Георгиевский Г. П. Мазепа и Меншиков: (Новые материалы) // Ист. журн., 1940. № 12.
- Гербановский С. Е. Инженерные мероприятия в обороне Полтавы и по обеспечению Полтавского сражения // Из истории русского военно-инженерного искусства. М., 1952.
- Гербицкий Г. Ю. К вопросу о русско-польском союзе в первые годы Северной войны (1700—1703 гг.) // Учен. зап. Львов. ун-та, 1955. Т. 36: История. Вып. 6.
- Глаголева А. П. «Денные записки» военно-походной канцелярии Б. П. Шереметева как исторический источник // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. 10.
- Глаголева А. П. Повседневные записки князя А. Д. Меншикова: (К изучению материалов Меншиковского архива) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5.
- Глаголева А. П. Русско-польские отношения накануне Полтавской битвы // Крат. сообщения Ин-та славяноведения АН СССР, 1955. № 14.
- Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788—1789. Т. 1—12; 2-е изд. М., 1837—1843. Т. 1—15.
- Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1790—1797. Т. 1(13) — 18(30).
- Гольденберг Л. А. Краткий обзор картографических источников XVIII в. по истории Северной войны (1700—1721 гг.) // Вопр. истории, 1959. № 11.
- Гудим-Левкович П. К. Историческое развитие вооруженных сил в России до 1708 г. СПб., 1875.
- Гуревич Я. Г. Происхождение войны за испанское наследство и коммерческие интересы Англии. СПб., 1884.
- Данилова Е. Н. «Завещание» Петра Великого // Труды ист.-арх. ин-та. М., 1946. Т. 2.
- Дивин В. А. Страницы немеркнувшей славы русского флота: (К 250-летию Гангутской победы) // Морской сб., 1964. № 8.
- Дуров В. Наградные медали петровского времени // Воен.-ист. журн., 1980. № 2.
- Дядиченко В. Разгром шведских загарбников на початку XVIII ст. Київ, 1950.
- Елагин С. И. История русского флота: Период Азовский. СПб., 1883.
- Епифанов П. П. Воинский устав Петра Великого // Петр Великий: Сб. статей / Под ред. А. И. Андреева. М.; Л., 1947.
- Епифанов П. П. Войско // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1.
- Епифанов П. Историческая победа русской армии: (К 270-летию Полтавского сражения) // Воен.-ист. журн., 1979. № 6.
- Епифанов П. К вопросу о военной реформе Петра Великого // Вопр. истории, 1945. № 1.
- Епифанов П. П. Начало организации русской регулярной армии Петром I (1699—1705) // Ученые зап. МГУ им. Ломоносова. История СССР, 1946. Вып. 87.
- Епифанов П. П. О состоянии военной мысли в России в первой половине XVIII века // Воен.-ист. журн., 1963. № 11.

Епифанов П. П. Оружие // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1.

Епифанов П. П. «Рассуждение» П. П. Шафирова о войне со Швецией // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963.

Епифанов П. П. Россия в Северной войне // Вопр. истории, 1971. № 6, 7.

Епифанов П. П. Русская армия накануне Полтавской битвы // Воен.-ист. журн., 1959. № 6.

Жилинский А. Славный подвиг рыбака: (О патриоте И. Рябове, повторившем на море подвиг И. Суанина, 1701 г.) // На рубеже, 1952. № 12.

Житков К. Г. История русского флота: Период Петровский, 1672—1725. СПб., 1912.

Жукович П. Н. Полтавская битва и Польша // Журнал министерства народного просвещения, 1909. Июнь.

Ж-ов. Падение Дюнамюнде, 1710 г. — 8-го августа — 1910 г. // Русский инвалид, 1910. № 171.

Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947.

Заозерская Е. И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953.

Захаренко А. Г. Усиление оборонительных сооружений на северо-западной границе Русского государства в начале Северной войны // Сб. докладов воен.-ист. секции Ленингр. дома ученых им. А. М. Горького. М.; Л., 1960. № 3.

Зутис Я. Я. Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII в. М., 1937.

Иванов В. Военное искусство Петра I // Воен.-ист. журн., 1981. № 8.

Изнатенко А. П. Участие белорусского народа в борьбе против шведских захватчиков в годы Северной войны // Ученые зап. Беларус. ун-та, 1957. Вып. 36.

История дипломатии. М., 1941. Т. 1.

История Польши: В 3 т. / Под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова. М., 1954.

История российского флота в царствование Петра Великого: Пер. с англ. СПб., 1897.

История русской армии и флота. М., 1914. Вып. 1.

История Швеции. М., 1974.

Источники Малороссийской истории. М., 1859. Ч. 2.

К 200-летию Полтавской победы, 1709—1909. СПб., 1909.

К истории Мазепиной измены // Киевская старина, 1889. Дек.

К истории событий на Украине в 1708 г.: (К 230-летию Полтавской битвы) // Красный арх., 1939. Т. 4(95).

Кан А. С. Две тенденции в дворянском хозяйстве Швеции XVII века // Вопр. истории, 1954. № 3.

Кан А. С. Изучение новой истории в Скандинавских странах в XVIII — начале XX века // Вопр. истории, 1965. № 8.

Кан А. С. Шведские историки о Полтавской битве: (Обзор источников и литературы за последние полвека) // История СССР, 1959. № 4.

Карл XII о полтавском погроме 1709 г. // Русская старина, 1888. Дек.

Карцов А. П. Военно-исторический обзор Северной войны. СПб., 1851.

Кафенгауз Б. Б. Внешняя политика России при Петре I. М., 1942.

Кафенгауз Б. Б. Вопросы историографии эпохи Петра Великого // Ист. журн., 1944. № 9.

Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т. 1.

Кафенгауз Б. Б. Петр I и его время. М., 1948.

Кафенгауз Б. Б. Полтавская битва // Историк-марксист, 1939. № 4(74).

Кафенгауз Б. Б. Северная война и Ништадтский мир (1700—1721). М.; Л., 1944.

Кедров С. Первые попытки сближения России с Францией // Русский арх., 1907. № 6.

Кедров С. Посольство князя Б. И. Куракина в Голландию в 1711 г. // Рус. арх., 1912. № 5.

Кедров С. Русь Петра Великого за границу: (Назначение князя Б. И. Куракина послом в Голландию) // Русский арх., 1907. № 7.

Кириченко Н. П. К вопросу об участии молдавского народа в Прутском походе русской армии 1711 г. // Ученые зап. Кншинев. гос. пед. ин-та, 1957. Т. 8.

Кирхгоф Г. Влияние морской силы в Балтийском море на историю

прибалтийских государств в XVII и XVIII столетии. СПб., 1908.

Клокман Ю. Р. Из истории разгрома шведских захватчиков в 1708—1709 гг. // Доклады и сообщения Ин-та истории, 1954. Вып. 2.

Клокман Ю. Р. Северная война 1700—1721 гг.: (Борьба России за выход к Балтийскому морю и возвращение русских земель в Прибалтике) // Страницы боевого прошлого: Очерки военной истории России. М., 1968.

Ковалевский М. М. Новые данные о пребывании Петра Великого в Париже, почерпнутые из испанских архивов // Русская мысль, 1884. № 1.

Козаченко А. И. Битва под Полтавой. М., 1945.

Колосов Е. Е. Развитие русской артиллерии в первой четверти XVIII в. // Сб. докладов воен.-ист. секции Ленингр. дома ученых им. А. М. Горького. М.; Л., 1960. № 3.

Колосов Е. Е. Русская артиллерия в Полтавском сражении // Артиллерийский журн., 1959. № 7.

Копынский З. Ю., Клок Л. Д., Мизгулин И. С. Битва под Лесной в 1708 году. Минск, 1958.

Коробков Н. Петр I — основатель русской армии и ее военного искусства // Воен. мысль, 1944. № 2/3.

Королюк В. Д. Вступление Речи Посполитой в Северную войну // Учен. зап. Ин-та славяноведения, 1954. Т. 10.

Королюк В. Д. Из истории польско-русских отношений в эпоху Петра Первого (1697—1704) // Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1949. Т. 6, № 3.

Королюк В. Д. Избрание Августа II на польский престол и русская дипломатия // Учен. зап. Ин-та славяноведения, 1951. Т. 3.

Королюк В. Д. Начало шведской агрессии против Речи Посполитой в ходе Северной войны (1701—1702) // Учен. зап. Ин-та славяноведения, 1952. Т. 6.

Королюк В. Д. Речь Посполитая и начало Северной войны // Учен. зап. Ин-та славяноведения, 1952. Т. 5.

Королюк В. Д. Речь Посполитая и подготовка Северной войны // Учен. зап. Ин-та славяноведения, 1951. Т. 4.

Королюк В. Д. Речь Посполитая, французская дипломатия и измена Мазепы // Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1951. Т. 8, № 1.

Королюк В. Д. Русская дипломатия и подготовка вступления Речи Посполитой в Северную войну: (Восстановление русско-саксонского союза 1702—1703 гг.) // Учен. зап. Ин-та славяноведения, 1953. Т. 7.

Королюк В. Д. Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе // Вопр. истории, 1948. № 4.

Кочубинский А. Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами. М., 1872.

Кротков А. С. Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 году. СПб., 1896.

Крылова Т. К. Гузунские переговоры о Северном мире и капитуляция второй шведской армии Стенбока в мае 1713 г. // Полтавская победа. М., 1959.

Крылова Т. К. Дипломатическая подготовка вступления русской армии в Померанию в 1711 г. // Ист. зап., 1946. Т. 19.

Крылова Т. К. К истории торговой политики Петра I в юго-западной Европе (1715—1717) // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена, 1939(1940). Т. 19.

Крылова Т. К. Полтавская победа и русская дипломатия // Петр Великий: Сб. статей. М.; Л., 1947.

Крылова Т. К. Россия и «Великий союз» // Ист. зап., 1942. Т. 13.

Крылова Т. К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Ист. зап., 1941. Т. 10.

Крылова Т. К. Торговая политика Петра I в странах юго-западной Европы (1700—1725 гг.) // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена, 1941. Т. 39.

Крылова Т. К. Франко-русские отношения в первую половину Северной войны // Ист. зап., 1940. Т. 7.

Кулишер И. М. История русской торговли до девятнадцатого века включительно. Пг., 1923.

Кушнарев Е. Г., Фарафонов М. М. Победа у Гренгама: (К 250-летию) // Морской сб., 1970. № 7.

Ламбин Н. П. История Петра Великого. СПб., 1843.

Лаппо-Данилевский А. С. Россия и

Голштиния: (Очерк из истории германо-русских отношений в XVIII веке) // Ист. арх., 1919. № 1.

Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861—1865. Ч. 1—3.

Лебедянская А. П. Кронверк Петропавловской крепости в его прошлом и настоящем: (К 250-летию его существования) // Сборник докладов воен.-ист. секции Ленинград. дома ученых им. А. М. Горького. М.; Л., 1960. № 3.

Лещинский Л. М. Военное искусство в начале XVIII века. М., 1951.

Лысков В. П. О мнимой демонстрации Азовского флота накануне Полтавской битвы // Труды Воронеж. ун-та, 1960. Т. 53, вып. 1.

Любимов А. И. Штурм шведской крепости Ниеншанц 25 апреля (6 мая) 1703 г. // Сб. докладов воен.-ист. секции Ленинград. дома ученых им. А. М. Горького. М.; Л., 1960. № 3.

Любимов П. Г. Очерки по истории русской промышленности, XVII—XVIII и начало XIX в. М., 1947.

Лященко А. И. Взятие Ниеншанца и основание Петербурга. СПб., 1903.

Мавродин В. В. Петр I. М., 1949.

Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891.

Майкова Т. С. Петр I и «История Свейской войны» // Россия в период реформ Петра I. М., 1973.

Маркевич А. Разгром Карла XII. Киев, 1946.

Марлинский С. Юбилейные сборники к 250-летию Полтавского сражения: (Обзор) // Воен.-ист. журн., 1960. № 11.

Мартынов М. Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948.

Марченко М. К. Возврат Ингерманландии двести лет назад // Военный сб., 1903. № 5.

Марченко М. К. Головчино. 3 июля 1708 г.: (По документам Меншиковского архива Академии наук) // Воен. сб., 1901. № 12.

Марченко М. К. Нравственный элемент в руках Петра Великого // Военный сб., 1897. № 12; 1898. № 1.

Марченко М. К. Петр Великий: Мысли государя о создании военного порта на Балтийском берегу. СПб., 1899.

Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1. 1683—1762 г.

Масловский Д. Ф. Материалы к истории военного искусства в России. М., 1889—1892. Вып. 1—3.

Масловский Д. Ф. Первая боевая деятельность Петра Великого (1699—1704 гг.). Б. м., б. г.

Масловский Д. Ф. Строевая и полевая служба русских войск времен Петра Великого и императрицы Елизаветы. М., 1883.

Медер Н. В. Петр Великий как основатель армии и военного искусства в России. СПб., 1842.

Международные связи России в XVII—XVIII вв. М., 1966.

Межов В. И. Юбилей Петра Великого: Библиогр. указ. лит. петровского юбилея 1872 г. с прибавлением книг и статей о Петре I вообще, явившихся в свете с 1865 г. до 1876 г. включительно. СПб., 1881.

Милоков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905.

Минцлов Р. Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872.

Михневич Н. П. История военного искусства с древнейших времен до начала XIX столетия. СПб., 1898.

Михневич Н. П. Петр Великий и Полтава: Беседа по случаю 200-летия сражения под Полтавой (27 июня 1709 г.). СПб., 1909.

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984.

Морфиль Г. Петр Великий в Дании // Ист. вестн., 1882. Окт.

Мышковский Е. В. Ручное огнестрельное оружие русской армии периода Северной войны 1700—1721 гг. // Сб. исслед. и материалов Арт. ист. музея, 1959. Вып. 4.

Мышлаевский А. З. Петр Великий: Война в Финляндии в 1712—1714 годах. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896.

Мышлаевский А. З. Россия и Турция перед Прутским походом // Военный сб., 1901. № 1—2.

Мышлаевский А. З. Северная война // Военный сб., 1901. № 9—12.

Мышлаевский А. З. Северная война: Летняя кампания 1708 г. СПб., 1901.

Мышлаевский А. З. Северная война, 1708 г.: От р. Улы и Березины за р. Днепр. СПб., 1901.

Муравьева Л. Л. Из истории политических отношений России с

Гданьском (Данцигом) в период Северной войны // Вопросы военной истории России, XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969.

Нартов А. К. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891.

Некрасов Г. А. Военно-морские силы России на Балтике в первой четверти XVIII в. // Вопросы военной истории России, XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969.

Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике, 1725—1739 гг. М., 1976.

Некрасов Г. А. Торгово-экономические отношения России со Швецией в 20—30-х годах XVIII в. // Международные связи России в XVII—XVIII вв. М., 1966.

Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М., 1959.

Никифоров Л. А. Вопрос о посредничестве Франции между Россией и Швецией в конце Северной войны // История СССР, 1958. № 6.

Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950.

Новиков Н. В. Гангут: Кампания 1713 и 1714 гг. на Финляндском театре. Гангутская операция и бой 27 июня 1714. М., 1944.

Обзор войн России от Петра Великого до наших дней/Под ред. Г. А. Лера. СПб., 1885. Ч. 1; СПб., 1898. Ч. 4, кн. 1.

Озаровский Н. Ю. Боевые операции в финских пихерах в 1710—1714 гг. // Морской сб., 1940. № 1.

Орешкова С. Ф. Русско-турецкая война 1711 г. и ее освещение в современной турецкой историографии // Краткие сообщения Ин-та народов Азии, 1964. Т. 77.

Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.

Осинов К. Разгром шведских интервентов войсками Петра I. М., 1951.

Османидзе Т. К истории русской военной терминологии: (Термины, обозначающие тактические приемы и оперативные действия войск в XVII—XVIII вв.) // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1968. Вып. 6.

Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в.: Преобразования Петра I. М., 1954.

Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М., 1981.

Павленко Н. И. Петр Первый. 2-е изд. М., 1976.

Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М., 1953.

Павленко Н. И. Три так называемых завешания Петра I // Вопр. истории, 1979. № 2.

Павловский И. Битва под Полтавой 27-го июня 1709 г. и ее памятники. Полтава, 1909.

Палли Х. Э. К вопросу об историческом значении битвы при Хуммули (Гуммельсгоф) // Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1963. № 1.

Палли Х. Э. Между двумя боями за Нарву: Эстония в первые годы Северной войны (1700—1704). Таллин, 1966.

Панов В. А. Петр Великий. М., 1942.

Папков А. Шведские архивы // Русский ист. журн., 1917. № 3/4.

Петербург петровского времени / Сб. статей под ред. А. В. Предтеченского. Л., 1948.

Петр Великий: Сб. статей. СПб., 1903.

Петр Великий: Сб. статей / Под ред. А. И. Андреева. М.; Л., 1947.

Петр Великий и Людовик XIV: (К истории франко-русских отношений в царствование Петра I до заключения первого франко-русского договора, 1682—1717) // Русская старина, 1908. Ноябрь.

Петр Великий на Севере: Сб. статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере/Под ред. А. Ф. Шидловского. Архангельск, 1909.

Петров А. В. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности в связи с историей упрочения русского господства на Балтийском побережье, 1223—1900. СПб., 1901.

Пештич С. Л. Ценный источник по истории России времен Северной войны // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

План укреплению лагерю при Гродне, в коем Российская армия стояла в январе и феврале 1706 г. Б. м., б. г.

Плотицын В. Разгром шведских захватчиков // Ист. журн., 1939. № 7.

Победы Петра Великого над шведами 200 лет назад: Лесная — Полтава. СПб., 1908.

Погосский А. Ф. Нарва и Полтава. СПб., 1911.

Полиевтов М. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721—1725 гг.). СПб., 1907.

Полтава: К 250-летию Полтавского сражения: Сб. статей. М., 1959.

Полтавская победа: Из истории международных отношений накануне и после Полтавы: Сб. статей. М., 1959.

Попов Н. Н. К бою Апраксина на реке Игоре, 1708 г. Б. м., б. г.

Порфирьев Е. И. Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952.

Порфирьев Е. И. Полтавское сражение 27 июня 1709 г. М., 1959.

Потоцкий П. Гвардия русского царя под Нарвою в 1700 и 1704 году с приложением описания достопримечательности Нарвы. СПб., 1890.

Предтеченский А. В. Полтавский бой в освещении современников-иностранцев // Ученые зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. М. Н. Покровского, 1940. Т. 5, вып. 1.

Прочко И. С. Артиллерия в Полтавском битве // Артиллерийский журн., 1949. № 7.

Птуха М. В. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. М., 1945.

Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889.

Путята А. Д. Вопрос о прусском союзе в первую половину Великой Северной войны // Сборник Московского Главного архива министерства иностранных дел. М., 1880. Вып. 1.

Рабинович М. Д. Полки петровской армии, 1698—1725: Краткий справочник // Труды Государственно-ист. музея. М., 1977. Вып. 48.

Рабинович М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973.

Рабинович М. Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Ист. зап., 1956. Т. 58.

Рабинович М. Д. Формирование регулярной русской армии накануне

Северной войны // Вопросы военной истории России, XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969.

Рабинович М., Лившиц И. Документы о Полтавском бое // Ист. журн., 1939. № 7.

Разгром шведов у деревни Лапполо // Артиллерийский журн., 1951. № 3.

Резвый Р., Верходубов В. Развитие тактики русской армии Петром I // Воен. вестн., 1952. № 2.

Россия в период реформ Петра I. М., 1973.

Сальман Г. Я. Морской устав 1720 года — первый свод законов русского флота // Ист. зап., 1955. Т. 53.

Северная война 1700—1721 годов // Воен.-ист. журн., 1961. № 8.

Де Санглен Я. И. Подвиги русских под Нарвою в 1700 году. М., 1831.

Семека С. А. Некоторые сведения о медицинском обеспечении русской армии в Полтавском сражении 27 июня (8 июля) 1709 г. // Воен.-мед. журн., 1959. № 8.

Семенов В. Англо-русские отношения в царствование Петра I // Ист. журн., 1943. № 10.

Смирнов Н. А. Борьба русского и украинского народов против агрессии султанской Турции в XVII веке // Вопр. истории, 1954. № 3.

Смирнов-Сокольский Н. «Книга Марсова» (Из истории издания сборника военных документов Петра I 1713 г.) // Огонек, 1959. № 50.

Соколов А. Морские кампании, 1715—1721 // Морской сб., 1851. № 4.

Соколов А. Русский флот при кончине Петра Великого, 1725 г. // Записка Гидрографического департамента морского министерства, 1848. Ч. 6.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7, 8.

Сорина Х. Аландский конгресс // Вопр. истории, 1947. № 6.

Спиридонова Е. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., 1952.

Сталле А. Карл XII как стратег и тактик в 1707—1709 гг. / Пер. со швед. СПб., 1912.

Сталле А. Операционные планы Карла XII в 1707—1709 гг. / Пер. со швед. Б. м., б. г.

Строков А. А. История военного ис-

кусства. М., 1955. Т. 1: Рабовладельческое и феодальное общество.

Тарле Е. В. 250 лет указа Петра I о создании русского флота // Общее собрание Академии наук СССР 29 ноября — 4 декабря 1946 г. М.; Л., 1947.

Тарле Е. В. Карл XII в 1708—1709 годах // Вопр. истории, 1950. № 6.

Тарле Е. В. После Полтавы // Новая и новейшая история, 1957. № 1.

Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949.

Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.

Тельпуховский Б. С. Возвращение земель «отчич и дедич» и основание Петербурга // Ист. журн., 1941. № 1.

Тельпуховский Б. С. Народная борьба против иноземных захватчиков в Северной войне // Ист. журн., 1942. № 7.

Тельпуховский Б. С. Северная война 1700—1721: Полководческая деятельность Петра I. М., 1946.

Тельпуховский Б. С. Сражение у мыса Гангут (1714 г.) // Воен.-ист. журн., 1941. № 3.

Темкин С., Забаринский П. Русская артиллерия под Полтавой // Артиллерийский журн., 1939. № 2.

Тимирязев В. Русские дипломаты XVIII столетия в Англии // Ист. вестн., 1898. Т. 72. Апрель—май.

Тимченко-Рубан Г. И. Оборона Петербурга в 1704—1705 гг. СПб., 1899.

Тимченко-Рубан Г. И. Осада, капитуляция и разрушение Ниеншанца в 1703 г. // Инж. журн., 1898. № 10.

Тимченко-Рубан Г. И. Первые годы Петербурга: Воен.-ист. очерк. СПб., 1901.

Томилини А. С. Шлиссельбург: Историческое обозрение шведских войн, в которых участвовала Шлиссельбургская крепость, с подробным описанием осады ее при Петре Великом и современное положение города Шлиссельбурга. СПб., 1847.

Томсинский С. М. Первая печатная газета России (1702—1727 гг.). Пермь, 1959.

Труды Русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. 1—4.

Уляницкий В. А. Исторический очерк русских консульств за границей //

Сборник Московского Главного архива министерства иностранных дел. М., 1893—1899. Вып. 5—6.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1853—1863. Т. 1—4, 6.

Устрялов Н. Г. Осада Нарвы в 1700 г. М., 1860.

Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959.

Фейгина С. А. О подлинности письма Петра I с берегов Прута: (По поводу статьи Е. И. Подъяпольской «К вопросу о достоверности письма Петра I с берегов Прута» в сб. «Исследования по отечественному источниковедению», 1964 г.) // Сов. арх., 1976. № 4.

Фейгина С. А. Петровская эпоха в работах историков капиталистических стран // История СССР, 1972. № 4.

Феокистов И. И. Город Нарва: Исторический очерк: По поводу 200-летия взятия этого города Петром Великим, 9 августа 1704 г.—9 августа 1904 г. СПб., 1904.

Феофан (Прокопович). История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно. 2-е изд. М., 1788.

Филимошин М. Первая победа русского регулярного флота: (К 270-летию Гангутского сражения) // Воен.-ист. журн., 1984. № 8.

Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). СПб., 1893—1894. Т. 1, 2.

Форстен Г. В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648—1700) // Журнал министерства народного просвещения, 1898. Февр.—июнь.

Фрунзев Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI—XIX вв. Архангельск, 1975.

Хромова Е. А. Северная война и ее отражение в исторических работах и публицистике первой четверти XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1951.

Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954.

Шаскольский И. П. Об основных особенностях русско-шведской торговли XVII в. // Международные

- связи России в XVII—XVIII вв. М., 1966.
- Шеорина Т.* Воинские артикулы Петра I. М., 1940.
- Шишков А. С.* Список кораблям и прочим судам всего российского флота от начала заведения одного до нынешних времен, с историческими вообще о действиях флотов и о каждом судне примечаниями. СПб., 1799. Ч. 1.
- Шмурао Е.* Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912.
- Шперк В. Ф.* Инженерное обеспечение Полтавской битвы: К 230-летию Полтавской битвы. М., 1939.
- Штейн В.* Петр Великий и франко-русский союз // Ист. вестн., 1903. № 5.
- Шутой В. Е.* Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII, 1700—1709. М., 1958.
- Шутой В. Е.* Из истории совместной борьбы русского, украинского и польского народов против шведских интервентов // Вестн. АН СССР, 1959. № 8.
- Шутой В. Е.* Измена Мазепы // Ист. зап., 1950. Т. 31.
- Шутой В. Е.* Классовая борьба в период народной войны на Украине в 1708—1709 гг. // Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1949. Т. 6, № 4.
- Шутой В. Е.* Малоизвестный источник по истории Северной войны: (Путевой дневник словацкого посла Д. Крмана, относящийся к периоду 1708—1710 гг.) // Вопр. истории, 1976. № 12.
- Шутой В. Е.* Народная война на Украине против шведских захватчиков в 1708—1709 гг. // Вопр. истории, 1949. № 7.
- Шутой В. Е.* Оборона Львова в 1704 г. // Краткие сообщения Ин-та славяноведения, 1955. Т. 17.
- Шутой В. Е.* Северная война (1700—1721). М., 1970.
- Шутой В. Е.* Фальсификация истории под видом объективности: (По поводу статьи шведского историка Б. Кентрижского «Пропангандистская война на Украине в 1708—1709 гг. Некоторые замечания и точки зрения, опубликованные в шведском Ежегоднике Каролингского союза») // Вопр. истории, 1961. № 6.
- Юнаков Н. Л.* Операция Петра Великого против Левенгаупта // Воен. сб., 1908. № 12.
- Юнаков Н. Л.* Полтавская операция 1709 года // Воен. сб., 1909. № 6.
- Якименко Н. А.* Памятники Полтавской битвы: (К 275-летию) // Вопр. истории, 1984. № 7.
- Яковлев В.* Петр I — основоположник военно-инженерного дела в России // Воен. мысль, 1945. № 4/5.
- Яковлев Н. О.* О так называемом «Завещании» Петра Великого // Ист. журн., 1941. № 12.
- Adlerfeld G.* Histoire militaire de Charles XII, (1706—1709). Amsterdam, 1740—1742. Т. 1, 3, 4.
- Anderson M. S.* Peter the Great. L., 1978.
- Andersson J.* Sveriges historia. Stockholm, 1953.
- Attman A.* The Russian and Polish Markets in International Trade, 1500—1650. Göteborg, 1973.
- Bain R. Nisbet.* Charles XII and the Collapse of the Swedish Empire. N. Y.; L., 1895.
- Bain R. Nisbet.* Scandinavia: A Political History of Denmark, Norway and Sweden from 1513 to 1900. Cambridge, 1905.
- British Diplomatic Instructions.* L., 1922. Vol. 1: Sweden, 1689—1727; L., 1925. Vol. 2: France, 1689—1721; L., 1926. Vol. 3: Denmark, 1689—1789; L., 1927. Vol. 4: France, 1721—1727; L., 1928. Vol. 5: Sweden, 1727—1789; L., 1930. Vol. 6: France, 1727—1789.
- Bruce P. H.* Memoirs of Peter Henry Bruce, a Military Officer in the Services of Prussia, Russia and Great Britain. L., 1782.
- Carlsson E.* Freden i Nystad. Uppsala, 1932.
- Chance J. F.* The Alliance of Hanover: A Study of British Policy in the Last Years of George I. L., 1923.
- Chance J. F.* George I and the Northern War: A Study of British-Hanoverian Policy in the North of Europe in the Years 1709—1721. L., 1909.
- Dreiger S. Aland.* Under Stora Nordiska Kriget. Mariehamn, 1970.
- Feldman J.* Polska w dobie wielkiej wojny północnej, 1704—1709. Kraków, 1925.
- Gordon A.* The History of Peter the Great, Emperor of Russia. Aberdeen, 1755. Vol. 1—2.
- Graham S.* Peter the Great. L., 1929.
- Grey J.* Peter the Great, Emperor of All Russia. New York, 1960.
- Hartman K. J.* Alandska kongressen och dess förhistoria. Åbo, 1921—1931. D. 1—5.
- Heckscher E. F.* An Economic History of Sweden. Cambridge, 1954.
- Heckscher E. F.* Sveriges ekonomiska historia fram Gustav Vasa. Stockholm, 1936. D. 1, b. 2: 1600—1720; Stockholm, 1949. D. 2, b. 3, halvband 1: 1720—1815.
- Jonge A.* Fire and Water: A Life of Peter the Great. L., 1979.
- Kersten K.* Peter der Grosse: Vom Wesen und von den Ursachen historischer Grösse. Amsterdam, 1935.
- Kirchhoff H.* Seemacht in der Ostsee: Ihre Einwirkung auf die Geschichte der Ostseeländer im 17. und 18. Jahrhundert. Kiel, 1907.
- Kurat A. N.* Letters of Poniatowski on the Pruth Campaign, 1711 // Slavonic and East European Review, 1947. Vol. 26, N 66.
- Lisk J.* The Struggle for Supremacy in the Baltic, 1600—1725. N. Y., 1967.
- Mahan A. T.* The Influence of Sea Power upon History, 1660—1783. L., 1890.
- Massie R. K.* Peter the Great: His Life and World. N. Y., 1981.
- Massini R.* Sir Luke Schaub und die schweizerisch-französischen Allianzverhandlungen von 1738/39 // Basler Zeitschrift für Geschichte und Altertumskunde. 1953. Bd. 52.
- The New Cambridge Modern History.* N. Y.; L., 1961. Vol. 5.
- Nordberg J. A.* Histoire de Charles XII, roi de Suède. La Haye, 1748. Т. 1—4.
- Ogg D.* Europe in the Seventeenth Century. L., 1943.
- Rambaud A. N.* Russia. N. Y., 1902. Vol. 2.
- Seely J. R.* The Expansion of England. L., 1921.
- Sörensson P. (utgif.)* Carl Pipers och Carl Gustav Rehnskiölds koncept till utgående skriftvelser under deras fångenskap i Ryssland 1709—1715. Stockholm, 1911.
- Sumner B. H.* Peter the Great and the Emergence of Russia. L.; N. Y., 1962.
- Sumner B. H.* Peter the Great and the Ottoman Empire. Oxford, 1949.
- Sumner B. H.* Survey of Russian History. 2-d ed. L., 1948.
- Vockerodt J. G.* Russland unter Peter dem Grossen // Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands. Leipzig, 1872.
- Voltaire.* Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand. Amsterdam, 1761—1764. Т. 1—2.
- Voltaire.* Histoire de Charles XII, roi de Suède. Bruxelles, 1830.
- Waddington A.* Histoire de Prusse. P., 1922. Т. 2: Les deux premiers rois (1688—1740).
- Wolf J.* The Emergence of the Great Powers, 1650—1715. N. Y., 1951.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август II, польский король, саксонский курфюрст 19, 20, 23, 45, 50, 57, 63, 64, 66, 88, 102, 103, 116, 117, 123, 151, 195
- Авдеев В. А., историк 2
- Автократов В. Н., историк 191
- Адамович Б. В., историк 191
- Аларт Л.-Н., барон, генерал 46, 91, 104, 111, 118
- Алексей Михайлович, царь 30, 43
- Алексей Петрович, царевич 150, 179, 189
- Али-Чорли-паша, турецкий визирь 103
- Андерссон И., шведский историк 39, 42, 44, 72, 87, 191
- Андерсон М., историк (профессор Лондонского университета) 7
- Андреев А. И., историк 193, 197
- Андреев В., историк 191
- Андреанов П. М., историк 191
- Анкерштерн К., барон, шведский адмирал 62
- Апостол Д. П., миргородский полковник, наказной атаман 59
- Апраксин П. М., боярин, воевода, сенатор 57
- Апраксин Ф. М. граф, адмирал 30, 50, 59, 61, 69, 72, 97—101, 107, 119, 120, 127—129, 132, 136, 141—143, 152, 153, 155, 157—159, 161, 164—167, 175, 179, 180, 190, 198
- Армфельд К., шведский генерал 126, 128, 130, 131, 138, 160
- Арсеньев Ю. А., историк 191
- Артамонов В. А., историк 191
- Ахмед III, турецкий султан 102—105, 114
- Баггер Х., историк 12
- Базилевич К. В., историк 11, 13, 191
- Баиов А. К., генерал, русский военный историк 191
- Балашова Ю. П., историк 67, 191
- Балтаджи-Мехмет-паша, турецкий верховный визирь 104, 111, 113, 114
- Бантыш-Каменский Д. Н., историк 191
- Барер И., историк 191
- Барятинский И. Ф., бригадир 159
- Баскаков В. И., историк 4, 11, 191
- Бассевич Г. Ф., граф, шлезвиг-гоштинский министр 178, 189
- Безбах С. А., историк 191
- Безенвальд (Безенваль) Ж.-В., французский посланник при дворе шведского короля, посол в Польше 78
- Бенс П., капитан 165
- Берендтс Э., историк 179, 191
- Беркгольц Ф. В., генерал 97, 98, 101, 189
- Берх В., историк 191
- Бескровный Л. Г., историк 7, 11, 44, 179, 191
- Беспярых Ю. Н., историк 12, 13, 191, 192
- Бестужев М. П., дипломат 173, 175
- Бестужев Н. А., историк 192
- Блох Йозеф, студент Берлинского университета, впоследствии журналист, издатель и редактор журнала «Sozialistische Monatshefte» 188
- Бобровский П. О., генерал, русский военный историк 192
- Богданович М. И., генерал, русский военный историк 192
- Богословский М. М., историк 43, 44, 192
- Болдырев В., историк 138, 139, 192
- Бонч-Бруевич В. Д., советский государственный и партийный деятель 192
- Борисов В. Е., историк 192
- Бородин М. М., историк 192
- Боур (Бауер, Баур, Боуер) Р. Х., генерал 72, 74, 75, 89, 94, 95, 105, 118
- Боцис И. Ф., начальник галерного флота, штурман (капитан-командор, контр-адмирал) 98—100, 127, 128
- Бранденбург Н. Е., генерал, археолог, исследователь по истории развития артиллерии 192
- Брыньковану К., валахский господарь 108

- Брюс Р. В., генерал, петербургский обер-комендант 62, 97, 98, 101
- Брюс Я. В., генерал, дипломат 30, 92, 104, 146, 150, 176, 177
- Бук, генерал-майор 94
- Булавин К. А., атаман войска Донского, предводитель крестьянского восстания 1707—1708 гг. 182
- Бутурлин И. И., генерал 107
- Бутурлин Д. П., генерал, русский военный историк 4, 11, 140, 141, 179, 190
- Бычков А. Ф., историк 190
- Вайнштейн О. Л., историк 192
- Васильев М. В., историк 139, 192
- Вагранг Г., шведский адмирал 100, 130, 133, 138
- Вейде А. А., генерал 30, 32, 34, 44, 47—49, 136
- Вейсброд, секретарь английского посланника Чарльза Витворта 189
- Веллинг О., шведский генерал 48
- Веретенников В. И., историк 192
- Верходубов В. Д., историк 192, 198
- Веселаго Ф. Ф., генерал, русский историк военно-морского флота 67, 141, 179—181, 189, 192
- Веселовский Ф., русский посланник в Англии 163
- Вигилов А. Н., историк 192
- Вильбоа Н. П., капитан 163, 164
- Виниус А. А., думный дяк 60
- Витберг Ф. А., писатель 192
- Витворт Ч., английский посланник при русском дворе 189
- Виттенберг М., шведский генерал 173
- Водарский Я. Е., историк 140, 192
- Возгрин В. Е., историк 12, 43, 138, 192, 193
- Возницын П. Б., дипломат 18
- Волковский А. Г., князь, генерал 89, 95, 127, 129
- Волынский Н. П., историк 191, 193
- Вольф Дж., американский историк 8
- Воскресенский Н. А., историк 187, 193
- Врангель А., шведский капитан 154
- Вреден, шведский граф 159
- Выдрин В. М., историк 193
- Гамель И., историк 67
- Гамильтон, шведский генерал 160
- Гареев М. А., генерал-полковник, доктор военных наук 44
- Гедвига-София, сестра Карла XII 22
- Гейнс П., датский посланник 22, 23
- Гейсман П. А., историк 193
- Геннин В., историк 193
- Георг I, английский король 5, 145, 151, 161, 171, 172, 175
- Георгиевский Г. П., историк 193
- Гербановский С. Е., историк 193
- Гербицкий Г. Ю., историк 193
- Герц Г. Г., барон 145, 146, 150
- Герье В., историк 44
- Гессен-Кассельский Ф., наследный принц 159
- Гилленкрот А., квартирмейстер Карла XII, историк 76, 87, 189
- Глаголева А. П., историк 193
- Голиков И. И., историк 3, 4, 11, 68, 140, 141, 187, 193
- Голицын В. В., князь, командующий русской армией в Крымских походах 1687, 1689 гг. 29, 30
- Голицын Д. М., князь, посол в Константинополе, киевский губернатор 105
- Голицын М. М., князь, генерал 30, 59, 64, 72, 103—106, 128—131, 136, 141, 164, 168—170, 176, 177
- Голицын П. М., подполковник 165
- Головин А. М., государственный деятель, генерал 17, 30, 32—36, 47, 48, 129
- Головин Н. Ф., граф, поручик 156
- Головин Ф. А., граф, адмирал, дипломат 35, 42, 138, 189
- Головкин Г. И., граф, канцлер 102
- Гольденберг Л. А., историк 193
- Гордиенко К., кошевой атаман 81
- Гордон Патрик, генерал 17, 30, 32, 189
- Горн Г. Р., шведский полковник, затем генерал, комендант Нарвы 46, 63
- Гофт В. фон, капитан 164, 165
- Грахэм С., английский историк 5
- Грей Я., английский историк 6
- Гудим-Левкович П. К., генерал, русский военный историк 193
- Гуревич Я. Г., историк 193
- Густав-Адольф, шведский король 15, 31, 38, 40, 42, 96
- Данилова Е. Н., историк 193
- Де-Биз Яков, голландский дипломат 189
- Девлет-Гирей, крымский хан 106, 107
- Де-Лави Г., дипломат 171, 172, 173
- Деляп, капитан русского флота 154
- Джеффрис Дж., английский посланник в Петербурге, 150, 152, 153
- Джонг А., английский филолог 7, 8
- Дивин В. А., историк 193
- Долгорукий В. Л., князь, дипломат 88, 96, 118, 122, 162, 165
- Дуров В., историк 193
- Дюпре, генерал 159

Дядиченко В., историк 193

Екатерина I Алексеевна, императрица 101, 190
Елагин С. И., историк 193
Епифанов П. П., историк 2, 7, 43, 44, 67, 193, 194

Жилинский А., историк 194
Житков К. Г., историк 194
Желябужский И. А., русский дипломат 44, 58, 67, 68, 189
Жукович П., историк 194

Забаринский П., историк 199
Заозерская Е. И., историк 194
Захаренко А. Г., историк 6, 7, 194
Зейдель, историк 187
Змаевич М. Х., шаутбенахт 133, 136, 159
Золотухин И., дьяк 35
Зотов В. Н., полковник, комендант Нарвы, затем Ревеля 95
Зотов К. Н., офицер морского флота 153, 154, 156
Зутис Я. Я., историк 194

Иваницкий, полковник и бригадир 95
Иванов А. И., думный дьяк 35
Иванов В., историк 194
Игнатенко А. П., историк 194

Калги-Султан, брат крымского хана Девлет-Гирея 106
Кампиредон Я., французский посланник, дипломат 173, 174
Кап А. С., историк 194
Кантакузин М., князь, великий спарфрий княжества Валахского 103
Кантемир Д., молдавский господарь 107, 108, 112, 113
Карл XI, шведский король 38
Карл XII, шведский король 4, 6, 8, 11, 22, 39, 40, 43, 45—48, 50, 57, 63, 64, 66, 69, 71—73, 76—82, 84, 87, 88, 92, 102—106, 114, 115, 142, 143—150, 152, 180, 189, 190, 194
Карл-Фридрих, племянник Карла XII 174
Карпов, майор 59
Картрет Д., английский дипломат 6, 157, 161
Карпов П. П., историк 180
Карпов А. П., историк 4, 11, 194
Каульбарс, барон 190
Кафенгауз В. Б., историк 12, 194
Кедров С., историк 194
Келин А. С., полковник, комендант Полтавы 82

Кикин А. В., адмиралтейский советник 102
Кириченко Н. П., историк 139
Кирхгоф Г., историк 179, 194
Клок Л. Д., историк 195
Клокман Ю. Р., историк 12, 194, 195
Книппер Крон Т., шведский резидент в Москве 41
Ковалевский М. М., историк 195
Козаченко А. И., историк 195
Козьма Третий, Тосканский (Флоренский) великий герцог 43
Колосов Е. Е., историк 195
Колычев С. А., воевода 190
Копынский З. Ю., историк 195
Коробков Н., историк 195
Королюк В. Д., историк 67, 194, 195
Корчмин В. Д., русский военный инженер 47
Котопихин Г., подьячий Посольского приказа 43
Коцебу А. Е., художник 85
Кочубинский А., историк 195
Крассау, шведский генерал 88, 91, 103, 105, 106, 115
Криченко Н. П., историк 194
Кроа, герцог 46, 47
Крониорт А., барон, шведский генерал 59, 61
Кротков А. С., историк 195
Крылова Т. К., историк 140, 141, 195
Крюйс К. И., вице-адмирал 98, 99, 126, 127
Кулишер И. М., историк 195
Куракин Б. И., князь, дипломат 117, 145, 165, 175, 176, 190, 194
Куракин Ф. А., князь 43, 44, 140, 178, 189
Кушнарев Е. Г., историк 195

Лагеркрон А., шведский генерал 78, 79
Ламбин Н. П., историк 179, 181, 195
Ланген А., барон, саксонский генерал 21
Ланпо-Данилевский А. С., историк 195
Ласси П. П., граф, генерал 92, 157, 159, 160, 176
Ласковский Ф. Ф., генерал, русский военный инженер и историк 44, 138, 141, 196
Лебедев В. И., историк 190
Лебедянская А. П., историк 196
Леванов В. Я., бригадир 158
Левенгаупт А. Л., граф, шведский генерал 71—75, 77, 80, 85
Ленин В. И. 9, 10, 12, 14, 43, 182, 187, 188
Лефорт Ф. Я., военный деятель и дипломат 30, 32, 136, 189

Лещинский Л. М., историк 196
Лещинский С., польский король 64, 66, 88, 103
Либекер, шведский генерал 71, 72, 77, 98, 126—128
Лившиц И., историк 198
Лилиенштет И., шведский барон, дипломат 150, 176
Лиллье, шведский адмирал 127, 128, 133, 136, 138
Лобанов М., казачий атаман 89
Лысцов В. П., историк 196
Любимов А. И., историк 196
Людовик XIV, французский король 12, 44, 197

Мавродин В. В., историк 196
Майдель И., шведский генерал 62
Майков Л. Н., историк 196
Майкова Т., историк 196
Мазепа И. С., гетман 65, 73, 79—81, 87, 193
Малколм-Смит Е., английский историк 5, 6
Марголин С. Л., историк 43
Мардефельд А. А., шведский генерал 66, 67
Маркевич А., историк 196
Маркевич Н., историк 190
Маркс К. 9, 10, 12, 43, 44, 188
Марлинский С., историк 196
Мартенс Ф. Ф., историк 179, 190
Мартынов М. Н., историк 196
Марченко М. К., историк 196
Масловский Д. Ф., генерал, русский военный историк 4, 12, 66, 68, 139, 179, 196
Матвеев А. А., дипломат 167
Медведев С., публицист 43
Медом Н. В., генерал, русский военный теоретик 196
Межов В. И., историк 196
Менезия П., генерал 30
Менгден Ю. А. фон, бригадир 166, 167
Меншиков А. Д., князь, фельдмаршал 30, 59, 60, 66, 67, 75, 80, 82, 84—86, 90, 91, 97, 105, 117—119, 121, 122, 140, 161, 170, 174, 193
Мигулин И. С., историк 195
Миллер И. С., историк 194
Миллюков П. Н., историк 196
Михаил Федорович, царь 28
Михневич Н. П., генерал, русский военный историк 196
Молчанов Н. Н., историк 13, 196
Мориц, граф Саксонский, маршал 86
Моро-де-Бразе, бригадир 112, 140
Морфиль Г., историк 196
Мышковский Е. В., историк 196

Мышлаевский А. З., генерал, русский военный историк 4, 11, 12, 101, 137, 139, 140, 141
Муравьева Л. Л., историк 196
Мурзанова М. 11

Наполеон I 72
Нартов А. К., механик 197
Некрасов Г. А., историк 44, 197
Некулче Ион, молдавский гетман 107
Никитин А. В., стольник, резидент в Польше 18
Никифоров Л. А., историк 13, 178, 179, 180, 197
Новиков Н. В., историк 141, 192, 197
Номен Я. К., публицист 189
Норрис Д., английский адмирал 156, 161, 164, 166, 167, 172, 176
Нуман-Кёпрюлю-паша, турецкий vizирь 103
Нуммерс (Нумберс) Г. фон, шведский адмирал 60

Огильви Г. В., барон, фельдмаршал 65
Озаровский Н. Ю., историк 197
Окулов И., священник 51, 67
Оренкова С. Ф., историк 139, 140, 197
Осипов К., историк 197
Осипова М. Н., историк 2
Османалиев Т., историк 197
Остерман А. И., дипломат 146, 147, 150, 152, 160, 176, 177, 190

Павленко Н. И., историк 7, 87, 140, 141, 197
Павлова-Сильванская М. П., историк 12
Павловский И., историк 197
Палли Х. Э., историк 197
Палий С. Ф., белоцерковский полковник 85
Панов В. А., историк 11, 13, 197
Папков А., историк 197
Паткуль И. Р., лифляндский дворянин, тайный советник 19—21, 190
Петр I 2, 4—13, 16—23, 25, 29—34, 36, 40—44, 46, 47, 49—51, 57, 59—61, 64, 67—71, 73—75, 79, 82, 84—88, 90, 91, 93—95, 97—103, 105, 106—108, 110—113, 115—119, 121—123, 128, 132, 133, 136—140, 143, 146—148, 150—152, 154—156, 158, 160, 161, 163, 164, 166—168, 170, 171, 173—180, 182, 183, 185, 187, 189—192, 194—199
Петров А. В., историк 197
Пештич С. Л., историк 197
Пипер К., граф, шведский канцлер 86

Плотицын В., историк 197
 Погоский А. Ф., историк 198
 Подъяпольская Е. П., историк 13
 Показий С. Н. 12
 Покровский М. Н., историк 198
 Полиевктос М., историк 180, 198
 Поляковский Ст., резидент С. Ле-
 щинского при Карле XII 103, 111,
 112, 114
 Попов Н. Н., историк 198
 Порфирьев Е. И., историк 11, 13, 141,
 198
 Посошков И. Т., публицист 23, 43
 Поточки И., киевский воевода 103
 Потоцкий П., историк 198
 Предтеченский А. В., историк 197,
 198
 Прейс 190
 Прочко И. С., историк 198
 Пруа, шведский адмирал 63
 Прудон П. Ж., французский публи-
 цист, экономист и социолог 188
 Птуха М. В., историк 198
 Пузыревский А. К., генерал, воен-
 ный историк 4, 12, 44, 198
 Путята А. Д., историк 198
 Пушкин А. С., 108, 139, 140

Рабинович М. Д., историк 43, 44, 198
 Рагузинский С. Л., советник русско-
 го правительства по турецким де-
 лам, купец и финансовый агент
 112, 113
 Радышевский Анисим Михайлов, пе-
 реводчик 26
 Рандау, граф, датский генерал 118
 Резвый Р., историк 198
 Рейтенфельс Я., посланник герцога
 Тосканского 43
 Ренне (Ренн, Рен) К.-Э., курлянд-
 ский дворянин, генерал на русской
 службе 92, 108, 110, 113
 Реншильд К.-Г., барон, генерал-
 фельдмаршал шведской армии 8,
 40, 48, 80, 86
 Репнин А. И., князь, генерал 30, 34,
 35, 50, 57, 90, 91, 93, 104, 113
 Римский-Корсаков Я. Н., комендант
 Копорья, затем Петербургский
 вице-губернатор 58
 Росс, шведский генерал 72, 84
 Ростунов И. И., историк 2
 Рук, адмирал 45
 Румянцев А. И., поручик Преобра-
 женского полка, адъютант Петра I
 172, 173
 Рябов И., лодейный кормщик 194

Сальман Г. Я., историк 198
 Самнер Б., английский историк 7
 Санглен Я. И. де, писатель 198

Семевский М. И., историк 189
 Семена С. А., историк 198
 Семенов В., историк 198
 Сент-Илер, барон 166
 Синявин (Сенявин) Н. А., капитан
 133—156
 Скопин-Шуйский М. В., полководец
 27
 Скоропадский И. И., стародубский
 полковник, затем гетман 82, 105,
 107
 Смирнов Н. А., историк 198
 Смирнов-Сокольский Н. П., сов. ар-
 тист эстрады, писатель, библиофил,
 нар. арт. РСФСР 198
 Соколов А., историк 179, 198
 Соколов Ю. Ф., историк 2
 Соловьев С. М., историк 43, 180, 198
 Сорина Х., историк 178, 198
 Софья Алексеевна, царевна 25, 30
 Спиридонова Е., историк 198
 Стенбок (Штейнбок) М., граф, швед-
 ский генерал 91, 118—123, 141, 195
 Стенгоп Дж., статс-секретарь, дипло-
 мат 157, 164, 172
 Стиернстрале М., шведский полков-
 ник, комендант Выборга 97
 Стилле А., шведский историк 87, 198
 Стрекалов С., полковник 159
 Стремфельд О., шведский барон, дип-
 ломат 176
 Строков А. А., историк 2, 198
 Струмилин С. Г., историк-экономист
 14, 43
 Сусанин И., русский патриот, крестья-
 нин 194

Тарле Е. В., историк 10, 13, 69, 87,
 199
 Татаринов О., дьяк 35
 Таубе Г. А., барон, шаутбенахт
 шведского флота 130, 136, 138
 Тельпуховский Б. С., историк 10, 11,
 13, 199
 Темкин С., историк 199
 Тимирязев В., историк 199
 Тимченко-Рубан Г. И., историк 199
 Тихомиров М. Н., историк 44, 194
 Толстой И., лейб-гвардии урядник
 175
 Толстой П. А., дипломат 102, 104
 Томилин А. С., историк 199
 Томсинский С. М., историк 199
 Третьяков П. Н., историк 194
 Трубецкой И. Ю., князь, генерал 47,
 48
 Трубецкой Н. Ю., князь, генерал-
 фельдмаршал 189

Уваров С. С., граф, министр просве-
 щения 191

Украинцев Е. И., думный дьяк, дип-
 ломат 18, 19, 42, 45
 Ульрика-Элеонора, королева Шве-
 ции, сестра Карла XII 150, 160
 Уляницкий В. А., историк 199
 Устрялов Н. Г., историк 43, 44, 68,
 179, 199

Фарафонов М. М., историк 195
 Фейгина С. А., историк 12, 13, 178,
 199
 Феоктистов И., историк 199
 Феофан Прокопович, архиепископ,
 публицист 3, 11, 199
 Фермор В. Ю., комендант крепости
 Веприк 87
 Филимошин М., историк 199
 Финч У., дипломат, английский по-
 сол в Швеции 176
 Фогт К., немецкий естествоиспытатель,
 вульгарный материалист 188
 Форстен Г. В., историк 199
 Фредерик IV, датский король 45, 106,
 116, 192
 Фридрих-Вильгельм, принц Прус-
 ский, будущий прусский король
 Фридрих-Вильгельм I 162
 Фридрих I, прусский король 171—
 173
 Фридрих IV, голштинский герцог 22
 Фронтиг Ю., римский военачальник
 30
 Фруменков Г. Г., историк 87, 199
 Хромова Е. А., историк 199

Цезарь Юлий, римский полководец,
 государственный и политический
 деятель 30

Чернышев Г. П., бригадир 97
 Чубаров А., полковник 170
 Чэнс Дж., английский историк 5

Шапизо Я., капитан 154
 Шапиро А. Л., историк 13
 Шаскольский И. П., историк 199
 Шафиров П. П., вице-канцлер, дип-
 ломат 3, 11, 112—114, 146, 190
 Швейцер И. Б., один из видных
 представителей лассальянства в
 Германии; в 1864—1867 гг. редак-
 тор газеты «Social-Demokrat» 188

Adlerfeld G. 200

Anderson M. S. 12, 200
 Andersson J. 200
 Attman A. 200
 Bain R. Nisbet 200

Шворина Т., историк 200
 Шёблад К., шведский адмирал 168—
 170
 Шейн А. С., боярин и воевода 17
 Шенелев, унтер-офицер 112
 Шидловский А. Ф., историк 197
 Шипков А. С., историк 200
 Шереметев М. Б., полковник, сын
 фельдмаршала Б. П. Шереметева
 58, 113

Шереметев Б. П., генерал-фельдмар-
 шал 5, 16, 46, 47, 49, 50, 58—60, 62,
 67, 89—91, 93, 94, 104, 105, 107, 108,
 112, 113, 117, 139, 140, 142, 189—191
 Шлиппенбах В. А., шведский генерал
 58, 59, 84
 Шмурло Е., историк 11, 200
 Шперк В. Ф., историк 200
 Штакельберг К.-А., полковник, ко-
 мендант Динамюнде 94
 Штаф, инженер, генерал-майор 92
 Штейн В., историк 200
 Штремберг Н., шведский генерал 89,
 93
 Шувалов И., полковник, комендант
 Выборга 131, 132
 Шутей В. Е., историк 7, 67, 68, 87,
 200
 Шхонебек А., художник 18

Щербачев Ю. Н., переводчик 191

Эберштедт Я. Л.-Г. фон, генерал-
 фельдмаршал на русской службе
 108
 Эвелинг Элеонора, дочь К. Маркса
 12
 Энгельс Ф. 9, 10, 12, 28, 43, 44, 188
 Эреншёльд Н., шведский контр-адми-
 рал 133, 136, 137

Юнаков Н. Л., историк 5, 200
 Юст Юль, датский посланник в Рос-
 сии 97, 139, 189

Якименко Н. А., историк 200
 Яков III Стюарт, принц Уэльский
 145
 Яковлев В., историк 200
 Яковлев Н. О., историк 200
 Яковлев П. И., полковник и брига-
 дир, затем генерал-майор 105

Bruce R. H. 200

Carlsson E. 200
 Chance J. F. 12, 200

Dreiger S. 180, 200

Feldman I. 200
Florinsky M. 12

Gordon A. 200
Graham S. 200
Grey J. 12, 201

Hartman K. I. 201
Heckscher E. F. 201

Jonge A. 12, 201

Kersten K. 201
Kirchhoff H. 201
Kurat A. N. 201

Lisk I. 201

Mahan A. T. 201

Malcolm-Smith E. 12, 180
Martin J. S. 12
Massie R. K. 201

Nordberd I. A. 201

Ogg D. 201

Rambaud A. N. 201

Seely I. R. 201
Sörensson P. 201
Sumner B. H. 12, 201

Vockerodt I. G. 201
Voltaire 201

Waddington A. 201
Wolf J. 12, 201

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

Або (Абов), г. 124, 128—130, 133, 138,
143, 151, 161, 165, 166, 168, 171

Або-Аландский р-н 127, 133

Абоские шхеры 133, 136

Австрия (Священная Римская импе-
рия) 16—19, 115, 163, 172

Азов, г. 16—19, 31, 106, 107, 112

Азовское море 16, 17

Аландские о-ва 123, 130, 136, 138, 145,
146, 150, 151, 153—155, 160, 177

Аланд, о-в 130, 143, 156, 158

Аландский архипелаг 165, 168, 176,
177

Александршанц, укрепление 90, 91

Альтранштадт, с. 66

Амстердам, г. 143

Англия (Великобритания) 5, 6, 9, 18,
19, 45, 71, 115, 119, 122, 142—147,
149—153, 155, 157, 162—165, 171—
173, 175, 176, 178, 192, 193, 199

Аренсбург, креп. 94

Архангельск, г. 15, 19, 42, 51, 59, 76,
87, 197, 199

Балтийское море 6, 7, 15, 20, 22, 37,
39, 42, 60, 69, 71, 119, 124, 130, 142,
147, 151, 157, 161—164, 167, 168,
172, 175—179, 192, 194, 195, 197

Балтийское побережье 155, 196, 197

Баренцево море 15

Батурич, г. 80

Бахмут, г. 106

Белгород, г. 35, 81

Белое море 15, 199

Бендеры, г. 104, 106, 114

Березина, р. 12, 72, 196

Березино, м-ко 72

Березовые о-ва (Беркен-Ейлант) 62,
71, 97, 99, 100, 125

Бешенковичи, м-ко 72

Биржи, м-ко 50, 57, 67, 195

Бонненбург, г. 57

Борго (Боргов, Бургов), г. 126, 127

Борнхольм, о-в 161, 176

Ботнический зал. 123, 127, 129, 138,
165, 166, 176

Ботническое побережье 130

Брагештадт, н. п. 138

Брайлов, г. 108, 113,

Брацлав (Бреславль), г. 107

Бремен, герцогство 118, 121, 145, 147,
161

Брендё, о-в 168

Брест, г. 65

Бригитовка (Пириту), р. 167

Буг, р. 9

Будищанский (Будищенский) лес
82, 84

Будищи Малые, с. 82

Бьёрнеборг, н. п. 129

Бьёрский архипелаг 97

Ваксхольм, креп. 155, 159

Валкенштет, д. 120

Ванцбек, н. п. 123

Варшава, г. 64, 65

Васа (Ваза), н. п. 128, 129, 130, 138,
166, 176

Вексельмюнде, креп. 163

Великие Луки, г. 65

Вена, г. 151, 190

Венеция, г. 16, 19

Веприк, г-к 80

Верден, г., герцогство 118, 145, 147,
161

Веро, н. п. 131

Вестерботе, н. п. 177

Висла, р. 64

Висмар (Висмер), г. 116—120, 142,
143

Водолаги, г-к 106

Волга, р. 16

Волхов, р. 51, 52

Вольгаст, н. п. 118

Воронеж, г. 17, 22, 107

Ворскла, р. 82

Вульф, о-в 167

Выбовка, р. 58

* Принятые сокращения: г.— город; г-к — городок; д.— деревня; зал.— за-
лив; креп.— крепость; м-ко — местечко; н. п.— населенный пункт; о-в —
остров; о-ва — острова; оз.— озеро; р.— река; р-н — район; с.— село.

Выборг (Вибург, Выборх), г., креп. 61, 62, 71, 96—101, 123, 124, 132, 139, 146, 147, 174, 177, 192
 Выборгский зал. 96
 Вятка, р. 15

Гаага, г. 115, 165, 176
 Гадебуш, г. 119, 120
 Галац, г. 108, 110
 Галиция 164
 Гамбург (Амбурх, Гамбург, Гамбурх), г. 120, 121
 Гамле-Карлеби, н. п. 138
 Гангут, мыс 88, 130, 133, 136—138, 141, 142, 147, 155, 168, 176, 197, 199
 Ганновер, курфюршество, г. 89, 142, 143, 145—147, 161, 163, 165
 Гдов, г. 50, 51
 Гельсингфорс (Хельсинки), г. 124, 126—128, 132, 171
 Германия (Немецкая земля) 10, 37, 41
 Германдсберг, высота 47, 48
 Гирсов, г. 120
 Голландия (Голландские Штаты, Нидерланды) 18, 19, 45, 115, 142, 149, 153, 163, 165, 175, 190, 194
 Головчино, м-ко 72, 78, 196
 Голштиния (Голштиния), герцогство 21, 22, 45, 88, 121—123, 195
 Горки, м-ко 72
 Готланд, о-в 128, 154
 Гофемберг, урочище 90, 91
 Гренгам, о-в, плес 142, 168, 171, 195
 Гродно, г. 11, 64, 65, 78, 197
 Гузум, г. 121, 122
 Гумбилек, г. 45
 Гуммельсгоф (Хуммули), мыза 59, 197
 Гюстров (Гистров, Гистроу), г. 119, 120

Дагерорт, мыс 154, 164
 Даго, о-в 177
 Даларё, креп. 157—159
 Дамгартен (Дамгарт), г. 119
 Дания (Датская земля) 7, 19, 21—23, 37, 41, 43—45, 69, 88, 96, 116, 118—120, 129, 142, 143, 145—149, 161—163, 172, 175, 196
 Данциг (Гданск, Гданциг), г. 163, 164, 196
 Двина, Западная, р. 15, 89, 90, 91, 93, 94
 Двина, Северная, р. 15, 51
 Дерпт (Юрьев, Тарту), г. 57, 62, 63, 177
 Двинка, Малая, р. 51
 Динабург (Двинск), г. 89
 Динамюнде (Усть-Двинск), г. 45, 90—94

Днепр, р. 12, 16, 72, 73, 85, 196
 Днестр, р. 107
 Доброе, с. 73, 78
 Долгий Мох, д. 73
 Дон, р. 9, 15, 16
 Дрезден, г. 64, 66
 Дунай, г. 106—108
 Дюнамюнде, г. 194

Евле (Гевле, Гефле), г., креп. 148, 151, 154, 160, 165, 176
 Европа 3, 4, 7, 10, 15, 19, 22, 23, 26, 27, 31—33, 37, 38, 40, 41, 52—54, 57, 71, 75, 86, 89, 93, 146, 148, 149, 152, 153, 170, 183, 188, 195

Жолкиев, м-ко 66, 69, 73

Замостье, г. 64
 Зеландия, о-в 45
 Зеленая Пуца, м-ко 78
 Змиев, г. 106
 Зунд, пролив 21, 122, 176

Ивангород, г. 15, 42, 46, 63
 Ижора, р. 59
 Ижорская земля, см. Ингрия (Ингерманландия)
 Илимско-Ангарский р-н 15
 Ингрия (Ингерманландия) 20, 41, 42, 50, 58, 61, 63, 72, 77, 123, 146, 147, 174, 177, 190, 192, 196
 Испания 188

Калиш, г. 45, 66, 67
 Каменец-Подольский, г. 105, 106
 Каменный Затон, урочище, затем креп. на Днепре 107, 112
 Капель, н. п. 159
 Капельшер, о-в 157, 159
 Каргополь, г. 42
 Карелия 20, 41, 50, 123, 146, 147, 174, 177
 Карельский перешеек 88, 96, 101
 Карльскруна (Карльскрона), креп., порт 152, 154, 164
 Каттегат, пролив 152, 166
 Кексгольм (Корела), г. 42, 61, 71, 101, 131, 132, 147, 174
 Керченский пролив 9, 17
 Киев, г. 16, 65, 105, 188, 193
 Киро, р. 130
 Кобершанц, форт 89, 91
 Ковно, г. 57
 Кольдинг, г. 117
 Конотоп, г. 24
 Константинополь, г. 45, 104, 113
 Копенгаген, г. 45, 88, 143, 162, 165, 175, 176
 Копорский зал. 77
 Копорье, г. 15, 42, 61

Котлин, о-в 61, 62, 97, 100, 161, 165, 168, 171, 173, 180
 Краков, г. 190
 Красная Горка, местность 99
 Красный Кут, г-к 81
 Кронбург, замок 175
 Кроншлот (Кронштадт), креп. 61—63, 96, 97, 99, 101, 124, 132, 151, 167, 188
 Крым 16, 50, 73, 107
 Крымское ханство 114
 Курляндия 57, 89, 90, 92, 142
 Куопио, н. п. 132
 Куромы, урочище 99
 Кюмень, р. 146
 Кюро, оз. 131

Лагены, д. 47
 Ладога, г. 51, 57, 59
 Ладожское оз. 51, 59, 195
 Ландсорт, маяк 158
 Лаппола, д. 130, 131, 198
 Лаппстранду, н. п. 131
 Левобережная Украина (Левобережье) 16
 Лейпциг, г. 66
 Лемланд, о-в 155, 159—161, 168
 Лесная, д. 69, 74, 75, 78, 195, 196
 Леснянка, р. 75
 Либава (Лиепая), г. 142
 Ливония 19, 21, 57, 174
 Литва 50, 57, 90
 Лифляндия (Латвия) 20, 42, 45, 46, 50, 57, 58, 63, 88—90, 96, 105, 146, 147, 151, 160, 174, 177
 Лондон, г. 12, 18, 71, 77, 150, 152, 173, 179
 Луга, р. 51
 Луцк, г. 66, 107
 Любек, г. 120
 Люблин, г. 66
 Лют Еланд (Веселый остров) 61
 Львов, г. 64, 68, 200

Мазовецкие леса 76
 Маллас-Веси, оз. 128, 129
 Малтийский о-в 191
 Мариенбург, г. 57, 61
 Мейан, о-в 159
 Мекленбург (Мекленбургская земля, герцогство) 119, 142, 163
 Мекленбург-Шверинское герцогство 120, 143
 Мерефа, слобода Харьковской губ. 106
 Минск, г. 65, 72, 104, 195
 Могилев, г. 72, 78
 Мокша, р. 15
 Молдавия 106—108, 113

Москва, г. 14—16, 20, 22, 24, 32—35, 41, 50, 56, 58, 64, 65, 69, 71—73, 77, 81, 90, 97, 107, 149, 194
 Москва-река 31
 Мстиславль, г. 72
 Мудьюжский, о-в 51

Нарва (Ругодев, Руголив), г., креп. 20, 21, 42, 45—47, 49, 50, 57, 62, 63, 69, 94, 123, 177, 197—199
 Нарген, о-в 164, 167
 Нарова, р. 46—49
 Нарымский р-н 15
 Небель, р. 119
 Нева, р. 9, 52, 58—62, 69, 77, 192
 Нейшлот, креп. 131, 132, 146
 Неман, р. 65
 Нечипенг, г. 158
 Ниеншанц (Канцы), креп. 60—62, 196
 Нижний Новгород, г. 15
 Ништадт, г. 173, 176, 177
 Новгород, г. 35, 42, 45, 57, 59, 72
 Новгород-Северский, г. 79
 Новый Мыш, м-ко 90, 92
 Норвегия (Норвежское государство) 145—147, 149, 150, 152
 Норчепинг, г. 152, 156, 158
 Нотебург (Нотеборг, Шлиссельбург, Петрокрепость), г., креп. 42, 52, 59, 60, 62, 63, 195, 199
 Нью-Карлеби, н. п. 138

Ока, р. 15, 16
 Олонец, г. 42, 50
 Олонецкий уезд 51
 Ольдесло (Ольдеслоу, Эльдесло), г. 120
 Онежское оз. 51
 Ошмянны, м-ко 71

Павлов, г. 14
 Паншин, г-к 16
 Париж, г. 189, 195
 Пелкина, р. 128, 129
 Пелькяне-Веси, оз. 128
 Переволочна, креп. 11, 85, 199
 Пернов (Пернау, Пярну), г. 45, 46, 59, 63, 91, 92, 94, 95
 Персия 10
 Петербург (С.-Петербург, Ленинград) г. 61, 62, 71, 76, 77, 90, 91, 96—98, 101, 104, 124, 132, 141, 149, 150—152, 163, 170, 173, 174, 177, 192, 196, 199
 Петровка, д. 82
 Петропавловская креп. 61, 63, 196
 Пиллау (Пилава), порт 153
 Пиннеберг, н. п. 121
 Пинск, г. 65
 Питео, о-в 176, 177

- Поволжье Нижнее 149
Полесье 65
Полтава, г., креп. 7, 11, 75, 81, 82, 84, 86, 89, 115, 145, 184, 191, 193, 195—199
Польша (Речь Посполитая) 10, 16, 18—21, 37, 45, 57, 63, 64, 69, 82, 88, 89, 104—106, 115, 117, 120, 123, 146, 147, 149, 151, 161, 163, 194, 195
Померания 88, 105, 106, 115—119, 121—123, 142, 143, 147, 148, 195
Правобережная Украина 82
Преображенское, с. 17, 19, 20, 34
Приазовье, побережье 105
Прибалтийский край 190
Прибалтика 7, 19, 20, 37, 41, 43, 58, 59, 63, 69, 89, 95, 96, 101, 105, 107, 147, 148, 190, 194, 195
Прилуки, г. 80
Припятские болота 65
Причерноморье 16
Пропойск 73, 75
Просна, р. 66
Пруссия (Прусская земля) 89, 92, 117, 123, 142, 143, 146, 161—163, 171, 172
Прут, р. 108, 110, 112, 114, 139, 199
Псков, г. 35, 42, 50, 51, 57, 59, 63, 65, 71, 72
Радегаст, р. 120
Радошкевичи, м-ко 71
Раевка, с. 73
Раумо, г. 173
Ревель (Колывань, Таллин), г. 20, 43, 46, 63, 90, 95, 96, 123, 125, 127, 130, 132, 142, 146, 151, 161, 163, 164—167, 171, 174, 177, 180, 193, 197
Ревка (Рауге, Раух), мыза 58
Рёдшер, о-в 168
Реквиц, р. 119
Рендсбург, креп. 121
Реста, р. 73
Решетиловка, м-ко 89
Рига, г. 45, 46, 57, 63, 71, 89—96, 138, 163, 174, 177, 181, 192
Рилакс-фьерд, зал. 136
Рим, г. 290
Рогервик, зал. 142, 168
Ромны (Ромна), г. 80
Россия (Российская империя, Русь) 3—11, 14—23, 27, 31, 33, 34, 37, 40—45, 52—54, 56, 57, 60, 64, 66—69, 71, 73, 75—78, 84, 86, 88, 89, 95, 96, 104, 106—108, 113—115, 119, 120, 122, 123, 129, 130, 137—140, 142—149, 151—153, 155—157, 161—164, 167, 171—175, 177—180, 182, 184, 187—200
Росток, г. 119
Руней, о-в 158
Рюген (Риген), о-в 116, 117, 119, 123
Ряпина мыза 58
Сайминское оз. 131, 132
Саксония (Саксонская земля) 7, 20, 41, 45, 64, 66, 69, 115, 116
Самара, г., креп. 112
Свердловск, г. 196
Свирь, р. 51
Северский Донец, р. 15
Северская обл. 78
Сейм, р. 15
Семеновка, д. 82
Семеновское, с. 34
Серпухов, г. 14
Сестра, р. 61, 62
Сибирь 15, 149
Силоу, г. 120
Сирет, р. 108
Скандинавия 144
Скона (Скония, Скания), южная часть Скандинавии 91, 142, 148, 152
Слободская Украина 81, 106
Служк, г. 65, 104
Смоленск, г. 16, 28, 35, 65, 71—73, 77, 78, 104
Сморгонь, м-ко 71, 78
Сож, р. 73
Сталгольм, о-в 132
Соловецкие о-ва 59
Сороки, г. 108
Средняя Азия 188
СССР (Советский Союз) 8, 13, 140, 179, 192—194
Стамбул, г. 113, 114
Станислешти, м-ко 110
Стариши, д. 73
Стародуб, г. 78, 79
Стекзунд, пролив 159
Стеру, р. 120
Стокгольм (Стеколма, Стекольная, Стехольм, Текхольм), г. 71, 123, 137, 138, 145, 150, 152—160, 167, 173, 175, 177
Сундшер, о-в 146
Суомен-веден-селка, оз. 96
Сура, р. 15
Тавастгус, н. п. 128
Тавендал (Травенталь), г. 45
Таганрог, г. 106, 112
Тверминне, н. п. 127—129, 132, 133
Тверь, г. 72
Тякоцин, г. 65
Тихвин, г. 51
Томско-Кузнецкий р-н 15
Тоннинген, г. 122
Торнио, н. п. 138
Торунь (Торн, Торнау), г., креп. 88, 130
Траве (Трау), р. 119
Траян, м-ко 108
Тронгзунд, пролив 98—100
Тула, г. 14
Турция (Турецкая империя, Порта) 10, 16—20, 23, 31, 41, 45, 50, 73, 85, 101—106, 113—139, 145, 190, 196, 198
Углич, г. 14
Украина (Малая Россия, Малороссия) 72, 73, 75, 80, 89, 105—107, 117, 149, 190, 200
Улла, р. 12, 72, 196
Ульвесбюле, н. п. 121
Умео (Ума), г. 130, 138, 176, 177
Умео Новый, г. 166
Умео Старый, г. 166
Упсала, г. 160
Урал 14, 149, 196
Фальчи, урочище 108
Феллин, г. 95
Финляндия 11, 13, 37, 42, 71, 77, 88, 96, 98, 101, 116, 117, 123—125, 127—132, 141, 146—148, 151, 152, 160, 164, 174, 190, 191, 196
Финский зал. 15, 60, 61, 95, 97—99, 124, 128, 130, 177
Флисе, о-в 168
Форсби, н. п. 128
Форсе, о-в 127
Форсмарк, г. 159
Франция 119, 143, 149, 152, 153, 162, 163, 171, 172, 189, 194, 197
Фредриксхаль, креп. 150
Фридрихштадт, г. 121
Фрисберг, о-в 168
Харьков, г. 81, 106, 107, 192
Хетала (Сихогнеми), м-ко 97, 98
Холмогоры, г. 76
Царицын, г. 16
Цефор, урочище 108
Чашники (Чашниково), м-ко 72
Черая, м-ко 73
Чернигов, г. 72, 73
Черное море 16, 17, 19, 114
Чудново, г. 24
Чудское (Пейпус) оз. 20, 59
Швабстед, н. п. 121
Шван (Шваап), г. 119, 120
Шверин см. Мекленбург-Шверинское герцогство
Швеция 3, 6, 7, 10, 14, 15, 19, 20, 21, 33, 37—42, 44, 45, 50, 64, 69, 71, 86—89, 91, 95, 96, 101—103, 105, 115—117, 119—121, 123, 124, 127, 130, 138, 142—148, 150—152, 154—157, 160—167, 170—179, 191, 192, 194, 197, 199
Шклов, г. 72, 73
Шлезвиг (Шлезвик), герцогство 147
Шлиссельбург (Петрокрепость) см. Нотебург
Штаде, н. п. 118, 121
Штеттин (Щецин), г. 116—119, 123, 147
Штральзунд (Стральзунт), г. 116—119, 123, 142
Эзель, о-в 94, 153, 177
Эйдер, р. 122
Эйдерштед, н. п. 121
Эланд, о-в 128, 153
Эльбинг (Ельбинг), г. 117
Эмбах, р. 62
Эрегрунд, н. п. 159
Эрестфер, м-ко 58
Эстхаммар, н. п. 159
Эстляндия (Эстония) 20, 50, 57, 63, 88, 95, 105, 123, 147, 151, 160, 174, 177, 197
Юнгфернгоф, м-ко 90
Яковчанский (Яковецкий) лес 82
Яковцы, д. 82
Ям, г. 15, 42, 61
Ямбург, г. 63
Ярославль, г. 14
Яссы, г. 106—108

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. НАКАНУНЕ ВОЙНЫ	14
<i>Причины и характер войны.—Состояние русской армии.—Вооруженные силы Швеции.—Военные планы сторон.</i>	
2. ТРУДНЫЕ ИСПЫТАНИЯ	45
<i>Первая военная кампания.—Мероприятия русского правительства по укреплению обороны страны.—Предвестники славных побед.—Гродненский маневр.—Сражение под Калишем.</i>	
3. КРУШЕНИЕ ШВЕДСКОГО НАШЕСТВИЯ	69
<i>Обстановка перед нашествием.—Провал наступления армии Карла XII на Москву.—Сражение при Лесной.—Всенародное сопротивление захватчикам.—Полтавская битва.</i>	
4. ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРИБАЛТИКИ И ФИНЛЯНДИИ	88
<i>Изгнание шведов из Латвии и Эстонии.—Военные действия на Карельском перешейке.—Прутский поход 1711 г.—Военные действия в Померании и Голштинии.—Поражение шведских войск в Финляндии.—Морское сражение при Гангуте.</i>	
5. ПОСЛЕДНИЕ СРАЖЕНИЯ И ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЙНЫ	142
<i>После Гангута.—Аландский конгресс.—Высадка русских десантов на побережье Швеции.—Морское сражение при Гренгаме.—Ништадтский мир.</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	182
ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	188
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	202
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	209

ИСТОРИЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

1700—1721 гг.

*Утверждено к печати
Институтом военной истории
Министерства обороны СССР*

Редактор издательства
М. А. Васильев
Художник
И. Е. Сайко
Художественный редактор
С. А. Литвак
Технический редактор
И. Н. Жмуркина
Корректор
Л. И. Левашова

ИБ № 29494

Сдано в набор 28.04.86
Подписано к печати 10.07.86
Т-15569. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага книжно-журнальная импортная
Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая.
Усл. печ. л. 13,5. Усл. кр. отт. 13,5
Уч.-изд. л. 16. Тираж 14700 экз.
Тип. зак. 2502. Цена 1 р. 30 к.
Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6